В О С П О М И Н А Н И Я

Москва

2020 г.

Воспоминания – это не пожелтевшие письма, не старость, не засохшие цветы и реликвии, а живой, трепещущий мир.

Два чувства дивно близки нам
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
А.С. Пушкин

Эту не выдуманная история, потому что жили на свете люди, которые сделали меня таким, какой я есть сейчас, со всем положительным и отрицательным, великим и ничтожным, с тем, за что меня любят и ненавидят. Жили люди, кровь которых течёт в моих жилах.

Я в другой раз и сам, не знаю, чего от себя ожидать. Вроде уже изучил себя за столько лет, и управлять нужно бы научиться своими порывами и мыслям их подчинять. Ан нет! Будто далёкий предок проснётся во мне со своим грузинским темпераментом и с каким-то книжно-дворянским понятием чести, или удивительно правильной порядочности немец требует разложить всё по полочкам, или русский со своей бесшабашностью, махнув на всё рукой, заставляет, действуя на авось, идти туда, вроде, куда не следовало, и побеждать.

Не важно, кого во мне и сколько. Важно, что это странное, невероятное сплетение прошлого дало сегодня меня. Важно, что оно во мне живет, так же как я буду жить в своих детях, внуках, правнуках…

Это не историческая хроника, потому что всё (или почти всё), что случилось с этими людьми, придумал я. Да и верно ли, что придумал? Про них мне рассказали мои бабушки и тётки, родители и родственники. Они, мои предки, говорили со мной и днём и по ночам. Они завладевали мыслями моими, рассказывая про себя удивительные истории.

Так захотели они, мои предки, чтобы то, что случилось с ними, узнали и другие люди, потому что прошлое наше неотделимо от нас, живущих сегодня, и тех, кто будет жить завтра.

Г Е О Р Г И Й

Благодарю тебя, Сванетская долина
За этот щедрый, первозданный лес,
Луга цветущие и бурные стремнины,
За синеву бездонную небес.
Грохочет сжатый между берегами
Волную мутною мятежный твой Ингур.
С закинутыми на спину рогами
Застыл над пропастью могучий тур.
Несёт свою сторожевую службу
Тетнульд – седоволосый великан,
Подъемлет гордо царственная Ушба
Двурогую корону к облакам
Столетьями незыблемые башни
Над крутизною высятся бесстрашно
И Ушбы мрачный вид отобразя,
Они пришельцам издали грозят.

Солнце появилось мгновенно. Казалось, ещё минуту назад в утренней мгле, чёрной стеной на востоке стояли исполинские горы, но вот всё чётче и чётче вырисовываются они своими вершинами на голубеющем небе. Будто у старого чеканщика Гурули из неясного намёка, вдруг, как бы и внезапно, появлялся красивый, сказочный узор. И вот всплеск лучей, и двурогая корона Ушбы, отвечая солнцу,

Восход солнца над горой Ушба

вся заискрилась, заиграла тысячами огоньков, предвещая новый день. Солнце появлялось мгновенно. И в какой-то миг ещё можно было различить над Ушбой царственной ореол, но тут же глаза начинали болеть от сверкания солнца, снегов, ледников и самого неба.

– У-а-а-а! – кричал Георгий, набрав в лёгкие ещё морозного воздуха столько, сколько могло в себя вместить ещё хрупкое тело двенадцатилетнего паренька.

– У-а-а-а-а-а! У-а-а-а-а-а-а! – откликались горы, будто бы радуясь вместе с мальчиком началу нового дня.

Георгий стоял на склоне. Зажмурив глаза, раскинув руки, подставив всего себя золотым, ласковым лучам, впитывая с ними жизнь и силу, как бы заряжаясь энергией на весь день.

– Георгий, иди есть. Чай вскипел, – зовёт от дымящегося костра дядя Гиви.

Он действительно его дядя, только Георгий не помнит, то ли троюродный, то ли двоюродный. Вот он сидит в чёрной бурке возле костра. Настоящий горец, сильный и бесстрашный. Георгий с обожанием смотрит на дядю Гиви, решая, что, когда он вырастет, тоже будет таким. Они вдвоем уже второй год выходят пасти овец. У отца Георгия много пастбищ, но он ещё ни разу не уходил так далёко от родного села, как на этот раз.

Ели молча. Овечий сыр и ржаные лепёшки, да ещё с горячим чаем прекрасно утоляли утренний голод.

Сегодня решили перегонять скот на новое пастбище, небольшую долину, находящуюся за соседним хребтом. Гиви помнил дорогу, хотя давно там не был. По одному ему известным приметам он находил козьи тропы, на ходу поясняя Георгию, объясняя и уча. В горах надо не просто родиться. Горы надо любить, пройдя через все трудности и испытания. Гиви знал и любил горы. Ещё мальчишкой гонял хозяйские стада по окрестным пастбищам, проводя все тёплое время в горах, и лишь с наступлением холодов возвращался в село. Князь Ромаз Лисилидзе ценил его и доверял, считая лучшим пастухом. Поэтому и посылал второй год подряд с ним своего младшего сына Георгия. Он тогда сказал и Гиви хорошо запомнил это:

– Сделай из него настоящего горца, Гиви, и я подарю тебе десять овец из моего стада.

«Десять овец, это совсем не плохо и может положить начало нового, своего стада. Да и парень не глуп. Хорошо соображает!» - размышлял Гиви, одновременно зорко наблюдая, как Георгий управляется лошадью, подгоняя отставших овец.

Подъём становился всё круче, переходя в небольшую, стиснутую с обеих сторон горными откосами, тропинку. Гиви ещё вчера осмотрел почти весь путь до самого спуска и поэтому был спокоен и ехал сзади Георгия, однако, не позволяя ему отъезжать далёко. Где-то близко шумела вода. Узкая долина реки, местами ещё более сужаясь, образовывала теснину, по дну которой несся бурный, почти не видимый в чёрной глубине поток. Только шум падающей, перекатывающейся через камни, бурлящей воды наполнял округу неясным гулом.

Альпийские пастбища Кавказа

Возле таких бурных горных речушек на широких и пологих участках, образованных выносами воды, на террасах и безлесных склонах и располагались альпийские пастбища.

Путники миновали поворот и начали потихоньку спускаться. Пришлось спешиться и вести лошадей на поводу, предоставив стадо верным кавказским овчаркам и природному инстинкту, который неизменно выведет овец к зелёной траве. Поток уходил влево, а тропа огибая каменистое плато, поворачивала вправо и за этим плоским каменным выступом, покрытым местами кустарником и широколиственными деревьями, они должны были вновь встретиться.

Обогнув выступ, стадо уже высыпало на сочные травы, покрывавшие своим зелёным ковром небольшую долину, зажатую со всех сторон горами. Георгий и дядя Гиви, находящиеся в конце и подгонявшие отставших овец, не видели, что в другом конце поляны стоит шалаш, а вокруг пасутся овцы. В следующее мгновение до их слуха донёсся отчаянный собачий лай, грозное рычание, повизгивание и другие звуки, явно подтверждающие, что верные псы вступили с кем-то в сражение. Дядя Гиви вскочил на лошадь и размахивая плетью рванулся через кусты на поляну. Георгий последовал его примеру. Когда он выскочил на своем гнедом на открытое место, то увидел, что посредине поляны в жаркой схватке сцепились четыре пса, а к ним на полном скаку с одного и другого конца мчатся всадники. Георгий не знал, что ему делать: то ли скакать на помощь дяди Гиви, то ли подождать, присмотрев пока за стадом. Природное чутьё или княжеское воспитание подсказали ему, что пока лучше не вмешиваться в дела взрослых, но на всякий случай он снял из-за спины ружьё и, взяв его удобней, направил коня поближе к месту встречи двух всадников.

Горцы, обрушив на собак свои плётки и прикрикнув зычными голосами, разняли драку. Псы, ещё оскалив пасти и огрызаясь, как бы нехотя, всем своим видом показывая готовность в любую секунду снова ринуться в бой, всё же отходили ближе к своим стадам.

Два человека, два грузина, оба почти одинаково одетые сошлись в центре поляны. О чём они говорили, Георгий не слышал. Да и говорили ли они вообще. Может, перебросились двумя, тремя фразами и разъехались, каждый, сохраняя гордый и независимый вид.

События, происходящие в Грузии во второй половине 19 века, с трудом доходили сюда, в горные районы. Верхняя Сванетия – суровый и нищий край, где крестьяне, кое-как ковыряя землю, сеяли ячмень и овёс, а в основном пасли скот. Здесь не было и в помине слышно о дворянском заговоре и об окончании переустройства военно-грузинской дороги, об образовании Кавказского общества сельского хозяйства или основании русского драматического театра, о Крымской войне или отмене крепостного права в Грузии. Ущелье Ингури, разделённое на изолированные отсеки крупными отрогами Большого Кавказа, создавало сильно расчлененный горный рельеф. Сёла, зачастую очень мелкие, были изолированы друг от друга, и не так часто из одного села в другое приходили люди. И дело было не только в трудной и опасной дороге через горные хребты, а и во многовековой истории маленького горского племени, истории постоянных вооруженных столкновений, междоусобиц отдельных кланов, причиной которых был страшный обычай кровавой мести. Селения превращались в крепости.

Отец Георгия, князь Ромаз Лисилидзе, был человеком известным в Сванетии, богатым и сильным. Основной достаток ему

приносили овцы, стада которых паслись на пастбищах, прилегающих к селу Ушгули. Ещё дед Ромаза, грозный Муртаз Лисилидзе вёл отчаянные войны с соседями за пастбища. Сын и внук Муртаза сохранили и приумножили их.

Сванетские дома представляли собой маленькие цитадели с бойницами вместо окон, со стенами, плотно сложенными из толстых сланцев и гранитных плит. Именно таким было село Ушгули – родовое гнездо князей Лисилидзе.

Село Сванетии второй половины 19 века

Из немногочисленных жителей села мало кто не был зависим от них. Кто нанимался пасти овец, кто платил урожаем, оставляя себе крохи, чтобы не умереть с голоду. Кузнец, оружейник, чеканщик, сапожник - все были в долгах и сколько бы ни выплачивали их, долги всё росли и росли. Братья Цховеби пытались торговлей в Ивеберской долине поправить свои дела, но дорога туда была настолько трудна и долга, что о большом обороте не приходилось и думать. Через два года братья, оба гордые и сильные люди, были вынуждены отправиться в батраки к Лисилидзе. Хотя князь Ромаз и был на них зол, однако с охотой принял братьев и потом не раз использовал их знание торговых дел, посылая в долину с поручениями. Братья укротили свой нрав и даже вошли во вкус, с честью выполняя поручения князя. Через некоторое время братья Шота и Муртаз Цховеби стали приближенными и доверенными людьми князя. Вот тогда, то князь Ромаз Лисилидзе и задумал послать своего сына Георгия в Тифлис. Когда Шота Цховеби

приехал в последний раз из Цвеберской долины, куда посылали его купить белой материи в обмен на овечью шерсть, он рассказал, что Грузия пошла на поклон к Русскому царю, что царь прислал своё войско, и оно прогнало турков с земли Аджарии и Месхетии, Джавахетии и из Катли и Кахетии, что в Тифлисе много русских, много товаров и теперь вообще придётся жить с русскими в братстве.

Старый князь долго слушал рассказы Шоты, а утром велел седлать коня и готовить продукты в дорогу. Никто не посмел спрашивать его, куда он собрался, потому что видели, князь озабочен и хмур. Взяв с собой трёх вооруженных всадников, он выехал, крикнув на прощание, что вернётся через неделю.

Грузинский юноша

Вернувшись, князь объявил, что посылает сына Георгия, младшего из трёх своих сыновей, в Тифлис на учёбу. Запричитали тётки и княгиня, но Ромаз Лисилидзе был твёрд и непреклонен. Как вернётся Георгий с пастбищ, готовить его в дорогу.

– Кто эти люди, дядя? – спросил Георгий, приноравливая своего коня к шагу лошади Гиви, подъехавшего к нему.

– Враги твоего отца – буркнул Гиви, взмахнув плетью, стал подгонять овец, забиравших влево.

Георгий слышал много историй, которые любил рассказывать старый пастух Кетбая, ещё помнящий князя Муртаза Лисилидзе. Истории эти, как правило, затрагивали врагов рода и как князья с ними расправлялись. Но видеть врагов живыми, да ещё так близко, ему никогда не приходилось. Георгий повернулся и посмотрел вслед подъезжавшему к своему шалашу всаднику. В этот момент из шалаша выскочила девчонка в белом длинном платье, какие носят женщины на Кавказе, и тёмном жилете поверх. Она схватила коня под уздцы и что-то говорила всаднику, размахивая свободной рукой и указывая в сторону Георгия. Всадник спешился, обнял девочку за плечи и вошел с ней в шалаш.

По-прежнему сверкало солнце, отражаясь в снегах вершин, и ничто не нарушало мирной тишины, кроме шума стекающей воды, блеянья овец да фырканья лошадей, отгонявших редких мух. Так и остались на поляне два стада, два шалаша и две пары лошадей и даже

псы, словно почуяв негласное разделение, не пытались пересекать невидимую границу.

Долина была хоть и небольшая, стиснутая со всех сторон горными отрогами, но сочной травы хватало двум стадам. Дни были похожи один на другой. Утром Георгий вставал с первыми лучами восходившего солнца, быстро утолял утренний голод и седлал своего коня. Молодой гнедой трехлеток и мальчик понимали друг друга, как дети гор. Горец и лошадь не отделимы. С первых шагов молодым грузинам прививается любовь к лошадям, которая не исчезает до конца дней. Да и как быть по-другому, если лошадь - единственное средство передвижения в горах. Она больше, чем друг. Она член семьи.

Георгий объезжал стадо, собаки приветствовали его вилянием хвостов и лёгким повизгиванием. Расположение этой поляны было благоприятно тем, что попасть на неё можно было только по одной тропе. Опасаться за овец, особенно днём, не приходилось. А ночью главный опасностью могли быть только волки, но присутствие кавказских овчарок да два костра, поддерживаемые во время темноты, делали почти невозможным внезапное нападение серых хищников. Нехитрые обязанности, как-то заготовка хвороста, приготовление пищи доставляли только удовольствие и не требовали много времени.

Как Георгий ни просил дядю Гиви рассказать, кто живёт с ними по соседству, но ему так и не удавалось его разговорить. Он больше отмалчивался, а один раз буркнул:

– Что ты ко мне пристал? Спроси своего отца!

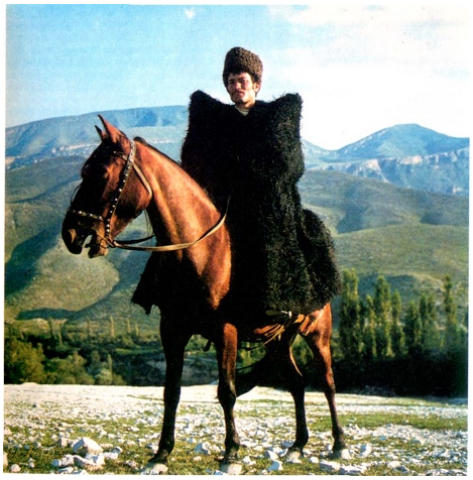
Георгий понял, что ему так и не удастся удовлетворить своё любопытство, по крайне мере пока не вернётся домой. Понять-то он понял, но уж очень хотелось знать, кто эта девочка и что она делает здесь среди гор, далёко от людского жилья, где даже и мужчина не всякий выдержит. Объезжая стадо, он ненароком, как бы случайно, нередко бросал взор на шалаш в другом конце поляны, и иногда ему удавалось заметить стройную фигуру в неизменно белом платье и тёмном жилете. Было заметно, что она тоже с любопытством посматривает в сторону Георгия, а он, заметив этот взгляд, старался придать себе гордую осанку и лихо управлять конем с видом бывалого и всё видавшего горца.

Время не только лекарь, оно и следователь, и прокурор, адвокат и судья. Когда на душе кошки скребут, когда всё из рук валится и, кажется, рушится весь мир – не отчаивайся. Позволь похозяйничать времени. Оно всё исправит, сгладит, исцелит. Оно высветит тёмные пятна и притушит слишком яркие. Оно откроет то, что в данный момент,

кажется, не поддается никаким отмычкам. Оно точно скажет, кто есть кто.

Прошло несколько дней. Поневоле люди, живущие вместе в таком замкнутом пространстве, стали общаться друг с другом. То овцы забредут и прибьются к другому стаду, то волчий вой заставит собак залиться дружным лаем и ринуться в одно место, а людей последовать за ними, то столкнутся двое на узкой горной тропе, ведущей к водопою, единственному месту, где горный, стремительный поток чуть сбавлял свою скорость и растекался ***в*** небольшом ущелье.

Уже несколько раз Георгий замечал, как дядя Гиви, ненадолго останавливаясь, разговаривал с человеком из того шалаша, и разговор их носил вроде вполне дружелюбный характер. Даже собаки начали общаться, устраивая совместный загон овец, когда те расходились и приближались слишком близко к покрытым лесом склонам, где скорее всего могли быть волки. Даже лошади ночью старались сбиться в одну кучу, а гнедой Георгия все настойчивей приветствовал ржанием молодую кобылу в серых яблоках.

Горец

Рано или поздно должна была состояться встреча Георгия с незнакомой девочкой. Разве могло быть по-другому? И она состоялась у потока, куда Георгий отправился с большим котелком, чтобы набрать воды для чая.

Кто знает, как произошла эта встреча? Что говорили друг другу дети? Наверное, быстро, несмотря на грузинские обычаи, сдерживающие общение между мужчинами и женщинами, нашли они общий язык. Да как могло быть иначе в этом небольшом, заброшенном высоко в горах и отделенным от всего света мире? Конечно же, детский язык и детская непосредственность, восторженное восприятие окружающей действительности взяли вверх над настороженностью и смутными догадками из мира взрослых.

Майя (Маиа, как говорили в Грузии), так звали девочку, оказалась живой и весёлой. Она успевала всюду: и обед приготовить, и хворосту натаскать, и за овцами присмотреть, пока её отец отдыхал после трудной ночи. Она прекрасно управлялась с лошадью. У неё была мужская одежда, которую она стеснялась одевать вначале, а потом, как-то раз не вытерпев, переодевшись, выскочила из шалаша, ещё больше поразив Георгия и дядю Гиви своей привлекательностью ещё девочки, но уже проявляющей первые, ещё неясные намёки женской фигуры. Георгий и Майя всё чаще были вместе, то объезжая стадо, то устроившись в тени о чём-то разговаривая, а то и отправляясь за водой и не очень-то спешили назад, радуясь этому уединению и так внезапно найденной дружбе.

Грузинская девушка

Дядя Гиви и отец Майи, Кахи Асатиани, молчаливо наблюдавшие, как возникает и крепнет дружба детей, думали каждый о своём.

Дядя Гиви думал, что лето кончается, ещё несколько дней и можно будет гнать стадо домой. И на следующий год он обязательно получит обещанных овец, да скопленных денег хватит ещё на десять, и он будет иметь своё стадо. Правда, почти все луга в округе принадлежат Ромазу Лисилидзе, но он же его родственник, хоть и по материнской линии. И может князь отдаст ему в аренду одно из своих пастбищ? А если им не удастся сговориться, он поведёт своё стадо на север. Там есть далёкие, хоть и небольшие, наподобие этого, луга, дорогу куда знает только он, Гиви Товашвили. Пускай Георгий последние дни отдохнёт перед дальней дорогой, побудет с этой девочкой. Он же пока ещё ребенок, хоть и горец. От постоянного общения с ним, овцами, собаками да лошадьми, можно вообще разучиться говорить. Он не знает, так оно и к лучшему, кто эти Асатиани. И его, Гиви, тоже не волнует, что там Лисилидзе не поделили с Асатиани. Хотя он прекрасно знает, что! Именно вот эту поляну и не поделили. Пускай сами разбираются. Его дело овец пасти. А Лисилидзе не обязательно знать, кого Гиви встретил в горах и где. Вот только Георгий! Придётся как-то рассказывать. Только не сейчас. Потом, по дороге. А чудная это дочь Асатиани. Красивая! Гиви всё время мечтал о дочери. Но не судьба. Бог не дал его жене родить. Столько слёз она выплакала, столько молила всевышнего. Вот так и живут вдвоём. Зачем?

Кахи Асатиани смотрел на свою дочь и думал, что ждёт её в жизни? Совсем большая стала. Ещё года три-четыре и надо будет думать о свадьбе. Кто сейчас возьмёт Майю? Сын лентяя Поленивили или этот неудачник Тенгиз? Эх, жизнь! Ещё совсем недавно род Асатиани был известен на всю Мессетию, село, лежащее по другую сторону хребта от села Ушгули. Ровно десять лет назад, в тот несчастный год, умер его отец. Угас за четыре дня. Старухи говорили это злая Кора, властительница горных ущелий, послала на него смерть. Старый Асатиани всегда был свободным человеком и презирал любые запреты. Он смеялся, когда ему говорили: «Не ходи в ущелье злой Коры». Он не послушал людей.

Брат Кахи в тот же год забрался далеко в горы. Он искал новые пастбища и нашёл эту райскую поляну. Не успели они как следует расположиться, как налетели люди Лисилидзе. Возник спор. Брат настаивал на своём праве на эту поляну, и они убили его. Всё это рассказал пастушонок, чудом скрывшийся и добравшийся до Месситии. Он был чуть старше этого Георгия, Георгия Лисилидзе – сына князя, заставившего угаснуть род Асатиани. Кахи не смог тогда пойти в горы. Умирала его жена, лишь успевшая вскормить маленькую Майю.

– Оставайся, Кахи. Мы отомстим Лисилидзе – сказал старший брат.

Он, его средний брат и два сына их сестры ушли в горы. Потом народная молва принесла весть о том, как Асатиани вышли к той поляне, перестреляли всех Лисилидзе, кто на ней был. Но князь оказался куда хитрее, чем они могли предположить. Их встретили в узком ущелье, когда они перегоняли стадо и лошадей. В живых не осталось никого.

Через несколько дней умерла жена Кахи, оставив на его руках маленькую Майю. Перед смертью она заставила его поклясться, что он будет жить ради дочери, что он вырастит и не бросит её, что до самого дня свадьбы она будет с ним.

Сестра Кахи, узнав о гибели своих, совсем еще юных сыновей, сошла с ума и бросилась со скалы.

Так в одно лето угас славный род Асатиани.

Небольшое стадо овец и старый дом отца – всё, что осталось от былого богатства Асатиани.

Прошлым летом случайно Кахи забрел на эту поляну. Было видно, что здесь давно никто не был, и он решил остаться. Прошло десять лет с того страшного лета. Время хоть не изгладило, но затушило боль. Только клятву, данную жене, всегда он помнит. Как он был испуган за дочь, когда на поляне показались люди. И как отлегло от сердца, когда это оказался Гиви. Гиви не выдаст. Он не скажет. А впрочем, может лучше убраться от греха подальше. Вот только Майя. Он видит,

как ей хорошо тут, среди этих гор и трав. Она в прошлом году, как увидела, так сразу и заявила, что это буде её поляна, и она здесь будет хозяйкой. Да и сейчас она рада, что есть Георгий. Пускай порезвится. Осталось совсем не много дней. Скоро нужно будет возвращаться.

Майя и Георгий

Поздней весной 1880 года в город Борисоглебск Тамбовской губернии, представлявший собой типичный уездный российский город, на телеге, управляемой бородатым мужиком в потрепанном тулупе, въехала молодая пара.

Дворовое хозяйство в Борисоглебске в конце 19 века

На высоком, красивом грузине была надета тёмная рубаха с косым воротом и суконные шаровары, заправленные в сапоги, некогда блестящие, но изрядно потрёпанные в долгой дороге. Заканчивал туалет серый от пыли архалук (верхняя одежда в талию с длинными рукавами и глухим воротом). Молодая женщина, совсем ещё девушка, в своём скромном каба (длинное платье с грудной вставкой и широким поясом), выглядела усталой и от этого казалась грустной.

Борисоглебск в конце 19 века

Ранним утром город ещё спал, и только дворники в огромных фартуках мели улицы возле домов побогаче да телеги с полусонными молочницами, громыхая пустыми бидонами, отправлялись на ферму.

К концу 19 века Борисоглебск, потерявший военное значение в связи с продвижением границ России на юг, превратился в торговый и ремесленный город, расположенный в месте слияния рек Ворона и Хопер. По этим рекам сплавлялись барки (большое несамоходное плоскодонное судно) с хлебом, лесом, салом, шерстью, растительным маслом, птицей, яйцами и другими товарами. Оживленная пристань названная Хопёрская располагалась поблизости к Хопру. На луговой стороне Хопра и Вороны строились барки. Для их передвижения по рекам прибегали к использованию бурлаков, которых собиралось в городе до десяти тысячи человек. При этом всё население города не превышало этого количества и из них около 3000 человек были купцами 2-й и 3-й гильдии, занимавшиеся торговлей. Водный путь связывал Борисоглебск с портами на Азовском и Черном море, что привлекало в город торговцев со всех ближайших уездов и губерний. Водная система пропускала грузы только в летнее время года. Зимой, когда реки замерзали, оживало движение на больших дорогах. Бесконечной вереницей тянулись обозы, гурты скота, ехали на перекладных купцы, помещики, чиновники. Огромные пространства преодолевались в течение недель и месяцев.

Борисоглебские торговцы закупали в землях Войска Донского, Екатеринославле, Харькове, Саратове тысячи голов крупного и мелкого скота. Большей частью он перерабатывался на месте. Из него вытапливали сало, которое по зимнему пути вывозили в Москву и Санкт-Петербург, а оттуда – за границу. Мясо просаливалось и отправлялось в соседние города. Крупные и мелкие кожи находили сбыт на месте, а также в Лебедяни и Урюпино. Торговля скотом и салом находилась в руках купцов-просолов, кожами приторговывали мещане.

В городе выделялись две площади: главная административная – в центре и торговая – на окраине. Хотя по традиции ежедневная торговля сохранялась и на главной площади. На площадях и улицах располагалось почти сотня торговых лавок. В Борисоглебске постоянно проводились различные ярмарки. Особенно выделялась Казанская, проходившая ежегодно 6 июля и продолжавшаяся целую неделю.

В городе были шерстомойные, мыловаренные, салопильные, винокуренные, пивоваренные, воскобойные, кирпичные, чугуноплавильные предприятия.

Большую роль в обеспечении торговли сыграла Грязе-Царицынская железная дорога. Которая связывала Борисоглебск с Царицыным, и, следовательно, с Приволжским краем с одной стороны и с портами Балтийского моря с другой. По дороге отправлялись хлеб, лес, керосин, рыба, икра, арбузы, а также соль из озёр Астраханской губернии. В городе даже открыли техническое железнодорожное училище.

Улица, на которую въехала телега, в начале представляла собой разбитую немощёную дорогу, без тротуаров. В пыли копошились куры под наблюдением петухов, время от времени вскидывающих голову и гордо оглядывающих свой гарем. Возле большой лужи скопились гуси и утки. Пробежала стая бездомных собак, ведомая небольшой облезлой сучкой. Из деревянных домов, обнесённых заборами, уже начали раздаваться звуки, указывающие на пробуждение их хозяев. Хлопали двери, позвякивали вёдра, застучал топор, где-то запрягали лошадей.

Ближе к центру город менялся. Стали попадаться дома побогаче, двухэтажные деревянные и даже со втором этажом из кирпича с некоторыми архитектурными изысками. По краям дороги был сооружён деревянный тротуар.

В центре возвышалась церковь, окружённая невысоким деревянным забором. Покрытые медью купола, выглядывая из-за высоких деревьев, сверкали в лучах восходящего солнца. Нарядность и торжественность храма среди молодой зеленой листвы на фоне голубого майского утра создавали атмосферу значимости бытия. Церковь манила и притягивала. Именно туда и направилась телега с молодыми грузинами.

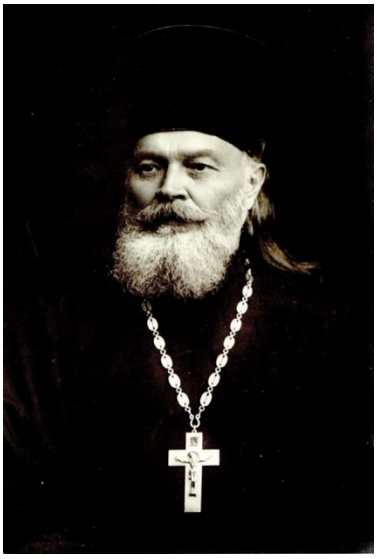
Вот уже её колеса запрыгали по мощённой мостовой. Появились каменные здания местной знати, украшенные скульптурой и вензелями над парадным входом, балкончиками и тяжёлыми ставнями на окнах первого этажа. Здесь было тише и чище.

Телега остановилась у церковных ворот и молодой мужчина, спрыгнув на землю, скрылся в дверях храма.

Церковь в Борисоглебске, в которой венчались Георгий и Майя

Так в городе появились Георгий и Майя Лисилидзе. Они купили маленький, уютный домик, стоящий в небольшом зелёном переулке, совсем недалеко от центра города. Через несколько дней в той самой Старообрядной Успенской церкви их обвенчал отец Василий с соблюдением всех православных христианских обычаев.

Отец Василий Сергиевский

Среди обывателей Борисоглебска поползли слухи. Говорили разное. Самой правдивой оказалась история, как потом выяснилось, рассказанная местным дьяконом хозяину мясной лавки после третьего стаканчика вина. Дьяк, тряся головой, божился, что он сам слышал, как грузин говорил отцу Василию, что он, мол, сын грузинского князя из Верхней Сванетии. Кровная вражда семей не позволили молодым людям, полюбившим друг друга, остаться в Грузии. Они бежали и хотят навсегда поселиться в этом городе и спокойно жить. Впрочем, слухи ходили не долго. Грузин оказался не богат. Да и с собой они привезли всего два мешка с одеждой, да сундук с домашней утварью. Он не досаждал местной аристократии своим княжеским происхождением, да и вообще вёл себя тихо и незаметно. И правду ли говорил дьяк, так и осталось загадкой.

Майя и Георгий были счастливы. Они любили друг друга, они были вместе, у них был дом и им никто не угрожал. За время тяжёлого пути поутихла боль от разлуки с родными и друзьями. Всё дальше уходила тоска по родной земле, по горам и долинам, по небу и воздуху Грузии. Они были вместе и им надо было как-то жить дальше.

Майя достала из сундука самое дорогое, память об отце, швейную машинку «Зингер». Отец всё знал и благословил её. Как бедный Асатиани смог купить такую дорогую вещь, так и осталось тайной. Это был его свадебный подарок единственной и любимой дочери.

Майя хорошо научилась шить ещё дома на старой маминой швейной машинке и ей не составило труда освоить новую. Она начала обшивать ближайших соседей. Её популярность, как портнихи, быстро распространялась, а она приобретала опыт и развивала вкус. Уже через год у неё появились клиенты из богатых домов купцов и

местных аристократов. В течение двух – трёх лет Майя стала лучшей портнихой города. Шить одежду у неё стало престижным.

Георгий организовал в доме небольшую мастерскую, где занимался по металлу, чеканкой, металлическим бисером и любой подвернувшейся работой. Его труд не приносил большого дохода, и это угнетало Георгия. Он мужчина, он горец – он должен обеспечить семью, безопасность дома, счастье любимой женщины. Это впитывалось с молоком матери и воспитывалось всем жизненным укладом. У него как будто выбили почву из-под ног и лишили соков, которыми питалась его сила. Он труднее переносил разлуку с родной Грузией. Во снах видел, как скачет на своём любимом гнедом по зелёной долине навстречу сияющим горным вершинам, на фоне глубокого синего неба. И многоголосие грузинских песен неотступно звучало в его голове. На людях он был угрюм и неразговорчив. Он ушёл в себя и только рядом с Майей оттаивал душой.

Одной из проблем, объясняющей замкнутую жизнь молодых, была проблема языка. Если Георгий как-то знал русский язык, он учился, хотя и недолго, в Тифлисе, то Майя вначале общалась совсем плохо. Но со временем, постоянно находясь в среде русскоговорящих, они всё лучше и лучше их понимали, хотя и говорили с характерным акцентом, забавлявшим местную публику.

Понемногу молодая семья обживалась. Появились первые друзья и знакомые. В городе их звали Лисицыны Майя и Георгий. Их устраивала тихая и спокойная жизнь. Работа их не тяготила, они были молоды и сильны. И они любили друг друга. Бывает так в жизни, пометит бог двух людей и даст им возможность встретиться. И уже никакими силами не разлучить их. Про таких говорят: «Они созданы друг для друга». Когда сливаются воедино не только тела, а души в священном союзе любви.

Тихими вечерами они садились на скамейке под старой яблоней и, взявшись за руки, пели грузинские песни, вспоминая свою Сванетию, и ту поляну высоко в горах, и великую красавицу Ушбу. Им так и не доведётся вернуться на родину и хотя бы ещё раз увидеть всё это своими глазами.

В 1884 году у них родилась дочь. Назвали её Анна. Анна Лисилидзе. Майя успевала на два фронта: ухаживать за дочкой и продолжать шить. Её труд был главным источником доходов в семье. Георгий помогал, как мог.

Анна унаследовала всё лучшее от родителей. Была красива необычной для Борисоглебска красотой горного народа, подвижна и смышлёна. С раннего возраста, крутившись возле матери, познавала

искусство шитья и кройки и по мере возможности детского возраста, помогала.

Родителям Анны удалось скопить достаточное количество средств и, главное, обзавестись необходимыми покровителями, чтобы дать дочери образование. Сначала церковноприходская школа, потом гимназия.

Майя часто брала дочь с собой, когда ходила к богатым клиентам на примерки. Анна за всем наблюдала и впитывала всё, как губка. Как нужно сидеть, как говорить, как ходить.

Борисоглебская женская гимназия

Вечерами Георгий, отвечая на её вопросы, передавал ей знания этикета, полученные им от своих учителей в доме отца и за время учебы в Тифлисе. Анна разговаривала по-русски уже свободно. И чем становилась взрослее, тем с большей неохотой переходила на грузинский язык у себя дома.

К 16 годам она выросла в стройную, красивую девушку со жгучими карими глазами и чёрными длинными ресницами. Небольшая горбинка грузинского носа делали её загадочной и необычной среди русского населения. А живость характера, природная смётка и неплохое для её круга образование делали её вообще неотразимой. Прибавьте сюда знание манер, умение держаться в обществе и вести светские разговоры.

Купца третьей гильдии Швырёва в Борисоглебске знали. Он первым брался за новые дела и во многих из них преуспел. Сколотил неплохое состояние, построил большой двухэтажный дом, первый этаж каменный, а второй деревянный. Дом стоял хоть и не на Большой

или Дворянской улице, но и не в Станичной слободе. Как бы там ни было, сам Деребезов (купец 1-й гильдии, один из богатейших купцов города) уважительно отзывался о Швырёве и раскланивался с ним как с равным, встретившись на Хлебной бирже или в Государственном банке, что на улице Верхнеплощадной.

Родили они с женой двух сыновей Бориса и Георгия. Рассчитывали будет на старости лет помощь и опора. После рождения первенца Бориса думали с женой, что не даст уже бог больше детей. Только через десять лет появился Георгий. Сыновья росли совершенно разные: спокойный, рассудительный, даже немного флегматичный и угрюмый Борис и непоседа, сорви-голова Георгий.

Большая улица в Борисоглебске в конце 19 века

Жена Швырёва не долго растила Георгия. Умерла, когда мальчику было шесть лет. Не долго прожил вдовцом и отец. Через два года не стало и его.

Пожарная каланча в Борисоглебске

Борис женился по расчету, взяв в жёны старшую дочь купца Г. А. Яковлева, хромую Ольгу. Да просчитался, не так много за неё и дали, хоть отец и владел мануфактурами, да галантерейным магазином на Большой улице. Жена у Бориса оказалась подстать ему угрюмой и замкнутой. Постоянно была в делах по дому и всё время ворчала.

Георгий жил в семье брата. Борис продолжил дело отца, со временем хотя и не развалил его, но и не приумножил. Не было у него этакого куража да лихости, которые не раз помогали отцу получать доходы, казалось бы, в самых гиблых предприятиях.

Несмотря на малый возраст и благодаря своему характеру, Георгий не очень унывал, лишившись родителей. Он целыми днями пропадал со сверстниками, не гнушаясь дворовой ребятни. В школе всё схватывал на лету, не утруждая себя подолгу занятиями.

Повзрослев, Георгий не остепенился, продолжая вести весёлую жизнь, прожигая деньги отца с друзьями, пропадая то в ресторанах, то на балах или за карточной игрой, то на беговом кругу Б.О.П.Р.К (ипподром Борисоглебского общества поощрения рысистого конезавода). В городе он слыл повесой, впрочем, был весёлым и красивым, за что имел много друзей и товарищей.

Ипподром в Борисоглебске в конце 19 века

Борис на такую жизнь смотрел косо, и неоднократно между братьями возникали ссоры. В конце концов, Борис поставил условие: или Георгий поступает на службу, или он прекращает выдавать ему

деньги. Георгий был вынужден подчиниться. Выбор был нелёгкий. То ли пойти к немцу В. Л. Леймеру, которого он немало обыгрывал в карты, на его пивоваренный завод, то ли поступить на службу в 6-й запасной кавалерийский полк, который квартировал в городе, а с ротмистром Холодович они опорожнили не одну бутылку шампанского, то ли пойти управляющим (правда, не старшим) в гостиницу «Европейская» и навсегда попасть под каблук мадмуазель Мари, младшей сестры хозяина. Но благодаря своим знакомствам и хорошему к нему отношению самого городского головы, ему предложили возглавить городскую пожарную часть, чем он с радостью и воспользовался.

Вид на Борисоглебск с пожарной каланчи в конце 19 века

Здание пожарной части находилось на пересечении улиц Верхнеплощадной и Конторской рядом с уездным воинским присутствием. По вечерам Георгий продолжал свою прежнюю жизнь, но с утра вынужден был ходить на службу.

Частенько отдав совсем не обязательные указания своему заместителю, он поднимался на высокую каланчу пожарной части и с божественным умиротворением и щемящей грустью смотрел на город, расстилавшийся перед ним в прозрачной утренней дымке. Вон виден купол Александро-Невской церкви, что была при Александровской мужской гимназии, в которую он ходил, там слева казенный винный склад, а прямо вдалеке Преображенский собор в начале Конторской улицы.

В 1900 году произошла знаменательная встреча в нашей истории. Двадцативосьмилетний Георгий Швырёв встретился с шестнадцатилетней Анной Лисилидзе. Соединились две критические массы, два неугомонных характера. Произошла вспышка, посеявшая бурю. Разворошили они сонное городское общество. Наверное, от них и пошло в роду нашем предначертание судьбы. Вы сами заметите его, продолжая следить за историей.

Очарован был молодой грузинкой Георгий, взыграла кровь, и понесло его без оглядки на устои общества и условности морали.

Влюбилась Анна в молодого повесу, хоть в огонь, хоть в воду за ним готова. Вскружилась голова, затрепыхалось девичье сердце.

Майя и Георгий Лисилидзе вначале и не против были, что Георгий Швырёв приглашал Анну на балы да в городской бульвар и сквер погулять, да на лодках покататься, духовой оркестр послушать. Пора было дочь в свет выводить, жениха искать. А тут всё-таки молодой человек, хоть и не аристократ, так всё равно из высшего общества. А когда всё поняли, поздно было.

Городской бульвар Борисоглебска в начале 20 века

Влюбилась дочь. Да как влюбилась! И общество роптать стало: «Это с кем молодой Швырёв гуляет? Не гоже! Не положено ему при его чине и званиях с простолюдинкой, да к тому же инородкой, в общественных местах появляться».

Наверное, всё это, да ещё неуёмные характеры обоих, да любовь с первого взгляда, заставили их бежать из Борисоглебска, не сказав куда, чтобы не искали. Хотя Георгий Лисилидзе схватился за кинжал, засверкали глаза – молнии, только Майя и остановила. Наверное, вспомнила про них самих. А сердце заныло, и руки опустились, и зашлась в рыданиях, будто уже хоронила дочь, будто предчувствовало материнское сердце беду. Обнял её Георгий, прижал к себе, так и стояли убитые горем, некогда счастливые, но всё равно любимые, хотя без детей и родины, как бы без прошлого и будущего.

Анна и Георгий

Бежать в неизвестность из города, в котором общественное мнение, основанное на вековых устоях и традициях уездной России, играло решающую роль, это значит сжечь за собой все мосты, захлопнуть все двери и начать новую жизнь. А в начале прошлого века и время текло по-другому. Размеренно. А когда любишь, на всё происходящее смотришь через толстенные очки, искривляющие саму жизнь. Какое время? Счастливое! Ну и дай им Бог!

Поехали Георгий с Анной в Казань. Наверное, потому, что бывал Георгий в Казани с братом по торговым делам. Запал город в душу да так и остался мечтой. Добирались долго на почтовой конке, да на поезде. Анне и страшно было и радостно одновременно. Как в омут головой, как под гипнозом шла она за любимым. И не задумывалась. «Он знает. Он умный» – перекрывал голос в её голове любые другие мысли-сомнения.

Панорамный вид Казани с южной стороны в начале 20 века

Казань в начале века был не просто губернский город, это был один из центров Российской империи. Город культуры, науки, студентов, торговли. Город – развитой промышленности. Город – слияния религий и молодого бунтарства. Казань была столицей края.

По внешнему облику это был типичный волжский город начала столетия, особенно оживленным в весенние и летние месяцы. Бесконечные гужевые обозы с различными грузами и товарами тянулись по дамбам, соединяющие пароходные пристани Устья с городом. Основной путь к центру лежал через главную Проломную улицу. На каждом

её углу были расположены магазины, рестораны, чайные, трактиры, переполненные грузчиками и праздношатающимися людьми. Улица была забита подводами, извозчиками, звенели трамваи, гудела многолюдная толпа, кричали лотошники, шла оживлённая торговля на толчке, вещевом рынке «сорочка» около гостиного двора.

Во время весеннего разлива Волги и Казанки все громадное низменное пространство вокруг города заливалось водой с трёх сторон – с севера, запада и юга, а потому при высоком весеннем разливе затоплялись некоторые местности самого города. Устьинская пристань или просто Устье, каждую весну затоплялась и на время весеннего половодья пароходные пристани переводились в Адмиралтейскую слободу.

Разлив на реке возле Казани

Город резко делился на части. Одна часть города, центральная, была преимущественно с русским населением. Она находилась на плоской клинообразной возвышенности, начинающейся от Арского поля или от Академической слободы и оканчивающейся крутым обрывом у конца кремлевской крепости. С восточной стороны вдоль берега реки Казанки эта возвышенность выдавалась довольно высоким крутым склоном горы и прорезалась в разных местах более или менее глубокими оврагами. Таким образом, вся высокая центральная часть города была расположена на нескольких холмах. Здесь было множество церквей и колоколен.

Эта часть города была сравнительно благоустроена, особенно те улицы, где проживали аристократическая знать и буржуазия. Здесь ходил трамвай и применялось электрическое освещение, здесь находились богатые особняки, дворянские и купеческие клубы, театр, торговые дома и пассажи, фешенебельные номера и гостиницы с роскошными ресторанами, купеческий бульвар вокруг Кремля. В этой части города располагались городские сады: Черное озеро, Эрмитаж, Панаевский, живописная загородная роща – русская Швейцария.

Спасская башня

Другая часть Казани, так называемая Старо-Татарская слобода, была населена в основном татарами. Несмотря на единое восприятие закабанной и забулачной частей слободы, всё же между ними было заметное различие. Купечество селилось в Закабанье, образуя своего рода элитный район проживания татар. В Забулачье обосновывались большей частью мещане, ремесленники. Большинство улиц здесь не имело мостовых. Весной и осенью на них была непроходимая грязь, не было ни электричества, ни водопровода, ни канализации. Дома и улицы освещались керосиновыми лампами и фонарями, жители пользовались водой из грунтовых колодцев и озера Кабан. Эта часть города отличалась своеобразным национальным колоритом: мечети, стройные минареты с врезающимися в небо иглами, многолюдные оживленные и шумные татарские базары, особенно Сенной с

множеством ашханэ, где готовили национальные кушанья, с небольшими приземистыми полутемными лабазами и торговыми лавчонками.

Многие улицы были застроены деревянными домами на высоких каменных цоколях с резными наличниками. Глухие заборы и ворота ярких цветов украшались затейливым татарским орнаментом. На Московской, Екатерининской и других улицах выделялись "модные" особняки татарской буржуазии и купечества.

Была и третья часть города – рабочие окраины, слободы и слободки, разбросанные вокруг промышленных предприятий, где в темных бараках и избенках, глотая дым и копоть фабрик и заводов, в беспросветной нужде и в грязи ютились рабочие со своими семьями.

Анна была поражена. Увиденная с дамбы через окно вагона Казань словно поднималась из глубины огромного озёра. Открываясь взору своим старым кремлём, которого никогда не достигали пожары, колокольнями церквей, башнями мечетей, она являла собой зрелище самое фантастическое.

Казань в начале 20 века

Вокзал встретил их обычным городским шумом и суетой. Гудела толпа, в которой смешались приезжающие и встречающие, зычно выкрикивали носильщики в длинных грязно-белых фартуках, шныряли мальчишки-разносчики, чинно проплывали тётки с большими корзинами, накрытыми белыми платками, из-под которых шёл дурманящий запах свежеиспечённых пирогов. Над всем этим морем

возвышался огромный усатый городовой, зорко выискивая островки непорядка.

Железнодорожный вокзал Казани в начале 20 века.

Георгий, крикнув кучеру, помог ему загрузить чемоданы и усадил Анну в пролётку. До этого никуда не выезжавшая и не видевшая ничего, кроме родного Борисоглебска, она до глубины души была потрясена роскошью зданий, шириной улиц, обилием людей, конных повозок и редких автомобилей.

Везде шла бойкая торговля. Она не успевала читать многочисленные вывески в торговых рядах. Часто попадались трактиры и рестораны. По тротуарам прогуливались дамы в модных одеждах под руку с галантными кавалерами. Белокаменные и деревянные православные церкви, башни мусульманских минаретов, здание городского театра и университета, Александровский пассаж, шпиль Азимовской мечети, мелькнувший вдалеке кафедральный собор кремля всё поражало и тревожило Анну, и она сильнее прижималась к Георгию. А он, как ни старался придать себе уверенность, демонстрируя напускное спокойствие, в начале никак не мог скрыть свою неловкость и был несколько сконфужен.

Однако молодость и характер оптимиста быстро взяли вверх над неуверенностью провинциала. Анна была рядом, и ему хотелось

быть для неё если не богом, то хотя бы королём и положить к её ногам этот город.

Благовещенский кафедральный собор в Казани

Георгий проявил недюжинную изворотливость, пользуясь именем отца, его старыми связями, своими прежними знакомствами, обещаниями будущих сделок и картинами грандиозных перспектив предлагаемого предприятия, напористостью и обаянием молодости. Ему удалось поселиться в меблированных комнатах недалеко от центра города.

Городской театр на Театральной площади

Анна была счастлива. Её несло по жизни. Она, доверившись первой и внезапной любви с ошалелыми полными счастья глазами, шагнула в эту бездну и теперь падала, падала, падала. Она гнала от себя мысли о родителях, и лишь по ночам, засыпая счастливая в объятьях Георгия, когда ныло сердце, она понимала женской интуицией, что это падение в бездну, из которой не будет возврата. Но утром, чувствуя, что она единственная у этого мужчины, любимого человека, просыпалась её буйная, неугомонная энергия и она торопилась жить, торопилась получить всё, пока можно, пока получается, пока есть силы.

Георгий с Анной вели свободную, не обремененную обязанностями жизнь: рестораны хоть и не самые дорогие, общество хоть и не самое изысканное, балы, карты, прогулки на лошадях, катание на лодках по Волге.

Они часто переезжали с места на место. Зачастую от должников. Деньги таяли. Росли долги. Уже многие не доверяли имени отца. Заключенные сделки не приносили дохода. Начинался 1904 год.

Аптека Бренингов в Казани

Анна была беременна и не могла больше появляться на людях. Больше сидела дома и шила. Пригодились переданные матерью навыки. Георгий крутился, как мог. Ему удалось поступить на службу, провернуть пару скользких дел, крупно выиграть в карты и втереться в доверие к богатому купцу Дятлову. В доме опять появились деньги.

В феврале 1904 года у Анны родилась дочь, которую назвали Валентина. Георгий снял маленький, но очень уютный домик не в центре, но и не на окраине. Молодые наняли кормилицу и няньку. Это обходилось не очень дорого. Уже через четыре месяца после рождения дочери жизнь покатилась, как и прежде. Снова компании, рестораны, прогулки до поздней ночи, а то и до утра, бега, карты, цыгане. Дочери Анна уделяла всё меньше внимания, полностью поручив её няньке. Лишь иногда у неё возникали вдруг приступы материнства, которые, впрочем, так же внезапно и проходили.

Прошло три года. Дела у Георгия шли с переменным успехом. Было время, сидели без денег. Георгий становился от этого только более энергичный и деньги каким-то образом появлялись. Анна никогда не задумывалась, где он их доставал. И снова начиналась весёлая жизнь. Без мыслей о будущем, без угрызения совести за прошлое. Жизнь одним настоящим. Впрочем, когда было плохо, Анна никогда не ворчала, не жаловалась, ничего не просила. Она с улыбкой встречала Георгия, ни о чём не спрашивая, кормила ужином, иногда одним чаем, и обняв его, говорила ласковые слова и уверяла, что всё будет хорошо.

Неслись тройки по заснеженному полю. Вихрь колючий в лицо, да звон бубенцов. Да поцелуи жаркие. Смех и счастье! Неслись тройки! У-э-э-х!!! Как хорошо! Радость!!!

Простудилась Анна. Сильно простудилась. И спохватились-то не сразу. Вся в жару была. И в бреду. Всё звала Георгия и маму. И по-грузински что-то говорила. Лишь один раз попросила принести дочку. Долго молча на неё смотрела. И заплакала. Ночью Анна умерла. Шёл 1908 год.

Валентина

Ты-куда? Ты-куда? Ты-куда? – стучали колёса поезда. Перелески вдруг превращались в тёмную стену из сплошных деревьев начавшегося леса, который также внезапно прекращался, уступая место полям с неубранными посевами, отдельными скирдами соломы и стогами сена, уже посеревшими от дождей и пыли. За склоном мелькнули крыши небольшой деревеньки, а вдалеке на пригорке рощица, за которой угадывались постройки барской усадьбы. И снова кусты, деревья, перелески. Вон промелькнула столбовая дорога с тащившимся по ней экипажем, а дальше сверкнуло зеркало то ли излучины реки, то ли озерца.

Георгий нехотя отвернулся от пыльного окна вагона. Мелькание пейзажа успокаивало, размывая беспокойные мысли, не давая сосредоточиться на прошлом, как бы набрасывало вуаль на действительность, притупляя боль в сердце, сидевшую в нём последнее время.

Летом 1908 года Георгий Швырёв с четырёхлетней Валентиной вернулся в Борисоглебск. От былого повесы не осталось и следа. Смерть Анны оставила неизгладимый след в его душе. Ссутулившийся с посеревшим лицом он замкнулся в себе, неделями не выходя из дома и ни с кем не общаясь. Он винил себя во всех смертных грехах и, несмотря на прошедшее время, не мог успокоиться. Вечерами Георгий уходил на дальний двор и часами сидел, раскачиваясь в такт мыслям. Иногда вдруг замирал и долго смотрел в одну точку. Мир без любимой стал серым, ненужным и только дочь заставляла его смириться с потерей, собраться и настроиться на новую жизнь.

У Георгия состоялся тяжёлый разговор с братом. За годы жизни в Казани он сильно подорвал благополучие семейного дела. Борис, настроенный своей женой, вообще сначала не хотел пускать Георгия на порог отцовского дома, да ещё с незаконнорождённой дочерью от инородки. Только обещание Георгия передать Борису свою наследственную долю в обмен на возможность воспитывать дочь в родительском доме изменило позицию брата.

Георгий удочерил Валентину, дав ей свою фамилию, и написал отказ от своей доли наследства в пользу Бориса.

Со временем оттаяли Борис и его жена. У них не было детей и маленькая Валя с её непосредственностью, смехом и детской нежностью внесла в их жизнь что-то новое, светлое, чистое.

На удивление возвращение Георгия с дочерью было встречено обывателями Борисоглебска достаточно спокойно. Виной тому стал

сам Георгий, переставший поддерживать отношения с бывшими знакомыми. Он поступил на службу, и все не Бог весть какие деньги уходили на воспитание дочери. Сам Георгий во многом не нуждался. Хоть одежда и поизносилась, но была ещё достаточно хороша, чтобы появляться в присутственных местах и в церкви по выходным. Еды ему хватало с общего стола. Трудно было узнать в нём того неунывающего повесу, щёголя и франта. Дочь стала его целью, его лучом, его надеждой на прощение Анной и Богом. Он больше всего на свете хотел встретить её там, на небесах, и упасть перед ней на колени и, склонив голову к её ногам, заплакать от счастья и боли. А Валентина должна стать ценой его прощения, ибо без прощения, или даже надежды на него жить он дальше не мог. А больше ему от жизни ничего и не нужно было.

Валентину с раннего детства воспитывали, как барышню. Были наняты нянька и гувернантка. В дом приглашались учителя французского, танцев и этикета. Валентина росла, хоть и без матери, но всё же в любви близких ей людей.

Она была очень похожа на мать. С таким же характером оптимистки, такая же живая и смышлёная. Наверное, ещё и поэтому Георгий был так привязан к дочери. Приходили повидаться с внучкой стареющие Лисилидзе. Георгий всё хмурился и бросал колючие взгляды из-под бровей на Швырёва. А Майя, как увидела Валентину, упала перед ней на колени, обняла, залилась слезами и запричитала по-грузински: «Аннушка, Аннушка моя», напугав при этом Валю. В последствии Георгий старался уменьшить количество встреч с Лисилидзе, понимая, что они не в радость ни им, ни ему, ни дочери. Георгий всё своё свободное время посвящал дочери. Нередко их можно было видеть вместе. Валя, забравшись с ногами на кровать, прижималась к отцу всем телом, чувствуя его запах, его крепкую ладонь на своём плече. Или на скамейке в дальнем углу двора, куда они уходили, взяв книгу. И отец читал ей негромко, не спеша, а она слушала, иногда не понимая смысла, а воспринимая только интонации и голос, который она смогла бы отличить от тысячи голосов.

Однако постепенно всё менялось. Валентина взрослела, у неё появились свои интересы, всё меньше времени оставалось на общение с отцом, да она всё меньше и нуждалась в нём. Атмосфера Швырёвского дома, пропитанная скорбью отца и старорежимными правилами, напоминали ей затхлый чулан, куда с трудом проникал луч света. Дряхлеющий, больной и грузный, постоянно сопящий, чмокающий, хрюкающий, кашляющий дядя Боря и его вечно ворчащая жена, молчащий с отсутствующим взглядом отец были резким диссонансом

с обществом молодых людей в гимназии. И под разными предлогами Валентина старалась как можно чаще улизнуть из дома.

Иногда она гостила у стареющих Лисилидзе. За чаем с маковыми бубликами и вишнёвым вареньем с волнением слушала рассказы бабушки о Грузии, её горах и долинах, о любви, заставившей её покинуть родину, о матери, которую Валентина уже не помнила, и лишь с фотографической карточки, стоявшей на комоде, смотрели на неё весёлые, лукавые глаза.

К тринадцати годам Валя сформировалась. Вверх взяло сильное грузинское начало, и она всё больше походила на мать и внешне и внутренне. А Георгий, всё больше отдаляясь от неё, начал понемногу пить и быстро старел. Так и прожил он жизнь с мыслями об одной женщине, с виной в душе за её смерть и благодарностью богу за дарованную любовь и дочь, плод этой любви.

Стремительные события, произошедшие в феврале 1917 года в столице государства российского затихающими волнами, отдалено напоминающими далёкую бурю, докатываются и до Тамбовской губернии. В Борисоглебске появляются листовки, где-то митинговали рабочие, кого-то ловили по ночам жандармы. Обыватели судачили о смене власти.

В первое время либеральные изменения и даже отречение от престола царя никак не сказывались на жизни Валентины. Всё та же беззаботная жизнь, гимназия (6 класс), городской парк над рекой Вороной, разговоры с подружками о знакомых юношах, танцклассы. Однако к концу 1917 года положение начало меняться.

Весть о победе Октябрьской революции дошла и до города Борисоглебска. И уже в первые дни после свержения временного правительства большевики Борисоглебского уезда ставят вопрос о переизбрании Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, в которых сидели эсеры и меньшевики. Но пока большинство крестьян шло за эсерами, а демобилизованные солдаты ещё не вернулись домой, совет оставался в прежнем составе. Большевики постарались усилить своё влияние через губернскую партийную конференцию, где утверждается новый уездный комитет большевиков. После этого влияние эсеров и меньшевиков в городе все больше начинает падать.

20 ноября 1917 г. группа эсеров спровоцировала поджег винного завода и складов. Обманутая ими толпа кричала: «Большевики берут вино для себя и немцев. Лучше пусть оно достанется нам!» Поднялся отчаянный шум и крик. Толпа ринулась на территорию завода, несмотря на разгорающийся пожар. Пьяные люди горели заживо, тонули в вине. На заводе начала рушиться крыша, падали балки. В результате – более сотни человек стали жертвой эсеровского безумия.

В конце декабря 1917 г. в Грибановке собирается крестьянский съезд, который стал на сторону большевиков. На съезде избирается новый состав крестьянского исполнительного комитета и становится вопрос о созыве объединительного съезда рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Исполнительный комитет переезжает из Грибановки в Борисоглебск. В январе 1918 г. в городе созывается объединительный съезд рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, в состав которого вошли преимущественно большевики и им сочувствующие.

Так в город пришла советская власть. Некоторые семьи, с дочерями которых Валентина училась в одном классе, продав дом и дело, уезжали. В городе начали закрываться лавки и магазины. Опустел городской парк. Лишь митингующие толпы рабочих с примкнувшими к ним авантюристами различных мастей, время от времени оглашали его криками пьяных глоток, непонятных призывов и революционных песен. К вечеру город вымирал. Обыватели покрепче закрывали двери и ставни, до минимума притушив огонь и крестясь, ждали утра.

Гимназистка

Швырёвы, как и все более-менее состоятельные горожане, забившиеся в своих углах, старались без надобности не высовываться из дома. Прислуга разбежалась, и в доме остались жить лишь старый конюх Иван да его жена кухарка Анастасия. И то, наверное, потому, что идти на старости лет им было уже некуда, да и привыкли они к Швырёвым. Гимназия закрылась, и Валентина от избытка времени и энергии то читала всё подряд, что было в доме, то убегала на улицу, хотя ей это было строжайше запрещено.

В четырнадцать лет Валентина заболела тифом и провалялась в жару и забытьи несколько недель. Георгий за эти дни извёлся. Его здоровье несмотря на то, что он был моложе, было совсем не лучше, чем у брата. Но он готов был сделать всё ради выздоровления дочери. Георгий воспрянул, загорелся, собрав все оставшиеся силы. Засветились глаза бывалым блеском. Он пропадал целыми днями, как когда-то в Казани, а вечером возвращался обязательно с продуктами или

какими-то ценностями, которые на следующий день выменивал на продукты. Он умолял доктора, обещая заплатить, и платил, чего бы ему это ни стоило. Он высох, ещё больше сгорбился и посерел. Он бился из последних сил. За всё время болезни Георгий не притронулся к водке. Он как запрограммированный жил ради одной цели – дочери, которая должна выздороветь, чего бы ему это не стоило. На докторов и питание уходили последние сбережения. Молодой организм выстоял. Когда кризис миновал, Валентина ещё целый месяц восстанавливалась, тихо сидя на ласковом солнышке возле дома. Рядом мурлыкал серый кот, в небе носились ласточки, пахло сеном и ещё чем-то неуловимым, но знакомым с детства. Наверное, жизнью. Молодое тело впитывало её всеми клетками организма: звуками, запахами, светом и воздухом. Оно постепенно наливалось силой, кровь забурлила по артериям, хотелось смеяться и любить.

Шёл 1918 год. Советская Россия оказалась в огненном кольце белогвардейских армий и военной иностранной интервенции. Над страной нависла смертельная опасность. Рабоче-крестьянское правительство выдвинули лозунги: «Все для фронта!», «Все для обороны республики!». Страна превращалась в военный лагерь. Сотни тысяч рабочих и крестьян пошли добровольцами в Красную армию.

В конце 1917 г. и вначале 1918 г. на границах Тамбовской губернии образовалось несколько очагов контрреволюции: белогвардейские банды Каледина на Дону, банды, поддерживаемые Центральной Радой Украины и войска немецких оккупантов, которые вторглись в пределы Тамбовской губернии. В этой обстановке губерния перешла на военное положение. Тамбов становится Всероссийским центром организации борьбы против Каледина. Сюда прибывает штаб Верховного командования Советской Республики. В Борисоглебске и других уездах формируются добровольческие отряды и отряды Красной Армии. Не затихают контрреволюционные выступления эсеров и кулаков. В мае 1918 года начинается наступление казаков. В городе и селах появляться дезертиры, отказывающиеся идти по мобилизации в Красную армию.

В июне 1918 г. немецкое командование вынуждено было прекратить действия на всем Тамбовском фронте. Но уже в июле стотысячная армия атамана Краснова начала наступление в районе Войска Донского.

4 октября 1918 г. в Борисоглебске вспыхнуло контрреволюционное восстание. Его подняли бывшие унтер-офицеры. Они захватили оружие в одном из складов и пошли на приступ здания чрезвычайной комиссии, где размещались все партийные и советские органы. На улицах слышалась стрельба, к центру города стягивались солдатские части, поднялись рабочие нескольких заводов, ещё работавших в

городе. В подавление мятежа отличилась Борисоглебская пожарная команда, которую когда-то возглавлял Григорий. В последствии одной из первых в стране она была награждена орденом «Трудового Красного Знамени». Восстание было ликвидировано, но его отголоски прокатились по деревням уезда в виде кулацких восстаний.

Положение на фронте начинает меняться. Армия атамана Краснова быстро продвигается по территории Борисоглебского уезда, и в декабре 1918 года отряды, руководимые генералом Гусельщиковым, подручным атамана, захватили Борисоглебск. Начались погромы, грабежи и расстрелы. За две недели пребывания в городе белогвардейцы уничтожили сотни людей. Только во дворе пожарной команды было обнаружено в последствии 400 трупов.

Начались аресты. Всех подозрительных сводили к городскому клубу. Арестованных набралось свыше трех тысяч человек. Из них отделяли группы по несколько человек, которых за городским садом, на окраине города расстреливали. Назначение смертников происходило следующим образом: евреев и латышей выявляли по лицу и произношению, остальных определяла особая комиссия из представителей Борисоглебского высшего общества под председательством Красновского полковника.

В конце декабря – начале января 1919 г. началось наступление Красной Армии на Южном фронте. Главный удар по белогвардейцам наносился на тамбовском участке силами 8-й армии. Ей на помощь пришла Уральская дивизия 9-й армии, которая в первых числах января 1919 г. освободила Грибановку, а 6 января был освобожден и Борисоглебск.

Среди крестьянства всё больше возникает недовольство Советской властью, которое объединяется в движение «зелёных». Когда недовольные Новохоперского и Балашихинского уездов объединились с недовольными Борисоглебского уезда, возник «зелёный» фронт. Для подавления крестьянского бунта пришлось отвлекать полки Красной армии.

В июне 1919 года Белая армия генерала Деникина заняла часть Борисоглебского и Новохоперского уездов, а 2 июля деникинские войска вошли в Борисоглебск. Однако уже 18 июля части Красной армии снова освободили город. Деникинцы, уйдя из Борисоглебска, закрепились в селе Красном. Недалеко от города шли ожесточенные бои и 12 августа 1919 года Борисоглебск снова был занят белыми войсками. На этот раз в городе свирепствовали головорезы отборных частей «дикой дивизии»: черкесы, добровольческий Богучарский отряд и белоказаки. Опять начались грабежи и расстрелы.

23 августа 1919 года отрядами 2-го кавалерийского полка под командованием Переведенцева Борисоглебск был теперь уже навсегда освобожден от белогвардейских войск.

За все это неспокойное время Швырёвым как-то повезло. У них только отобрали лошадей и корову. Из живности остались лишь куры, свинья, которую нечем было кормить, и от этого она дурно визжала, серый кот Васька да старый дворовый пёс, который уже и лаял-то с нескрываемой ленью и скукой.

Торговые склады на Малой Яронской улице, которые закладывал ещё дед Швырёв, разграбили. Управляющий бежал, прихватив с собой часть оставшейся кассы. Борис был уже не в состоянии что-то делать и всё больше лежал. Он и в более благоприятные времена не был бойцом, а сейчас на стрости лет и подавно.

Поправившись, Валентина взглянула на жизнь новыми глазами. Всё, что было её жизнью, осталось в прошлом. Всё разом изменилось. Подруги исчезли, (кто уехал, кто сидел дома под присмотром родителей), совсем рядом шла война, а в городе не раз менялась власть. Законы, на которых держался старый мир, не действовали. Ценности низвергнуты. Всё, чему её обучали, о чём она так много читала и мечтала, оказалось никому не нужным.

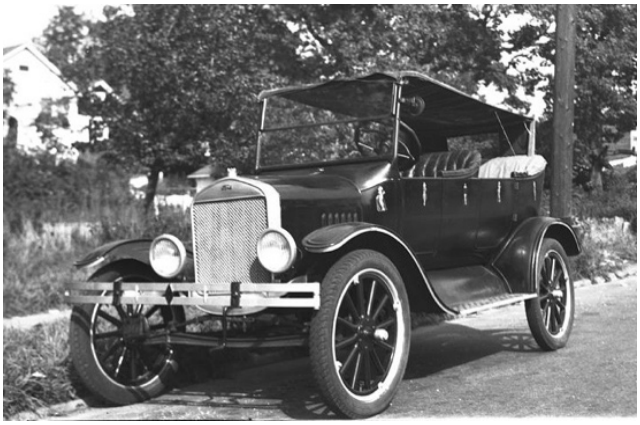
Валентина вовсю помогала по хозяйству хромой тётке и Анастасии. В чулане хранились отрезы тканей, всё, что успели вовремя перевезти со складов, и старый единственный подарок бабушки и память о матери – старый «Зингер». И Валентина начала шить. Не пропали даром уроки кройки и шитья, которые преподавали в гимназии. Ни смотря ни на что, жизнь продолжалась. Рождались дети, умирали старики. Людям необходимо было есть, пить и одеваться. Мануфактуры и магазины закрылись, и мастера на дому обшивали соседей, перекраивая и перелицовывая старую одежду. В ход шли запасы материи, сделанные на чёрный день, который уже наступил, как считали многие. Валентина старалась и много работала. Два года сделали из молодой девчонки опытную мастерицу и красивую девушку.

Тачанка

Фронт проходил совсем рядом. Валентина слышала залпы орудий и видела клубы дыма на горизонте. Если на улицах начиналась стрельба все прятались в доме закрывая ворота и ставни. В городе размещался штаб Красной Армии, и всюду сновали военные, конные и пешие, целые отряды маршем проходили по улицам, конные упряжки тащили орудия, проскакивали пулемётные тачанки. На окраинах города располагались военные лагеря красных. По железной дороге проходили вагоны с продовольствием, обмундированием, лошадьми и техникой. Готовилось большое наступление.

Летом 1920 года к дому Швырёвых подъехала машина, за ней бричка, запряжённая парой гнедых, за бричкой скакал привязанный к ней конь красно-коричневой масти с чёрной длинной гривой. Конь фыркал от пыли, облаком тянувшейся за автомобилем. Вся эта процессия остановилась прямо против ворот. Из брички спрыгнул на землю молодой красноармеец в бараньей шапке с красной полосой и шашкой на поясе. Он подскочил к воротам и начал стучать, нагло и требовательно. Тем временем с заднего сиденья машины вылез молодой подтянутый командир, в хорошо начищенных хромовых сапогах, фуражке со звездой и большой кобурой на поясе. Валентина, которая как раз развешивала стираное белье во дворе, первая подошла к калитке и открыла её. Молодой командир отстранил денщика, уверенной походкой подошёл к девушке и приложив руку к фуражке представился:

Автомобиль Форд

– Сергей Петрович Герке, командир отдельного специального отряда.

Валентина в мокром переднике с тазом в руках стояла немного испуганная, не сводя восхищённых глаз с этого человека, от которого исходила уверенность и сила. Несколько надменное выражение лица смягчала чуть снисходительная улыбка. Новенькая гимнастёрка, блестящие сапоги и большая кобура на боку. Всё разом пронеслось у неё в голове: и серость нынешнего существования, и девичьи мечты о прекрасном поручике, и разговоры с подружками в гимназии.

Наверно больше инстинктивно, чем осознанно Валентина сделала реверанс с лёгким поклоном, чуть заметно улыбнувшись. Сказалось обучение в классах и французские гувернантки. Однако с тазом в руках и переднике это выглядело достаточно комично и военный, не сдержавшись, рассмеялся.

Командир вошёл во двор и огляделся. Солдаты уже вели под уздцы красивого коня, тащили мешки и чемодан. Денщик что-то настойчиво выговаривал спустившемуся во двор Георгию.

Так в 1920 году в доме Швырёвых поселился на постой Сергей Герке вместе со своим денщиком. В пустовавших конюшнях поставили лошадей, во дворе бричку. Завезли овёс и сено, которое сложили в дальнем углу двора. Герке и его денщик поселились на верхнем этаже. Комнаты освободили от ненужных вещей. Целый день солдаты таскали вещи, передвигали мебель, подметали и мыли. Швырёвы перебрались вниз. Жизнь в доме преобразилась. Властный Сергей всех заставил ему беспрекословно подчиняться, не терпел возражений. Швырёвых он старался не замечать и не обращаться к ним без особой нужды. Да если такая нужда и возникала, то с хозяевами общался денщик Василий.

Красный командир

Сергей вставал рано и сразу же уезжал в войска. Возвращался поздно, весь запылённый, усталый. Во дворе денщик поливал ему из ведра, а Сергей, обнажённый по пояс, с удовольствием и долго мылся. Валентина из-за штор своей комнаты наблюдала за молодым мужчиной, его крепким телом, ловкими движениями. Её девичье сердце замирало от восторга, от смелостей мыслей, и необычных фантазий. Натуре Валентины не было присуще безвольное созерцание, ахи, да охи, и ведомая женским инстинктом и бурлящими гормонами, решила действовать. Она старалась появляться в тех местах, где был Сергей. Делать так, чтобы их пути пересекались, и он её заметил. Она стала больше времени уделять себе и своим туалетам.

Однажды, по случаю какого-то революционного праздника в городском парке должен был состояться митинг, а потом выступать духовой оркестр. Сергей одетый в чистую гимнастёрку, в начищенных до блеска сапогах вышел во двор, и взгляд его как-то неожиданно остановился на Валентине.

– А не будет ли угодно барышне сопровождать меня в парк? – спросил Сергей, игриво улыбаясь.

– Я должна спросить позволения у папеньки – потупив взор, смиренно произнесла Валентина, поддерживая игру и, не выдержав, засмеялась, убегая в дом.

Сергей

Царские палаты сверкали чистотой и роскошью. Екатерина – новоиспечённая царица российская, сидела у окна и грустно смотрела на мощёный двор и серое октябрьское небо. Её мучили мысли. Как она будет править этой варварской страной, этими людьми, её подданными? Как просветить их, заставить работать, да не просто работать, а работать хорошо? Как добиться, чтобы в Петербурге появились милые её сердцу немецкие порядки, немецкие вещи? Может, именно тогда к ней в голову пришла мысль привести в Россию мастеров из Германии.

Так в 1764 году, прослышав о немецкой российской царице и деньгах, которые можно быстро и много заработать, собрав рекомендательные письма, приехал в Россию Гюнтер Герке (Herke/Gerke), мастер из небольшого городка на юге Германии.

Не такой лёгкий хлеб оказался в России, и не так просто оказалось вырваться из этого плена назад. В конце концов Гюнтер смирился с судьбой, завёл в Петербурге небольшую мастерскую, удачно женился, обзавёлся детьми. К концу жизни стал уважаемым бюргером. Дело его разрослось. Мастерская выросла в небольшой заводик, потом ещё один прикупил по случаю. Родственников пригласил из Германии, что бы свои люди делами управляли. Так и пошёл увеличиваться род Герке в России. Среди них знаменитые Август Григорьевич (отец) и Антон Августович Герке (сын) - музыканты, преподаватели, виртуозные пианисты, у которых учились Мусоргский, Чайковский и другие великие музыканты.

Не все Герке стали знаменитыми. Жизнь полна неожиданностей и сюжет её романа не поддаётся никаким прогнозам и предсказаниям. «Загад не бывает богат», как говорят в России.

Гюнтер выучил своих детей. Открыл перед ними двери дворянского общества. Можно было бы и дальше жить спокойно и припеваючи, да вот есть такая штука на свете, как любовь. Не спрашивает она, какого рода-племени избранник. Так случилось со старшим сыном Германом, надеждой и опорой. Уже и дело своё начал, да влюбился в дочку купца Ивакина. Да ладно, пусть был бы купец, пусть не дворянин, так разорился Ивакин полностью. Впору по миру идти с протянутой рукой. Дочь, одна надежда и была, чтобы удачно замуж выдать. Не углядел Ивакин, забеременела родимая. Да и то бы ничего, да только восстал Гюнтер, не бывать свадьбе. Не пара она по положению Герману. А Герман сник сразу, как их разлучили. С отцом поругался. Дело забросил. Гюнтер уже и отступную хотел давать, да умерла дочь

Ивакина при родах. Вот Герман сына и забрал себе и фамилию свою ему дал.

С тех пор многие Герке родились не от брака земного, а от любви небесной. Но пронесли фамилию через многие годы.

В 1892 году у гувернантки Эммы Оттовны Герке, служившей в богатом доме графа Воронова, родился сын. Назвали его Сергей. Злые языки утверждали, что не обошлось здесь без младшего сына Воронова, красавца, гвардии драгунского полка поручика Петра Воронова. Да кто его знает, как дело было. Только не выгнал граф гувернантку с сыном, оставил в доме. Поговаривали ещё, что Пётр, когда бывал дома, частенько засиживался в маленькой комнатке гувернантки и оттуда слышался весёлый детский смех. Да и потом, когда Сергей подрос, именно Пётр принял активное участие в его судьбе, обеспечив сначала обучение в гимназии, потом в Санкт-Петербургском военном училище, а когда началась война с 1914 года в Петроградской школе прапорщиков.

Гувернантка

Революция всё перевернула, всех раскидала. Прошла вихрем по стране и людям. Рождались новые герои, свергались признанные авторитеты. «Кто был ничем, тот станет всем». То ли осталась у Сергея какая-то внутренняя обида, «как же, сын гувернантки», то ли злость на отца за то, что не дал ему своё имя, занозой сидела в душе, то ли трезво рассчитал, где нынче власть и сила, только очутился он на красной стороне баррикад. А его военное образование очень кстати пришлось большевикам. Так к 28 годам своей жизни стал Сергей Петрович Герке красным командиром.

В 1920 году Сергей Петровича Герке направили в Борисоглебск, где готовилось большое наступление на южном фронте. Поселился он в доме купца Швырёва со своим денщиком.

Сергей сначала не обратил внимания на совсем молоденькую дочь хозяина. Она юна, неплохо сложена, красива непривычными в центре России чертами греческих богинь. В последнее время всё чаще и чаще она стала попадаться ему на глаза, как бы невзначай. Стрельнёт чёрными глазищами, улыбнётся украдкой. Одновременно покорность, достоинство и независимость во всём её облике. Что-то чарующее и привораживающее.

В парк Сергей пригласил Валентину как-то невзначай, играючи. Даже не знает, как получилось, не думал, не планировал. Увидел её, и слова сами слетели с губ. Сергей считал себя достаточно образованным, воспитанным матерью и военным училищем. Он был приятно удивлён интеллекту и манерам Валентины. Она умела внимательно слушать, задавала своевременные и правильные вопросы. Она была начитанна и неплохо говорила по-французски. Когда нужно была весела и непосредственна, когда нужно – тиха и незаметна.

Следующий раз Сергей пригласил её на день рождения приятеля, где собралась компания перспективных молодых красных командиров, стремительно идущих вверх по служебной лестнице. Валентина и здесь смогла найти своё место и всех покорить, исполнив под гитару романс и уверенно споря с эрудитом Гурьевым о поэзии Бунина, Тютчева и Фета.

Несколько раз его отряд бросали в прорывы, и Сергей возвращался только через неделю, весь грязный, заросший и усталый. Валентина помогала денщику Василию, таскала воду, подавала полотенце.

Время летело под звуки канонады гражданской войны. Лето кончалось. Однажды Сергей пришёл раньше, чем обычно. Было видно, что он чем-то озабочен. Попросил у Валентины позвать отца. Георгий вышел, кряхтя и постанывая. Третий день, как у него болело в груди, и голова была тяжёлая. Сергей сообщил, что его через три дня посылают на западный фронт, в Белоруссию, командовать ротой. И он просит руки его дочери. Валентина от испуга и счастья вскрикнула, закрыла лицо руками и убежала в дом. Георгий думал не долго. Он уже стар, да и болеть стал чаще. Что будет с дочерью, когда он умрёт? Кто о ней позаботится? Да и время нынче не спокойное. А тут всё-таки военный командир. Да и не мальчишка какой-нибудь, а мужчина крепкий.

– Пусть Валентина сама решает, ежели ты ей по сердцу, я не против.

Но тут вмешалась Ольга, жена брата, стоявшая за углом и всё слышавшая.

– И где это видано, чтобы девицу просто так сватали – заголосила она – или сейчас порядки революция поменяла? Сколько мы на неё сил положили, сколько денег потрачено. Не отдам без выкупа!

Сергей поморщился, отвернулся и, крикнув денщика, ушёл в дом. Привезенный к вечеру мешок кукурузной муки успокоил Ольгу.

Через два дня в командирской столовой штаба сыграли свадьбу. А ещё через день Валентина уезжала в теплушке военного состава, который шёл на запад, увозя её навсегда.

Сергей был откровенным, не обещал лёгкой жизни. Жёны командиров жили в обычных по тем временам условиях, чаще снимая комнату в крестьянском доме, в теплушках на станциях, реже в гарнизонных домах для комсостава. Да и не так их много было, жён командиров. Красная армия только зарождалась.

Валентина занималась хозяйством, пыталась работать в библиотеке, читать лекции солдатам об искусстве. Её деятельная натура требовала выхода, молодая энергия била ключом, эрудиция требовала общения. Сергей часто отсутствовал, уезжая в войска. Валентина не особенно вникала в его дела, получив один раз резкий ответ на какой-то невинный вопрос о пушках. Только ждала, когда он будет дома. Они часто переезжали с места на место, не успев обжиться, и поэтому везде, где они жили, отсутствовали уют и домашнее тепло. Валентина просто не могла его устраивать быстро и в чужом доме. Сергей оказался человеком жёстким, своевольным, временами даже грубым. Не терпел возражений и во всём требовал повиновения. Валентина, часто плакала от несправедливости по отношению к себе. Ей хотелось чего-то большого, светлого, тёплого. В то же время жизнь и её учила, и она менялась. В ней уже нельзя было узнать ту наивную, шестнадцатилетнюю девушку, которую увозили из отчего дома. Она превращалась в сильную молодую женщину, усвоившую возможности социального раскрепощения и партийной дисциплины, способную всё больше постоять за себя. Наверное, это и послужило основной причиной развода в 1926 году Сергея и Валентины.

Сергей Петрович Герке служил в Белорусском военном округе под командованием Уборевича. В конце 1934 начале 1935 года большую группу командиров Красной армии перебрасывают на Дальний восток. Совсем недавно они командовали полками, бригадами, дивизиями, работали в штабах Белорусского военного округа (БВО), а теперь им предстояло служить в Особой краснознамённой Дальневосточной дивизии (ОКДВА). Для С.П. Герке, как и для всех прибывших «белорусов», перемещение с крайнего Запада на Дальний Восток было непредвиденным. Они задавались вопросом, чем это вызвано. Могло быть несколько причин: обычное перемещение, объяснимое периодической переброской командирского состава из района в район, чтобы познакомиться с различными театрами военных действий на случай войны; стремление укрепить ОКДВА ввиду надвигавшихся осложнений с японцами, хозяйничавшими в Корее и Манчжурии; на Дальний

Восток собираются перевести командующего войсками Белорусского военного округа Уборевича, и он, заранее предупрежденный, ходатайствовал о переводе вместе с ним ряда командиров из его округа.

Не успев как следует разместиться в Хабаровске, Сергей Петрович, по доносу о своем происхождении, оказался в застенках НКВД, где просидел полгода. Вытащили его друзья и соратники.

Сергей Петрович Герке полностью отдался военной службе. Его военное образование и приобретённый опыт сделали его хорошим командиром. Он был замечен и принят в ближайшее окружение Блюхера. К концу 1935 года Сергей Петрович Герке был одним из командиров в пограничных войсках Дальнего Востока. Он был репрессирован в 1937 году, возможно вместе с Блюхером.

В сентябре 1943 года Энбекши-Казахский РВК призвал Сергея Петровича Герке, 1892 года рождения на воинскую службу. Он был направлен красноармейцем в 42 отдельный восстановительный железнодорожный батальон, который производил работы по восстановлению железнодорожного полотна, мостов, тоннелей, строил и ремонтировал дома и другие объекты. 15.09.1945 года он был демобилизован.

В тридцатые годы в Казахстан было направленно много репрессированных «врагов народа». Они работали на рудниках, шахтах, строительстве. По всей видимости после какого-то времени пребывания в тюрьме, разжалованного, лишённого наград и званий в Казахстан направили и Сергея Петровича Герке. Позже он перебрался в Энбекши-Казахский район, где проживала немецкая диаспора.

Дальнейшая судьба Сергея Петровича Герке неизвестна.

Георгий

В июне 1922 года пришёл приказ о переводе полка, в котором служил Сергей Петрович Герке, из-под уездного города Шклова в город Новозыбков Гомельской губернии. Валентина была на девятом месяце беременности и очень не хотела уезжать и уговаривала мужа оставить её в городе до рождения ребенка, но Сергей Петрович был непреклонен. Она как в воду смотрела. 10 июня 1922 года в поезде, не доезжая Гомеля, начались схватки. Под присмотром медсестер из полковой медсанчасти родился Георгий Сергеевич Герке.

Полк обосновывался на новом месте. Население города в основном занималось сельским хозяйством и лесом. В городе была спичечная фабрика, которая требовала реконструкции и несколько маленьких деревоперерабатывающих и мануфактурных предприятий. В основном это был зелёный одноэтажный городок. Только в центре возле пруда возвышалась каменная барская усадьба, окружённая заброшенным, парком, да старинная церковь.

ПАСВЕДЧАННЕ АБ НАРАДЖЭННІ
СВИДЕТЕЛЬСТВО О РОЖДЕНИИ

ПЯ № 321645

Гр. Герке
(прозвішча—фамилия)
Георгий Сергеевич
(імя і імя па бацьку—имя и отчество)
нарадзіўся (ласа) одиннадцатого июня
родился(лась) (прозвішча і лічбамі год, месяц і лік
девятьсот двадцать второ
пропісью і лічбамі год, месяц і лік
об чем у книзе записей актаў грамадзянскага стану аб
о чем в книге записей актов гражданского состояния
нарадзінні
о рождении
Гомель
(назва бюро ЗАГС—наименование бюро ЗАГС)
1922 года июня месяца 10 числа
года месяца числа
утворан адпаведны запіс за № 1043
произведена соответствующая запись за

ЗВЕСТКІ АБ БАЦЬКАХ:
СВЕДЕНИЯ О РОДИТЕЛЯХ:

Бацька
Отец Сергей Петрович
(прозвішча, імя і імя па бацьку—фамилия, имя и отчество)
нацыянальнасць
национальность
Маці Герке Валентина Георгиевна
Мать (прозвішча, імя і імя па бацьку—фамилия, имя и отчество)
нацыянальнасць
национальность
Месца нараджэння дзіцяці: горад, сяло Гомель
Место рождения ребенка: город, село
раён область Гомельская
район область
рэспубліка
республика
Месца рэгістрацыі Гомель
Место регистрации (назва і месцазнаходжанне бюро ЗАГС—
наименование и местонахождение бюро ЗАГС)
Дата выдачы 2 июня 19 42
м. п.
Загадчык бюро запісаў актаў грамадзянскага стану
Заведующий бюро записей актов гражданского состояния

Свидетельство о рождении Герке Г.С.

Семья Герке занимала большую светлую комнату в деревянном доме, покрытом снаружи крашеной рейкой. Из таких домов состоял почти весь город. Раньше дом принадлежал владельцу лесопильни, что размещалась на краю города за небольшой речушкой. После революции хозяин куда-то сгинул вместе со своим семейством, лесопильню разворовали, а в доме поселился один из активистов новой власти вместе со своей сестрой. В пекле гражданской войны исчез активист, а его сестра Матрёна осталась хозяйкой дома. Женщина добрая, но недалёкая и невезучая так и осталась одна. Она постоянно боялась, что вернется хозяин лесопильни и её выгонит на улицу. Поэтому она охотно пускала в дом постояльцев из красных военных в

надежде, что её защитят, и с удовольствием прислуживала им, получая от этого удовольствие и источник существования.

Новозыбков в начале 20 века. Вид с Каменного моста

Валентина назвала сына в честь отца и деда – Георгием. Матрёна без ведома Валентины и, конечно, отца, который часто бывал в разъездах, крестила маленького Георгия. Когда Валентина узнала об этом, с ней чуть не стало плохо: «А вдруг узнает Сергей Петрович?» Зная его суровый нрав, Валентина строго настрого наказала хозяйке никому не говорить о крестинах, а маленький медный нательный крестик спрятала в сундуке среди своих вещей.

Через два года в мае 1924 года у Георгия родилась сестра, которую Валентина Георгиевна в память о бабушке назвала Майя.

Георгий рос здоровым малышом. В два года это был черноглазый крепыш с длинными по самые плечи белыми кудрявыми волосами. Мать не хотела их подстригать, и из-за этого у неё было несколько неприятных разговоров с мужем, который, впрочем, махнул рукой на воспитание сына вообще. У него просто не было времени и желания этим заниматься. Постоянно мотаясь по войскам, часто пропадая на несколько дней, он приходил домой злой и усталый. Ординарец, Матрена, жена все суетились вокруг него, что раздражало его ещё больше. Он старался поскорее поесть и ложился спать, чтобы наутро с восходом солнца снова уехать, не говоря, когда вернётся.

Во дворе дома находилась конюшня. Там пахло сеном и лошадьми. Дед Семён, что присматривал за лошадьми, неторопливо убирал навоз, попыхивая самокруткой. Вокруг, маленькими серыми шариками, перескакивающими с места на место, щебетали воробьи.

Фыркали лошади, отгоняя надоедливых мух, время от времени крутя головами, от чего гривы разлетались в разные стороны.

Георгий при первой возможности убегал к лошадям. Мать была занята сестрой, ей некогда было смотреть за старшим, и у того появлялась реальная возможность передвигаться, куда ему хотелось. Любимцем отца был большой красивый иссиня-чёрный жеребец. Георгий хотел его видеть постоянно. Он останавливался в нескольких метрах от коня и мог часами стоять и смотреть на него. Конь опускал голову, переступая передними ногами, тихонько фыркал, как бы боясь напугать это маленькое беззащитное существо, отражавшееся в его больших черных глазах. Подходил дед Семён. «Ну, ну не балуй» - говорил он, беря жеребца под уздцы и уводя от греха подальше. Мать боялась, как бы конь не зашиб сына, уносила его в дом, отвлекая какими-то игрушками. Но уже через несколько минут, когда она снова занялась Майей, Георгий опять шёл к лошадям. Эта упёртая настойчивость выводила Валентину из себя, и она была вынуждена даже привязывать сына к кровати. Георгий скулил, забившись в угол, но только почувствовав свободу, снова направлялся на задний двор.

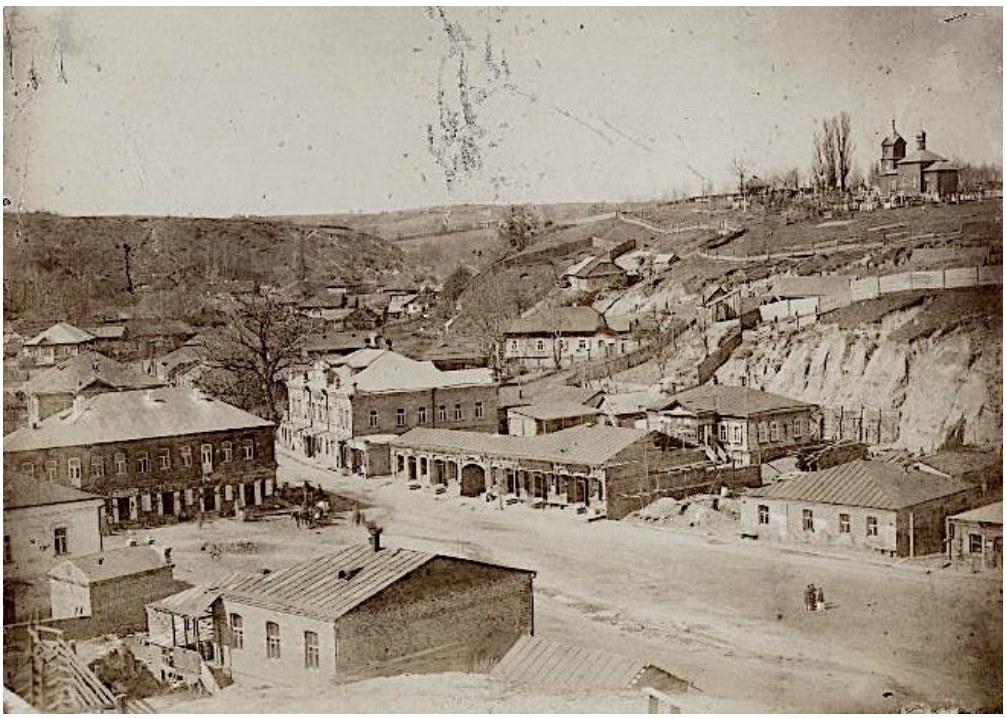
Жизнь так и продолжалась в тихом спокойном Новозыбкове. Начали восстанавливать спичечную фабрику первым делом присвоив ей гордое название «Волна революции» о чём возвещали большие белые буквы на кумачевом транспаранте, закреплённом на воротах. Открывались школы, библиотеки, клубы. Хозяйство в основном вела Матрена и Валентина не очень за это переживала. Главное было вовремя обеспечить её деньгами. Она больше уделяла времени маленькой дочери, и Георгий был предоставлен сам себе. Он никак не начинал говорить, что конечно беспокоило Валентину. Она даже по подсказке Матрёны ходила с сыном к старой бабке, которая что-то шептала, причитала, приговаривала шамкая синими шершавыми губами.

Однажды Георгия одели в новую красивую одежду, и вся семья пошла фотографироваться. Его поставили на табуретку и велели стоять и не шевелиться. Все смотрели на него и даже отец улыбался. Георгию это очень понравилось и с тех пор он очень любил, когда его ставили на табуретку. Он мог долго стоять и смотреть на всех, воображая, будто его фотографируют.

В 1926 году, когда Георгию было четыре года, а сестре всего два, Валентина Георгиевна и Сергей Петрович разошлись. Это был очень тяжёлый шаг для Валентины, уходить с двумя маленькими детьми в абсолютную неизвестность. Но дальнейшую жизнь с Сергеем Герке она не представляла.

Георгия и Майю определили в детский дом в г. Мозер (Белоруссия). Сестру отдали в ясельную группу, а Георгия в детсадовскую. Это было последнее, что сделал Сергей Герке для своих детей.

Годы жизни в детском доме оказали очень сильное влияние на Георгия. Его привыкшего к полной свободе, закрыли как птицу в клетке, ограничив правилами и надзором. Он замкнулся, рос нелюдимый, молчаливый. Мог часами один с чем-то возиться и с неудовольствием реагировал, если кто-то пытался нарушить его одиночество. Мать приезжала редко и очень быстро уезжала.

г. Мозырь в начале 20 века

Однажды над Мозырем началась сильная гроза. За окнами хлестал дождь, ветер завывая в печные трубы, гнул деревья. Молния и гром сильно напугали Георгия. Ему казалось, что эта гроза может сейчас ворваться в комнату, схватить его и унести в чёрную страну, про которую рассказывал нянечка. Георгий подпёр ногой дверь, чтобы не пустить грозу. Нянечки его искали, и одна из них резко открыла дверь. Ноготь на большом пальце сломался пополам. Было очень больно. Это осталось в памяти на всю жизнь, впрочем, как и ноготь, неправильно сросшийся.

Годы, проведённые в детском доме, сказались не только на характере Георгия, но и на его здоровье. В шесть лет у него заболели глаза – трахома, глазная болезнь. Потом он долго болел скарлатиной. Ему было очень плохо, и он жалел себя. Приезжала мать, но её не пустили к нему. Ему разрешили только подойти к маленькому окну, и мать передала ему молоко и яблоки. Георгий стоял на подоконнике, прижимая к груди пакет и бутылку, смотрел на уходящую мать и плакал. Плакал тихо, скуля, не вытирая слёз. Ему казалась, что мать уходит навсегда и никогда не вернётся.

В 1928 году Валентина Георгиевна вышла замуж за Семёна Михайловича Савкина – военного, с 1918 года служившего в Красной Армии. Семен Михайлович казался полной противоположностью С.П. Герке. Спокойный, рассудительный, доброжелательный – именно такой мужчина был нужен Валентине в этот период. Он не побоялся взять в жёны женщину с двумя детьми, к тому же бывшую жену Красного командира. Опять любовь! На этот раз до конца жизни!

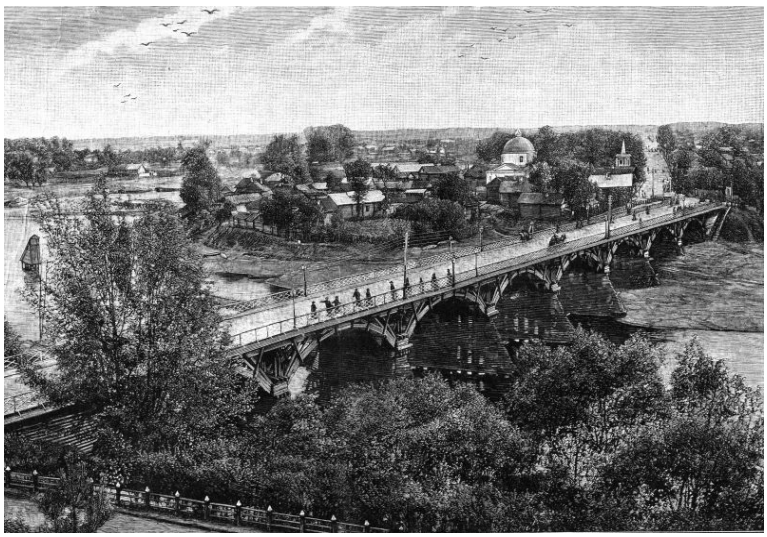
Была зима 1929 года. Очень снежная и морозная. Георгий пальцем расковыривал дырочку во льду, который покрыл стекло окна, и смотрел на улицу. Толстые красногрудые снегири и суетливые воробьи прыгали по веткам рябины. Вдалеке прошла лошадь, запряжённая в сани. Георгий мечтал, что когда-нибудь, приедет мама и заберёт его домой. Он не знал, где она и когда она приедет, но ему так хотелось домой, где можно быть одному, где тепло и много еды.

Мечты Георгия сбылись и его наконец-то забрали домой. Его встречала сестра Майя и отчим. Мать велела называть его отцом. Для

Георгия всё было чужим, кроме матери: сестра, которую видел урывками в детском доме и которую не воспринимал как родную, чужой мужчина, смотревший на него хоть и добрыми, но настороженными глазами, и которого он должен называть отцом, незнакомый дом. В памяти на мгновение всплыло строгое лицо отца и пропало в тумане. Слишком много прошло времени, боли и одиночества, чтобы стереть из памяти того, которого он и так не часто видел в своей небольшой жизни. Но всё это было не главное для маленького человека. Главное рядом была мама, было тепло, и была еда. Георгий понемногу оттаивал душой и телом. Начались осложнения после скарлатины, воспаление ушей. Мать делала компрессы, капала какие-то капли. Георгий даже не плакал, а только тихонько постанывал. Детский организм стойкий, он быстро восстанавливался. Ему нужно лишь немного тепла и заботы. Особенно материнской.

Полк, в котором служил Семён Михайлович, стоял в селе Луполово, практически являющемся окраиной города Могилева. Уже весной, а она в 1929 году выдалась ранней да тёплой, Георгий носился с местными пацанами днями напролёт. Появлялся домой пыльный с горящими карими глазами для того, чтобы поесть, да и то не всегда. Ребятня старалась находиться поближе к солдатским казармам, длинным, наспех сколоченным сараям. Солдаты выносили остатки каши и хлеба, на которые мальчишки накидывались с огромным удовольствием.

Село Луполово, окраина Могилёва

Любимым, хоть и рискованным занятием было собирать пули и гильзы на стрельбище. Иногда попадались целые патроны, что особенно ценилось. Пули, гильзы и патроны были разменной монетой пацанов Луполово. На них покупалось и менялось всё, что может быть ценным у семилетних детей послевоенного времени. Когда сборы на

стрельбище были особенно успешны, бегали к рябому Матвею на кривой улице, который менял пули на карамель.

Однажды, когда ватага пацанов увлечённо собирала трофеи, начались учебные стрельбы, и они попали под огонь. Волею судьбы дежурным по стрельбищу в этот день был Семён Михайлович, который вовремя заметил ребят и приказал прекратить огонь. Досталось «на орехи» всем, а особенно Георгию. На какое-то время ребята близко не подходили к стрельбищу.

За последний год Георгий окреп, стал более общительным, чаще смеялся. Жизнь брала своё. И детский дом всё реже вспоминался, как страшный сон. Хотя эти детские годы без матери навсегда остались в его памяти и оказали влияние на характер.

В 1930 году Георгий пошёл учиться в «0» класс. Ему запомнился запах свежей краски, большие портреты на стенах и новая рубашка, которая натирала шею.

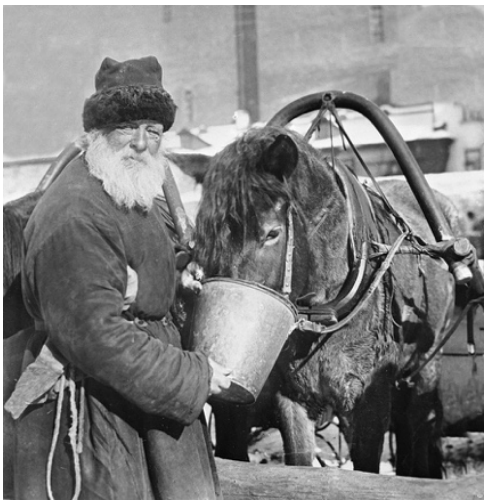
В начале 1932 году Савкин С. М. получил назначение на должность командира роты на станции Татарская Омской области. Георгий плохо помнил переезд. Сборы, машины, вагоны, постоянное мелькание за окном, ожидание на вокзалах, какие-то люди в военном, всё слилось в единую пёструю картину.

Когда приехали на станцию Татарскую, на улице стоял сильный мороз, под –40 градусов. Ото всюду шёл пар. Белый и плотный, он мгновенно исчезал в морозном воздухе. Морды лошадей были белые от инея, а из ноздрей вырывались белые клубы. Вокруг неплотно закрывающихся дверей вокзала образовался снежный вал. Сначала вокруг дверей возникала белая, плотная, постоянно меняющаяся в очертаниях масса, напоминающее облако, из которого появлялся человек. Облако медленно исчезало, оседая на землю. Георгий смотрел во все глаза. Ему казалось, они попали в сказку. Правда, это очарование длилось недолго. Мороз быстро пробрался во все щели и неплотности одежды. Да и одеты они были по «буржуйски». Пальто, ботинки и другая одежда, явно не предназначенная для этих мест и такого мороза. Через две минуты, схватив вещи, все рванулись в здание вокзала. Посредине небольшого зала стояла железная печь, вокруг которой толпились люди. И хотя в здании было совсем не тепло, но всё-таки не так, как на улице. Валентина Георгиевна с детьми нашла место поближе к печке. Все сидели на вещах и грелись.

Через некоторое время Семён Михайлович вернулся с извозчиком, пожилым, здоровым сибиряком. Всех усадили в телегу и укрыли медвежьими шкурами. Мужика-извозчика звали Ануфрий. Он был немногословен, нетороплив и основателен. Уложил вещи, поправил упряжь, подоткнул поудобней шкуры, усевшись в санях, крякнул и

негромко скомандовал: «Но, родимые». Лошади дружно побежали. Георгий, лёжа в санях, видел синее небо и огромные сугробы по краям дороги. Фыркали лошади, скрипели полозья, пахло сеном, навозом и медвежьими шкурами.

Ануфрий привёз всех к себе домой. Дом был большой и тёплый. Сразу стало хорошо и уютно. Георгия стало клонить ко сну. И уже через уходящее сознание до него дошли запахи борща и варёной картошки. Его разбудила мать. Посреди избы стоял накрытый стол, на котором стояла большая запотевшая бутыль самогона. Жена Ануфрия ухватом на длинной закопчённой ручке доставала из печи чугунок, из-под крышки которого по комнате разносился аппетитный аромат. Первый раз в жизни Георгий ел сибирские пельмени. Семён Михайлович и Ануфрий пили самогонку и говорили о жизни.

Извозчик Ануфрий

Десять дней Савкины жили у Ануфрия, пока Семён Михайлович решал вопрос с жильём. Стояли морозы. Необходимой одежды у Георгия не было, и он сидел дома, изнывая от безделья. Мать учила его читать и считать, что Георгий делал без особого удовольствия.

Однажды появился Семён Михайлович и несколько красноармейцев. Они начали собирать вещи. Савкины получили комнату в военном городке. Городок находился недалеко за селом Татарским, в котором жил Ануфрий. Ходить в школу приходилось за два километра, а попутная подвода находилась не всегда. Дети военных, собираясь вместе, чаще шли пешком. Семён Михайлович раздобыл для Георгия хоть и старый, но тёплый тулуп и валенки. Мать обустраивала быт, отчим целыми днями пропадал на службе. Георгий опять был предоставлен сам себе. Благодаря занятиям матери учёба шла неплохо, хотя трудно было переучиваться, избавляясь от могилёвского говора. Ребята постоянно смеялись над его произношением. Для Георгия всё смешалось: белорусская речь, сибирский неторопливый говор, аканье приезжих военных, а у матери иногда в гневе проскальзывали грузинские и французские словечки.

Самым благодатным временем было лето. Полк выезжал в военные лагеря под Омском на реку Иртыш. Семьи офицеров тоже ехали

вместе с полком. Снимали дома у крестьян в близлежащих деревнях. Красноармейцы (солдаты) жили в бараках и палатках. Дети военных целыми днями находились на свежем воздухе. Ходили в лес, собирали всё, что можно. Особенно Георгий любил собирать орехи. Лазали в сады и огороды, за что не раз были биты родителями. Враждовали с местными деревенскими, но не на злобу, а больше для фарса. Георгий был не очень крупным мальчиком, но жилистым и подвижным. А в дворовых схватках превращался в настоящего зверёныша, готового драться не на жизнь, а на смерть и кулаками, и зубами, и всем, что попадётся под руку. Вспыльчивый, в критических ситуациях даже злобный, он был ни другом, ни врагом и с ним старались не связываться. Видно, сказывались детдомовские годы, да и грузинская кровь давала о себе знать.

Однажды ватага городских утащила у одного местного деда двух кроликов. Дед жил зажиточно, имел восемь лошадей, несколько коров. У него работали наёмные работники. Дед разводил кроликов, которых у него было очень много. Они бегали за сеткой, которой дед огородил часть луга за его домом. Ребята подкрались вечером, уже в сумерки, разобрали часть сетки и поймали двух кроликов. Потом они поменяли их на яблоки у местных мальчишек. Дед ходил к командиру жаловаться. Устраивали настоящие допросы. Георгий молчал, как договорились со всеми, бычился, опустив голову в пол, и твердил: «Не знаю, не видел».

Осенью 1932 года часть, в которой служил Семён Михайлович, перевели в Благовещенск. Не успел Георгий привыкнуть к школе, к товарищам по военному городку, а нужно было уезжать. Ехали две недели в теплушках, пересаживаясь с поезда на поезд, подолгу ожидая их на маленьких, нетопленых станциях. Путешествие, которое поначалу предвещало много интересного, быстро наскучило своим однообразием и неуютностью. Майя хныкала, а Савкин всё время куда-то убегал, что-то организовывал, с кем-то договаривался.

Наконец они приехали в Благовещенск. Семён Михайлович снял часть дома, где уже жили военные: капитан красавец-грузин Джихуа (на что Валентина Георгиевна несказанно обрадовалась и иногда по вечерам пела с ним грузинские песни), лейтенант Игнатов – сын крупного кулака. Игнатов разошёлся с отцом по идейным убеждениям и ушёл в Красную Армию. Он не раз говорил отцу: «Живи, как все, отдай всё в колхоз, хуже будет». Но нажитое многими годами и тяжким трудом никак не отдавалось. Игнатов старший не мог понять и принять общее вместе с пьяницами и лентяями. Лейтенант Игнатов всё понимал и чувствовал. Сначала раскулачили отца, потом добрались и до него – арестовали.

1932–1937 годы прошли в Благовещенске. Наверное, это были лучшие детские годы Георгия. Он окреп. Небедное, сытое житье последних лет, на еде мать не экономила. Денег хватало. Отчим не обижал, да и времени на это у него не было. Как всегда, Георгий был предоставлен сам себе. Тем не менее, влияние матери, её образованность и воспитание, сказывались, и постепенно из замкнутого, диковатого мальчика он превращался в жизненно активного юношу. Постоянное общение с детьми военных и с самими военными придавало ему определенный социальный статус. В учёбе Георгий, впрочем, никогда не блистал и не испытывал к ней особой тяги

Благовещенск в 30-х годах 20 столетия

В детстве Георгий носил фамилию отчима, поэтому за ним закрепилось прозвище «Сава». Со временем в нём всё больше проявлялись черты лидера, обладающего неугомонным, темпераментным характером. Опыт, приобретённый в Татарском, позволил ему в Благовещенске быстро найти своё место в обществе местных ребят, и уже через какое-то время он руководил дворовыми сверстниками.

Благовещенск расположен на месте впадения реки Зея в реку Амур и в те годы был большим городом. В городе было три парка: Динамо, ЦДКА и «городской». В каждом парке зимой заливались катки. Коньки были всеобщим увлечением молодёжи, не говоря уже о пацанах. Коньки представляли собой полозья кованого металла с закруглениями у носов, которые прикручивались верёвкой к сапогам или валенкам. Улица Комсомольская была прямая, длинная и упиралась в городской театр. Именно на ней Георгий со своими друзьями любили кататься. Они делали специальные крючья, которыми цеплялись за проходящие машины. Такие же развлечения устраивались на улицах Зейской и Кооперативной. Нередко они заканчивались падениями, ссадинами и разбитыми носами. По неписаному закону улицы с этими бедами ребята никогда не бежали домой.

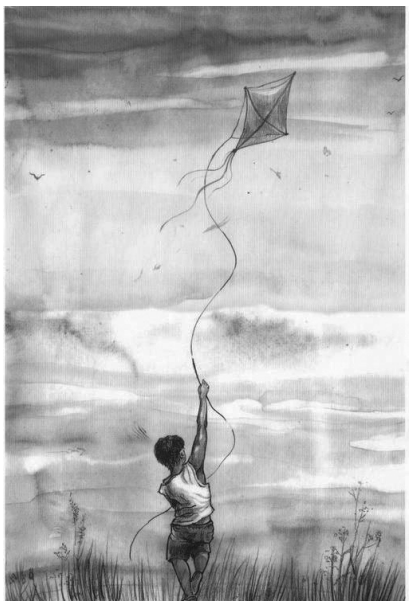
Ещё одним из развлечений было плевать в окна проходящих машин. Один раз какой-то водитель остановил машину и погнался за

Георгием, который попал в него, по всей видимости. Он еле убежал, скрываясь во дворах, в которых знал все ходы и выходы.

Реже удавалось устраивать лыжные вылазки. Один раз со своим другом Игорем Шевелёвым зашли очень далеко и заблудились. К тому же Игорь упал на склоне, сильно разбил ногу и не смог дальше идти. Георгий сделал из лыж носилки и тащил Игоря до города около семи километров.

Любимое занятие летом – запуск воздушных змеев. Это было целое представление, расписанное по актам, со своими правилами и законами, нарушать которые не смел ни один пацан.

Сначала необходимо было змея сделать. Это занимало не один день. Каждый имел свои секреты изготовления, которые держались в строжайшей тайне. Бумага, тоненькие рейки, клей, краски все имело значение. Для змея делались специальные бомбы, которые начинялись серой и порохом. Такие бомбы срывались с огромной высоты и взрывались. Иногда в городе, чаще на пустырях. Один раз такая бомба угодила под колеса ехавшего на велосипеде военного. Ещё делали специальные трубы, которые громко гудели от попадающего в них ветра. Когда над городом начинался хотя бы небольшой ветер, то в одном, то в другом месте поднимались этакие воздушные чудища, противно подвывая и при этом увешанные несколькими бомбами. Было очень престижным, когда твой змей поднимался выше, чем у конкурентов с соседней улицы, и гордо парил в одиночестве на недосягаемой высоте. Но не менее важным было хвостом своего змея, на котором специально привязывались острые, заточенные железки, срезать нить противника. И тогда поверженный соперник беспомощно, описывая круги, падал под громкое улюлюканье твоих друзей. Самое страшное при этом было потерять нитки. Катушка суровых ниток ценилась на вес золота и была для любого пацана целым состоянием.

Иногда змеи спутывались и падали вместе на землю, и одна группа ребят бежала на другую улицу разбираться, кто нарушил правила и, кто виноват. Часто такие разборки заканчивались рукопашной схваткой.

В 1933–1935 годах Георгий ездил с Семёном Михайловичем в военные лагеря в пос. Мухинка под Благовещенском. Детвора, как обычно, была предоставлена сама себе. Георгий организовал прибыльное дело. Они стреляли из рогаток бурундуков и таскали тушки одному старому солдату. Он их разделывал и готовил шкурки, которые честно делил и половину отдавал Георгию.

Георгий стал авторитетом среди дворовой ребятни. Он не выделялся ни ростом, ни телосложением. Зато среди сверстников его выделяли энергия и смелость, граничащая с безрассудством, быстрота и реакция. Играть на публике для него было истинным удовольствием. В армейском бушлате, стянутом на поясе ремнём, яловых сапогах и будёновке, которые приходилось донашивать за не очень высоким Семёном Михайловичем, Георгий колоритно выделялся на фоне других. Драки, улица на улицу, район на район были серьёзные с камнями, палками и кровью, но справедливыми. Никогда не добивали слабых, сдавшихся и лежачих. Их презирали, что для мальчишки 11–15 лет гораздо страшнее синяков и ссадин.

– Сава, Сава идёт! – кричали, завидя Георгия, пацаны, держащие оборону от наседавших с соседней улицы вечных врагов.

Георгий расстёгивал ремень, накручивал его на руку таким образом, чтобы большая металлическая пряжка была сверху, несколько камней укладывались в карман. Прикрывая голову полой бушлата от летящих камней, Георгий вёл своих в рукопашную.

Бывало всякое. И он побеждал, и его били. Но били редко. В таких случаях Георгий зверел и руками, и зубами защищал себя. С ним старались не связываться и не доводить отношения до такого уровня.

Валентина Георгиевна работала в офицерской столовой. Она была активной общественницей, заводилой офицерских жён. Постоянно что-то организовывала: то кружки, то художественную самодеятельность, то концерт приезжих артистов. Ни один день рождения или другие события в гарнизоне не обходились без неё.

Однажды в выходной день в столовой командного состава части появился духовой оркестр, начались какие-то приготовления. Прошёл слух, что приезжает большое начальство. Валентина Георгиевна, как обычно была в центре событий. Она что-то делала в столовой, кому-то помогала. Вдруг по столовой прошёл ропот и появился Блюхер, а среди его сопровождавших Сергей Петрович Герке, один из командиров пограничных войск Дальнего Востока. Валентина Георгиевна, как увидела его, чуть не лишилась чувств. Она убежала из столовой, прибежала домой, схватила Майю и Георгия, запёрлась на ключ и, не зажигая света, просидела до самого вечера, пока не пришёл Савкин.

Летом 1937 года Савкины никуда не выезжали из города. Время было тревожное. Даже в воздухе ощущалась какая-то напряжённость. Георгий стал меньше бывать на улице. В долгие летние вечера, когда зажигались первые далёкие звезды в чернеющем небе, все любили лечь поперёк кровати и, не зажигая света, вполголоса петь вчетвером. Георгий чувствовал единение и душевную теплоту, исходящую от мамы и Майи, и от этого, уже почти родного мужчины.

У Савкина были друзья - Вызванты. Дружили семьями. Часто выезжали на Зею купаться. Вместе служили, рядом жили, хорошо и по-простому дружили.

В июне 1937 года пацаны, как обычно, крутились во дворе, недалеко от дома Вызвантов. Мимо проезжала чёрная «Эмка». Вдруг машина повернула к ребячьей ватаге и остановилась. Из машины вышел начальник особого отдела, высокий мрачный капитан, и направился прямо к Георгию. Остановившись метрах в пяти, поманил его пальцем. Георгий подошёл.

Штабной автомобиль М-1

– Где отец? – спросил этот человек, известный всему городу.

– Ушли с матерью гулять – не моргнув глазом, ответил Георгий.

Машина постояла ещё минут пять и уехала. Георгий со всех ног бросился домой. Там была одна мать, и он рассказал всё ей. С матерью началась истерика.

Чёрная «Эмка» приехала ещё раз. Предъявили ордер на арест Семёна Михайловича и начали обыск. Обстановка в комнате вся казённая: кровати, табуретки да стол. В ящиках, в которых привозили спички, лежали книги. Они перетрясли всё, каждую книгу, даже матрас вытрясли. В комнате стоял страшный беспорядок, и среди раскиданных вещей ходили чужие люди и пинали их ногами. Георгий стоял в углу, сжав кулаки, стиснув зубы, готов был броситься на них и не мог сдвинуться с места. Семёна Михайловича забрали. Мать не спала три ночи, утром убегала куда-то, а вечером приходила разбитая и опустошённая.

В то лето арестовали многих. Даже лейтенанта Игнатова арестовали, несмотря на то, что ему недавно вручили орден Ленина. Он поехал получать пополнение. Какие-то двое мужиков из деревни отца

узнали его и донесли. Отца к тому времени уже раскулачили. С тех пор Игнатова никто больше не видел.

Городок полнился слухами. Кто-то рассказывал, что арестован и Блюхер, а вместе с ним и Герке Сергей Петрович. Это было последнее известие об отце. Больше Георгий о нём никогда не слышал.

Так и жили в постоянном страхе. В августе Семён Михайлович сумел передать матери короткую записку – «Уезжайте в Брянск». Начались быстрые сборы. Мать постоянно плакала, хотя не потеряла ясности мысли и присутствие духа. Она отбирала с собой самое необходимое. Продавала всё, что не нужно, без жалости и особенно не торгуясь. Провожать Савкиных пошли только Вызванты, да некоторые пацаны бежали за повозкой некоторое время, а потом отстали.

В сентябре 1937 года Валентина Георгиевна, Георгий и Майя, в конец измученные, добрались до посёлка Жуковка Брянской области. Устроились в селе Березовичи (недалеко от Жуковки). Там жил брат Семёна Михайловича, Савкин Афанасий Михайлович.

Вскоре Валентина Георгиевна с Майей (ей надо было идти в школу) уехали к Анне, двоюродной сестре Савкина, в город Брянск. Георгий остался у Афанасия Михайловича. Он опять оставался один без матери и семьи. Кончилось детство, беззаботные годы в Благовещенске. Хотя Георгий и переживал разлуку, но он не унывал. Прошла целая жизнь, научившая его и сделавшая взрослым. Он уже многое знал и понимал. Умел за себя постоять и не собирался пропадать просто так. Ему было уже 15 лет, и он пошёл работать. В тридцатые годы двадцатого столетия в рабочем поселке Жуковка работало более сотни предприятий мелкой и кустарной промышленности. Население было занято на производстве кирпича, обработке металла, кузнечном производстве, в машиностроении, в мукомольной и крупяной отрасли, в хлебопечении, так что Георгию с помощью Афанасия Михайловича не составило труда найти себе место работы на одном из заводов.

В январе 1938 года Афанасий Михайлович получил телеграмму от Валентины Георгиевны, и они начали собираться в дорогу. Решено было ехать лошадьми, так как нужно взять несколько мешков с картошкой и другими продуктами. Всё-таки с ними в сельской местности было полегче, чем в городе. Чуть засветло двинулись в путь. Путь до Брянска предстоял не близкий. В сани, заряжённые двумя лошадьми, набросали сена, а сверху положили несколько овечьих тулупов. Казалось, этой дороге не будет конца. Скрипел снег под полозьями и копытами лошадей. Мелькали голые ветви деревьев и мохнатые, заснеженные лапы елей, с которых иногда снежной пеленой прямо в сани

сыпался снег. Было очень холодно, Георгий никак не мог согреться, и всё вспоминал медвежьи шкуры в санях у Ануфрия. Он несколько раз впадал в забытьё и отключался от реальности. Ехали целый день и добрались до Брянска лишь к позднему вечеру.

Как только вошли в дом Анны, Георгий сразу полез на печь отогреваться и не слезал с неё целый вечер. Так и уснул на печи, даже не спустившись к столу. У Анны было три дочери: Таня, Ольга и Галя. Одна из них была горбатая. С приездом Афанасия Михайловича и Георгия людей в небольшом доме оказалось очень много, но никто не роптал, как-то уживаясь друг с другом.

Егор, муж Анны, работал ассенизатором. Он привозил с работы сухарную пыль, так они её называли. Мешки, в которых развозили по магазинам сухари, собирали, выворачивали и тщательно вытряхивали. Образовавшуюся пыль собирали и из неё Анна пекла блины. Жили они в Брянске-1, на улице Спортивной, дом 23. В народе это место называли Минские склады.

Брянск в средине 20 века

Георгий пытался устроиться на работу. Ходил на 65-й завод (в последствии этот завод переименовали в 75/100), в другие места. Его нигде не брали. То ли из-за возраста, то ли из-за Савкина С. М.

Валентина Георгиевна устроилась работать на почте. Старалась работать больше, зачастую по две смены. Приходила усталая, но всегда находила время уделить хотя бы несколько минут дочери. Георгий стал совсем взрослый и прямо на глазах всё больше отдалялся от матери. Он уже курил, не стесняясь. И мало слушая взрослых, решал всё сам. Валентина Георгиевна чувствовала вину перед детьми и старалась как могла её сгладить.

Как-то раз Валентина Георгиевна пришла с работы очень расстроенная. Её обманули на 100 рублей. «Да при том, как обманули! – рассказывала Валентина Георгиевна – Подходит к моему окошку мужчина в шляпе, пристально на меня смотрит и говорит: «Дайте мне 100 рублей, пожалуйста». Я безропотно протянула ему деньги, а очухалась, когда его уже и след простыл. Так и сидела с протянутой рукой, ничего не соображая. Я думаю, что это был гипнотизёр».

Пришла весна 1938 года. Ранее утро начала мая, когда только восходит солнце. Георгий спит и ему снится сон. Клубок ниток вращается, увеличивается в размере, потом вдруг начинает распутываться, образовывая целую гору ниток, которые шевелятся, раскручиваются и начинают двигаться к нему, превращаясь в запах Анниных блинов. Он открывает глаза и видит, что посреди комнаты стоит Семён Михайлович Савкин. Мать выскочила из-за занавески, где спала с Майей, сделала два шага и с криком упала в обморок.

Потом все сидели за столом, и Семён Михайлович рассказывал, что нового в Благовещенске, и за что его продержали 8 месяцев в тюрьме.

В Благовещенске одним из лучших ресторанов в то время был ресторан «Амур». В этот ресторан военных в форме не пускали, преследуя нравственно-воспитательные цели. Но все были молодые, всем хотелось испытать что-то новое, неожиданное, вот офицеры и переодевались в гражданское и иногда по вечерам посещали это питейное заведение. В этом же ресторане бывали японцы и другие иностранцы. Валентина Георгиевна была женщина эффектная, стройная, красивая, энергичная. К тому же, получившая неплохое светское образование, она прекрасно танцевала, говорила по-французски, и отличалась изысканными манерами по сравнению с другой публикой. Она просто не могла быть незамеченной. Её приглашали танцевать, и она танцевала. В том числе и с маньчжурским консулом, и с японским послом. Мало того, что танцевала, так ещё весело болтала о чём-то, чего никто не понимал.

Семёна Михайловича обвинили в работе на японскую разведку. В тюрьме пришлось несладко, особенно в первое время. Ему запомнился один момент. Когда сидевший рядом офицер, увидев, что у Семёна Михайловича пустая пачка, протянул ему папиросы, но тут же получил от охранника по рукам палкой. Особенно тяжело было психологически. Постоянно в мозгу звучал один и тот же вопрос – «За что?».

Суд для командирского состава был открытым. Савкина оправдали. Как получилось на самом деле, Семён Михайлович никогда не рассказывал. То ли сослуживцы, зная Валентину Георгиевну, не дали роковой ошибке свершиться, то ли какие-то другие обстоятельства сыграли свою роль.

После тюрьмы Савкина встречал один Вызвант. Привёл его к себе домой. Заставил как следует вымыться. Переодел его в чистую рубаху, посадил за стол. Семён Михайлович был очень подавлен, молчалив. К горлу подкатил ком обиды от несправедливости. Даже водка не помогла, а еда застревала в горле.

Через несколько дней после приезда Семён Михайлович и Валентина Георгиевна поехали в посёлок Бордовичи. Там располагалась, какая-то военная контора, которая занималась оправданными и уволенными из армии. Савкину предлагали остаться в армии дальше, но он наотрез отказался и уволился в запас. В этой конторе ему заплатили жалование за восемь месяцев, которые он провёл в тюрьме, числясь в рядах Красной Армии.

Вернулись они уже ближе к вечеру. Привезли много всякой вкуснотищи, всем были преподнесены гостинцы. А ещё Семён Михайлович поставил на стол коробку из-под ботинок, в которой россыпью лежало много папирос. Георгий к этому времени уже курил в открытую и его это очень обрадовало.

Савкины в Брянске у двоюродной сестры Семена Михайловича задержались ненадолго. Через несколько дней они уехали в посёлок Сельцо в 30 км от Брянска. Георгий пошёл на завод № 32 учеником слесаря и начал учиться в 8 классе вечерней школы. Однако и в Сельцо Савкины пробыли недолго. Семён Михайлович где-то прочитал, что в Орловской степи выращивали то ли траву, то ли кустарник, на основе которых можно делать каучук.

Эмбарго, которое наложили западные страны, на ввоз в СССР натурального каучука, получаемого тогда из сока гевеи, произрастающей в теплых странах, создал огромные трудности для автомобильной промышленности, которая должна была получать большие объёмы автошин для производимых легковых и грузовых автомобилей. В 1930-е годы в стране делались настойчивые попытки найти растения-каучуконосы и на территории СССР, и они были найдены в виде некоторых кустарников. Значительные площади плодородных земель были отданы под посадки кок-сагыза, бересклета бородавчатого и бересклета европейского. Были разработаны технологии выращивания этих растений как на открытой местности, так и под пологом леса. Каучук содержался в корнях этих кустарниковых растений. Однако два существенных недостатка определили их судьбу в дальнейшем, — корни растений глубоко уходили в землю и извлечь их оттуда было нелегко, а качество каучука было, невысоким.

Начиналось строительство большого комбината и требовалось много рабочих рук и специалистов. К тому же приезжим сразу предоставляли жилье.

Савкины переехали в г. Ливны Орловской области. Жили в Казачьей слободе. Георгий работал учеником слесаря на механическом заводе. Занимался испытанием пожарных гидрантов. Получал около 300 рублей заработной платы. Чувствовал себя совсем взрослым. Хотелось самостоятельности и независимости. С отчимом не очень-то считался, да и тот не особенно лез в дела Георгия. Мать давно махнула

на него рукой, видя необузданный, где-то даже взбалмошный характер. Он не особенно унывал.

И как только чуть стало полегче семье, сразу стал жить как-то бесшабашно, бездумно, одним днём. Постоянно пропадал где-то с новыми дружками. Дома бывал редко, только спать и приходил. В Ливнах Георгий получил паспорт на фамилию Герке. Он сам так решил, даже не посоветовался ни с кем. Хотел подчеркнуть, что он сам по себе. Семён Михайлович обиделся, правда, стараясь не показывать вида. Мать высказала Георгию всё, что она по этому поводу думает, что ещё больше их отдалило.

Георгий Герке. 1939 год

В 1940 году по путёвке ЦК Комсомола Георгий был отправлен учиться в горнопромышленное училище, которое находилось на станции Магдышновка, Шахта им. Ворошилова, Дзержинского района, Сталинской области. Он ходил гордый от сознания собственной самостоятельности, независимости от Семёна Михайловича и матери. Георгий даже не догадывался, что после его поступка с паспортом у Валентины Георгиевны и Семёна Михайловича состоялся долгий, тяжёлый разговор. Оба понимали, что Георгий может пойти не по той дорожке с его новыми друзьями. Надо было что-то делать. Савкин сам пошёл в райком партии и попросил для него эту путёвку.

Проучился в училище Георгий недолго. Началась война. Узнал он об этом в 12 часов 22 июня 1941 года. Всех студентов собрали в столовой. Секретарь парткома шахты, высокий, седеющий с густыми казацкими усами рабочий проводил митинг, чередуя русские и украинские слова. Училище расформировывали, а всех учащихся отправляли работать в шахту. Поработать пришлось, хоть и недолго, и лесогоном, и бурильщиком, и забойщиком. Ребят кидали туда, где в данный момент не хватало рабочих рук. До конца жизни на руке Георгия Сергеевича можно было разглядеть небольшие вкрапления угля.

10 октября 1941 года Георгия Герке решением Дзержинского районного военного Комиссариата (РВК) Сталинской области Украинской

СССР призвали в армию. Провожала его бабка, у которой он снимал комнату. Шёл нудный, осенний дождь. Бабка крестила его втихую и приговаривала, что дождь в дорогу — это хорошо, это к счастью, а сама всё утирала глаза кончиками платка, повязанного на маленькую седую голову.

К городу Шахты уже подходили немцы и были они от него в каких-то 18 километрах. Всех призывников срочно собрали на городской площади, погрузили в полуторки и в спешном порядке повезли в Ворошиловград. На подъезде к городу Старобельск колонна попала под бомбёжку. Это было первое реальное проявление войны. Георгий так ничего не осознал и не понял. Завывали немецкие самолёты. Где-то раздавались одиночные выстрелы. Впереди разорвалась бомба, заставив вжать голову в плечи. Он делал всё, как все. Как все, согнувшись, бежал, как все свалился в придорожный кювет, обхватив голову руками, как все потом старался придать себе молодцеватый и геройский вид. После воздушного нападения всех построили в колонну и своим ходом направили в совхоз Шевченко.

Георгий, общительный и компанейский, быстро сколотил вокруг себя небольшую группу ребят. Он особенно близко сошёлся с Александром Филипповым, долговязым русым парнем из-под Тулы. Они всегда старались держаться вместе. В совхозе многих местных жителей уже эвакуировали и дома пустовали, но всех призывников разместили в совхозном клубе, напоминавшем большой барак. Устраивались на полу, на стульях, на сцене. Питание доставали сами, кто как мог, разбредаясь по селу, уговаривая оставшихся местных старух, ковыряясь в огородах, в надежде найти невыкопанный картофель. Группа Георгия, действуя сплочённо и активно, изловила овцу, которая бродила одна на окраине села. Разделали её в одной из заброшенных изб, сварили и съели.

Уже пошёл третий день, как призывников держали в клубе. Один раз уже под вечер в клуб зашёл пожилой усатый военный.

– Есть кто из вас пекари? – спросил он.

Один парень из группы Георгия встал. У него отец был пекарем. Парня увели. На рассвете он вернулся. В его руках были две буханки ещё тёплого хлеба. Ребята одну буханку тут же съели, а вторую припрятали.

Пасмурный осенний день только начинался. Дождь того и гляди готов был сорваться с тяжёлого тёмно-серого неба. Злые усталые командиры строили демобилизованную молодёжь. Хотя среди

них попадались люди и постарше, невесть как затесавшиеся среди зелёного салажняка.

– По годам стройся, по годам, я сказал – простуженным, сиплым голосом командовал тучный капитан.

– Кто служил, отходи налево, да налево, я сказал, где у тебя лево, мать твою – разорялся капитан.

Призывники выходили из клуба, кутаясь в видавшие виды одежды и подчиняясь капитану, строились в шеренги. Чуть вдали от беснующегося и пытавшегося навести порядок капитана, стояла группа военных, покуривая и что-то лениво обсуждая. Георгий вместе с Сашкой Филипповым стоял в первом ряду, переминаясь с ноги на ногу, поёживаясь от пронизывающего ветра. И вдруг взгляд его остановился на военных командирах, которые двинулись к строю. Среди них Георгий узнал Семёна Михайловича. Захотелось крикнуть: «Я здесь!» и одновременно спрятаться за спины товарищей. Вспомнилось, как уезжал из города Ливны, как получал паспорт на фамилию Герке, как грубил, независимо и вызывающе вёл себя в последнее время по отношению к отчиму. Он стоял, онемев и не отводя взгляда от приближающихся командиров.

– Ты чего? – толкнул его в бок Сашка Филиппов.

Георгий что-то промычал, продолжая тупо смотреть вперёд. Командиры обходили строй, сформировывая будущие отряды, которыми им поручено командовать. Глаза Савкина и Георгия встретились. Секунды превратились в вечность. Семён Михайлович не проронил ни слова, лишь кивнул и что-то приказал денщику. И пошёл дальше обходить строй.

Семён Михайлович быстро понял, что не получится из него снабженец или другой какой специалист на гражданке. Ничего он не умел и ничему не обучался, кроме как воевать. Сразу же следом за Георгием Савкины переезжают в Макеевку. Семёна Михайловича взяли преподавателем тактики в военно-медицинское училище. Как только началась война, его как офицера запаса мобилизовали и направили в Ворошиловград для формирования батальона из числа вновь призванных с Донбасса.

Таким образом, Георгий и Сашка Филиппов оказались в подразделении под командованием Савкина Семёна Михайловича. В принципе никто и не знал, что командир приходится отчимом Георгию, почти отцом, воспитывающим его с пятилетнего возраста. А они и не распространялись об этом. Зачем? Так было легче обоим. Лишь с Сашкой Георгий поделился своей тайной. В Сашке он был почему-то уверен.

Сформированные отряды нестройными рядами, отправились на станцию Чертково. Измученные голодные только на третий день они подошли к железнодорожной станции. Там их погрузили в теплушки, и поезд отправился в г. Пензу, а потом ещё дальше в Суслонгер (Марийская ССР).

В связи с тяжёлым положением на фронте летом 1941 года требовалось в короткий срок призвать и обучить основам военного дела огромные массы людей. 13 августа 1941 года Государственного комитета обороны (ГКО) издал постановление «О формировании запасных частей и маршевых батальонов», согласно которому было образовано несколько десятков новых воинских частей. В августе 1941 на станции Суслонгер Областным военкоматом Татарской АССР была сформирована 31-я запасная стрелковая бригада. В её состав вошли: 11, 84, 96 запасные стрелковые полки (ЗСП), 42 запасной артиллерийский полк (ЗАП), 25 запасной сапёрный батальон и 17 отдельный запасной батальон связи. Бригада вошла в состав Приволжского Военного Округа.

По прибытию в Суслонгер Георгия зачислили в миномётную батарею 11-го запасного стрелкового полка. Савкин С. М. принял командование этим подразделением. 31 декабря 1941 года на плацу полка построили весь батальон, и командир обратился с речью. В конце построения он спросил, есть ли желающие комсомольцы с восьмилетним образованием учиться на командиров. Георгий, не долго раздумывая, сделал два шага вперёд. Его зачислили курсантом в учебный батальон 31 запасной стрелковой бригады.

Георгий Герке в 1941 году

Всё последнее время Семён Михайлович безуспешно пытался разыскать Валентину Георгиевну и Майю, обнаружить хоть какие-то их следы. Писать в Макеевку не имело смысла, она была уже под немцами.

Начались обычные будни запасной тыловой части. Занятия, занятия и занятия – по тактике и боевой подготовке, политзанятия и стрельбы, муштра и кроссы или лыжные марши, материальная часть и снова стрельбы. Порой бывало тяжело. Курсанты недоедали. Спали

в бараках. Хотя по сравнению с рядовым составом, которые питались ещё хуже и спали в землянках и палатках, им грех было жаловаться. Дни летели быстро чередой привычных будней. Лишь изредка случались события, которые выбивались из привычного ряда. К таким событиям нужно отнести приезд на курсы Ворошилова. Естественно, были устроены показательные стрельбы. Понятие Ворошиловский стрелок обязывало. Георгий тоже стрелял отлично, за что заслужил похвалу командиров курсов.

Ворошилов был приглашён в столовую, где курсанты ужинали. Его еда состояла из котлеты с лапшой, стакана чая, сахара и хлеба. Однако Ворошилов ужинать не стал, свой ужин отдал курсантам и покинул столовую.

Георгий Герке на соревновании по лыжам в 31 запасной стрелковой бригаде (крайний справа в нижнем ряду)

В марте 1942 года курсантам присвоили звание младший лейтенант - командир миномётного взвода. Началась подготовка к отправке на фронт.

Однажды в апреле 1942 года Георгия и Вячеслава Журавлева (из Серпухова) вызвал к себе комиссар полка, по национальности казах. Его сын погиб на фронте, и он очень тяжело это переживал. Комиссар начал агитировать их остаться при учебном батальоне. Кому-то необходимо было учить молодое пополнение. Георгий и Вячеслав начали отказываться. Молодой максимализм толкал их на подвиги, скорее хотелось на фронт. Уговаривал комиссар недолго, потом просто приказал. Их направили командирами взводов в учебном батальоне. Георгий думал, что здесь не обошлось без Савкина, и очень злился за это на него.

Георгий был один из первых на полосе препятствий и уверенно держал первое место в штыковом бою. Помогали врождённый кавказский темперамент, хорошие подвижность и реакция. Он рвался на фронт, как и все молодые, не понимая действительного положения дел. Он написал пять рапортов, которые оставались без ответов.

В учебке Георгий познакомился с Михаилом Васильевским. Был он ещё тот раздолбай, вечно витающий в облаках, несобранный и недисциплинированный. Служил он в музыкальном взводе, и держали его только за то, что он неподражаемо играл на трубе. До войны он играл в каком-то оркестре в Москве. В марте 1943 года Васильевский уговорил Георгия поехать к девочкам. Где-то недалеко, на станции Суслонгер, стоял учебный медицинский взвод. Туда была проложена узкоколейка и они, хлебнув для храбрости спирта (где его только достал Михаил) полезли в какой-то вагон. Там их и накрыл патруль. По законам военного времени всё было достаточно серьёзно. Васильевского направили в штрафную роту. Георгию дали две недели на подготовку группы по штыковому бою и зачислили в маршевую роту. (Наверное, и здесь не обошлось без Семён Михайловича). Группа была оторви да выброс. Почти все бывшие «зеки». И только боязнь штрафного батальона не давала им открыто самовольничать, но зато исподтишка вытворяли что зря. Воровали, дрались, подличали.

В начале апреля 1943 года в составе маршевой роты командиром взвода Георгий отправился на фронт. Ехали в неплохих теплушках воинского эшелона. На полу была расстелена солома, а с одной стороны вагона устроены двухъярусные нары, на которых расположились командиры. Играли в карты и спали. Бегали на станциях за кипятком. В котелке заваривали крепкий чай, который потом разливали по кружкам. На станции Перово Московской окружной железной дороги состав надолго остановился. Такие остановки бывали и раньше в пути. Другой раз стояли и полдня. Один солдат из взвода Георгия подходит к нему и говорит:

– Командир, вон дом, отсюда видно. Мой дом! Там отец, мать, сёстры. Отпусти на час.

Старшина взвода услышал и говорит:

– Не вздумай, лейтенант. Что ты делаешь? Под трибунал пойдёшь.

Но тоска, стоявшая в глазах солдата, сильно подействовала на Георгия. Вспомнились мать, Семён Михайлович, Майя. «Где они сейчас? Ни весточки, ни писем от них». Он отпустил солдата. Как тот бежал через вагоны и железнодорожные пути! Это надо было видеть!

Ждали! Прошло два часа. Георгий думал: «Всё! Сбежал солдат. И на этот раз ему не отвертеться от штрафной роты». Аж слёзы на глазах от обиды выступили. Курил, не переставая. Вдруг старшина толкает его в бок:

– Смотри!

Георгий обернулся. Идут к вагону наш солдат, его отец и мать, две сестры. Идут обнявшись. Семья! Георгий, спрыгнув с вагона, направился к ним, собираясь высказать солдату всё, но не успел. Мать упала на колени и начала благодарить Георгия за то, что разрешил ещё раз сына увидеть, может быть в последний раз. Родители солдата притащили две корзины разной еды и водки.

Военный эшелон

По окружной дороге кружили, наверное, ещё дней семь. Ещё несколько человек отпускал Георгий домой. Много москвичей оказалось во взводе, и все возвращались назад. Один даже с женой пришёл. Одного солдата всё-таки задержал патруль, и Георгию пришлось идти в комендатуру за ним и брать вину на себя. Георгий получил за это пять суток ареста. Всех вновь арестованных и уже сидящих на «гауптвахте» отправили на завод им. Сталина (нынешний ЗИЛ), где они разгружали из вагонов какие-то зарубежные мотоциклы.

Через некоторое время их эшелон наконец-то отъехал от Москвы и направился в сторону Тулы. Не доезжая 33 км до станции Билёв Тульской области, на железнодорожной станции Арсеньево эшелон остановился. Их уже встречали представители 61-й армии

Брянского фронта, которым Георгий и передал свой взвод. Бравый майор, проверив у Георгия документы, вручил ему предписание, в соответствии с которым ему надлежало через три часа явиться в штаб 77 стрелковой дивизии.

– А где эта Борщевка? – спросил Георгий, вертя в руках предписание.

– Да тут недалеко, километров пять будет – ответил майор и махнул рукой в сторону дороги – Дотопаешь или попутка подберет. В 77-ю сейчас много машин направляется. Их после Сталинграда хорошо подлатывают. Давай лейтенант, не до тебя. Стройся, мать вашу! – заорал он на толпившихся у вагона солдат.

Штаб 77-й гвардейской стрелковой дивизии, находился в деревне Большая Борщевка в большой избе, стоящей на берегу реки Иста, куда Георгий быстро добрался в кузове полуторки среди каких-то ящиков и мешков. Его принял майор, руководивший кадрами дивизии. За столом сидел невысокий человек с большими залысинами на седеющей голове и в роговых очках, похожий на школьного учителя. Георгий стоял по стойке смирно перед майором, который долго вчитывался в документы, переданные ему. В комнате пахло травами и хлебом. На стене висела большая карта, аккуратно завешенная чёрными шторками. Перед майором лежали бумаги, большая амбарная книга, стопка серо-коричневых папок с аккуратно завязанными тесемками и большая деревянная линейка.

– Из Суслонгера, значит, из 31-го ЗСП значит – то ли спросил, то ли сказал майор, продолжая крутить в руках документы Георгия.

– Так точно! – отрапортовал Георгий.

– Я и сам знаю, что точно. – сказал майор, наконец-то подняв на Георгия глаза – А ты знаешь, лейтенант, куда ты попал? А ты знаешь, что такое 77-я гвардейская стрелковая дивизия?

На этот раз Георгий решил промолчать, а майор, казалось бы, уже не обращая никакого внимания ни на него, ни на офицеров, входящих и выходящих в комнату, продолжал, и снова Георгию показалось, что это учитель истории, а не майор штаба боевой части:

– Наша дивизия была сформирована в июле 1941 года в Москве, как 21-я дивизия народного ополчения Киевского района из рабочих и служащих Дорогомиловского химического завода имени Фрунзе, кондитерской фабрики имени Бабаева, карандашной фабрики имени Сакко и Ванцетти, Московского холодильного комбината, сотрудников киностудии «Мосфильм», колхозников Пушкинского района. В дивизию так же вступило много научных сотрудников: институтов экономики, мирового хозяйства и мировой политики, философии и истории Академии наук СССР. Ты представляешь лейтенант, какие это кадры? Были!

Майор на мгновение замолчал, шмыгнул носом, повернул голову к окну и продолжил тем же спокойным голосом, снова напомнившим учителя, выступающего перед классом:

– 29 августа 1941 года дивизия была переименована в 173-ю стрелковую дивизию. Наша дивизия, дивизия ополченцев, почти полтора месяца прикрывала одно из важных оперативных направлений на дальних подступах к Москве. В октябре 1941 года в составе 33-й армии Западного фронта мы вели тяжёлые оборонительные бои на рубежах юго-западнее города Кирова, под Ульяновом и на подступах к Туле. За героизм в боях за Тулу, которую проявили наши бойцы, дивизия получила благодарность командарма армии генерала М. Г. Ефремова и командования Западного фронта. В период наибольшей опасности для Каширы дивизия сдерживала натиск танковой группы Гудериана.

– Ну, Петровича понесло – пробурчал за спиной Георгия какой-то офицер, вошедший в комнату с картонным ящиком.

Майор, повернувшись лицом к Георгию и пристально глядя в его глаза продолжал:

– С осени 1942 года наша дивизия участвовала в Сталинградской битве, ведя оборонительные и наступательные бои северо-западнее Сталинграда и в самом городе. Ты знаешь, лейтенант, что такое Сталинград? Нет! Ты там не был, ты не знаешь, что такое Сталинград! Да чтобы ты и не знал никогда! За успешные боевые действия по уничтожению сталинградской группировки противника нам было присвоено звание 77-й гвардейской дивизии. Теперь мы гвардейцы, и ты лейтенант должен с честью пронести это звание через всю войну.

Майор замолчал, что-то отмечая в документах Георгия и записывая в амбарную книгу, и уже буднично и устало сказал, передавая ему бумаги:

– Распишись и отправляйся в 215 полк в батарею к капитану Захарову и снова склонился над бумагами, не обращая уже никакого внимания на Георгия.

Он вышел из комнаты, и в сенях его тут же перехватил какой-то капитан.

– Так, в 215-й, к миномётчикам – казалось, он стоял под дверью и подслушивал – Это недалеко, в Средних Лучках 215-й стоит, километров 10-12 будет. Сейчас туда пойдёт наша штабная машина, тебя доставят прямо к командиру. Ну, бывай лейтенант. Увидимся.

Капитан исчез также внезапно, как и появился. Не успел Георгий, выйдя на крыльцо, закурить, как перед ним возник чубатый малый в видавшем виде ватнике, перетянутым на поясе ремнём.

– Кто тут в 215-й? – крикнул он и увидев, что никого кроме Георгия рядом нет, махнул ему рукой на стоящий невдалеке автомобиль

– Сидай зараз, лейтенант, покедова ещо место есть.

Так Георгий оказался в 215-м гвардейском стрелковом полку, где его назначили командиром взвода батареи 120-миллиметровых миномётов. В батарее было два взвода, состоящих из двух миномётных расчётов, по десять человек в каждом (наводчик, заряжающие, снарядный, подносчики, ездовые, повозочный), возглавляемых сержантом. И целое хозяйство лошадей (артиллерийских и ездовых), для каждого миномёта артиллерийский передок, миномётной ход, пароконная повозка.

Капитан Захаров, командир батареи, высокий, худощавый, лет 25, встретил Георгия в землянке, обустроенной на краю деревни Нижние Лучки в километре от штаба полка. Он поднялся с топчана и протянул Георгию руку.

– Так, необстрелянный – сказал он, вчитываясь в его документы – 22-го года. Что-то ты долго до фронта добирался, лейтенант. Ладно, это не моё дело. Обстреляем, увидим, что ты за фрукт. Что такое 120-мм миномёт, надеюсь, ты знаешь, но пояснить обязан. Считай, это полковая малая артиллерия, дальность стрельбы более 5 км. Двигаемся мы в наступлении сразу за пехотой в километре, двух, и двигаемся быстро, поэтому лошади и техника важная составляющая нашего успеха. Обещали пару тягачей прислать, но пока нет. Лошади и люди, вот наша тяга. По штату в батарее 53 человека. Сейчас в наличие около 35. Ждём пополнение. Поэтому обучение новичков тоже твоя задача. Возьмёшь первый взвод. Там командиром расчета старшина Сидорчук, опытный, правильный боец, он же по совместительству старшина батареи. Ты ему не перечь по первое время, присматривайся, привыкай. Пошли, представлю тебя, младший лейтенант.

Так началась жизнь Георгия в действующей армии на Брянском фронте. В 30 километрах шли бои. Немцы держали оборону на западном берегу реки Ока. Части 77-й дивизии продолжали пополняться людьми и техникой и готовились к наступлению.

На позициях юго-восточнее Билёва полк находился недолго и уже в начале мая его перебросили под посёлок Славный Тульской области. Дивизия располагалась на втором рубеже обороны в тылу у 12 и 336 стрелковых дивизий, и на протяжении десяти дней в полку шла ускоренная подготовка к дальнейшим наступательным операциям. В штабе дивизии был разработан план наступательной операции, и командиры полков проводили с личным составом тактические учения и боевую подготовку. Проводили рекогносцировку района предстоящих боёв. Большое внимание уделялось политической подготовке. Больше всех доставалось младшему командному составу. Особое

внимание уделялось форсированию водных преград. Даже проводились игры на местности, в которых солдат поднимали в атаку под грохот пушек и минометов, стрелявших холостыми зарядами.

В начале июля 1943 года все части дивизии, по-прежнему находящиеся на втором рубеже обороны, отвели в село Меркулово Тульской области. Среди офицеров начались разговоры о скором наступлении.

10 июля 1943 гола полк в полном составе начал продвижение в направлении посёлка Дубровный. Недалеко от деревни Средние Ростоки была форсирована река Ока. Это была первая водная преграда, которую Георгию пришлось преодолевать и применять на практике все знания, полученные в недавних учениях.

Продолжая наступление, полк двигался на запад, проходя деревни и села Орловской области: Фатнево, Мартыновка, Королёвка.

27 июля пришёл приказ передать занимаемый ранее участок обороны возле деревни Королёвка и переместиться южнее в район села Незнаново и с этих новых позиций начать преследование отходящего противника. Не пройдя и шести километров 30 июля передовые отряды были остановлены сильным огнём противника. Подоспевшие резервы полка через сутки смогли преодолеть оборону немцев и полк вышел на рубеж сёл Пальчиково – Татинки.

Как командира взвода 2 августа 1943 года Георгия вызывают к командиру батальона и знакомят с распоряжением штаба корпуса. На основании этого распоряжения дивизия передаётся в состав резерва 61 армии и сосредотачивается в районе населённых пунктов Орловской Старецкий, Васильевский, Становой, Новая Жизнь.

Но уже с утра 3-го августа новым распоряжением штаба корпуса дивизия передислоцируется в район населённых пунктов Сафоновский, Ивановская, Чёрное, Локна и к 23–00 часам принимает боевой участок на рубеже восточнее населённого пункта Знаменское, где должна осуществлять оборону.

С рассветом 4 августа разведка 215 полка обнаружила отход противника с занимаемых рубежей и начала его преследование. Приходилось вести постоянные бои с частями, которые прикрывали отход основных сил немцев. К утру 9 августа удалось достичь железной дороги Орёл – Брянск в районе станции Красная Новь, где полк закрепился.

Поступил новый боевой приказ штаба корпуса: дивизия передаёт занимаемый участок другим частям и в составе 61 армии поступает в резерв Ставки Верховного Главнокомандования. Совершив ночной марш: Красная Новь – Знаменка – Лаврово, части дивизии 12 августа 1943 года сосредоточились в районе этого населённого пункта, расположенного в 8 километрах южнее города Орла.

В ходе Орловско – Болховской операции Георгий со своим миномётным взводом 215 гвардейского стрелкового полка в составе 77 гвардейской стрелковой дивизии в постоянных боях прошёл почти 80 километров. На машинах, чаще на подводах, запряжённых тощими лошадьми, по пыльным просёлочным дорогам Орловской области, проходя полуразрушенные пустые деревни и сёла, перемещали они свои 120-мм миномёты от одной позиции к другой. Командиры намечали огневую точку, определяли цели, и его взвод стрелял, пока не кончались боеприпасы. Где-то впереди был фронт, на котором, как считалось, в то время не велось активных действий, шли бои местного значения. Пару раз он попадал под артиллерийский обстрел. Снаряды, казалось, рвались совсем рядом, и он вжимался в землю всем телом.

В посёлке Лаврово 77 дивизия простояла до конца августа 1943 года, пополняя боеприпасы, комплектуя личный состав, проводя в порядок вооружение. Все понимали – готовится новое наступление.

29 августа 1943 года пришёл приказ, и все части дивизии начали движение по указанному маршруту. 15 сентября 1943 года 215 полк, пройдя маршем 340 километров, сосредоточился на левом берегу реки Десна напротив сёл Зметнев (Змітнів) и Купчичи (Купчичі) Черниговской области Украинской ССР. Начиналась наступательная операция, в которой 77 гвардейская стрелковая дивизия приняла самое активное участие.

16 сентября 1943 года 215 полк форсировал реку Десна и начал продвижение в направлении города Чернигов. При форсировании реки Абель немцы организовали упорное сопротивление, которое не остановило продвижение наших войск. Сильно мешала продвижению бомбардировочная авиация противника. Пройдя с боями населённые пункты Прогоны (Прогони), Киреевка (Кириівка), Волынка (Волинка), Лавы (Лави), Мена (Мена), форсировав реку Снов, овладев сёлами Киселевка (Киселівка) и Яцево (Яцево) и 20 сентября 1943 года 215 полк вошёл в населённый пункт Новосёловка (Новоселівка) и начал готовиться к штурму города Чернигов.

21 сентября 1943 года в 4 часа утра 215 гвардейский стрелковый полк вместе с другими частями 77 гвардейской стрелковой дивизии ворвались в город Чернигов (Чернігів) с севера и северо-востока. Начались уличные бои. Георгий впервые участвовал в таких боях. Главной задачей миномётчиков было подавление огневых опорных пунктов немцев. Находясь сзади наступающих стрелков и автоматчиков, закрепившись за каким-нибудь укрытием, его миномёты вели прицельный огонь по указанным ориентирам и снова продвигались вперёд за пехотой полка. Таким образом, освобождая улицу за улицей, к 9 часам утра город был полностью освобождён.

Впоследствии за проведение этой наступательной операции, освобождение города Чернигов 77-й гвардейской стрелковой дивизии было присвоено звание «Черниговская».

Необходимо было развивать успех и, не задерживаясь в городе, с утра 22 сентября части дивизии продолжили наступление, форсировали реку Белоус и вынудили противника отходить в западном и северо-западном направлении. Уже к вечеру 25 сентября 1943 года 215 полк вышел на рубеж населённых пунктов Греновка - Новая Рудня (Нова Рудня) – Дубровка и начал готовиться к форсированию реки Днепр. Готовились переправочные средства, велась рекогносцировка районов переправ, подтягивались огневые средства.

Переправу начали в 1 час ночи 27 сентября 1943 года бойцы 218 полка 77-й дивизии. Первой отправилась рота пехотинцев с противотанковыми ружьями и станковыми пулемётами. Взвод Георгия, заняв позицию на левом берегу Днепра, готовился при необходимости огнём поддерживать наши переправлявшиеся подразделения. К удивлению передовым отрядам удалось переправиться без потерь. Переправившиеся роты занимали плацдарм на правом берегу реки и с рассветом начали вести бои по его расширению. Немцы, обнаружив переправившуюся группу, контратакой ротой автоматчиков, поддержанных огнём артиллерии, пытались сбросить наши подразделения в Днепр. Георгий в бинокль наблюдал, как бойцы 218 полка, уже успевшие закрепиться и окопаться на западном берегу, отражали контратаки противника. С левого берега велся артиллерийский и миномётный огонь по огневым точкам немцев. В течение всего дня переправлялись остальные подразделения 218 полка и к 17 часам весь полк был уже на западном берегу, постоянно отражая удары противника, которые продолжались силами батальона при поддержке танков и авиации, увеличивал территорию занятого плацдарма.

В ночь на 28 сентября переправу начали и остальные части дивизии, в том числе и 215 полк. Это была самая большая река, которую пришлось форсировать Георгию. Миномёты были погружены на заранее подготовленные плоты. Часть людей его взвода разместились на плотах, часть на лодках. Вода, почти чёрная в ночи, зловеще блестела от осветительных ракет, где-то в небе гудели самолёты, сбрасывая бомбы на районы переправы, продолжала работать артиллерия противника, и волны от разоравшихся снарядов и бомб достигали переправлявшихся. Комок жути подступал к горлу, мешая дышать, а по спине пробегали мурашки.

Ведя наступление, части дивизии овладели населёнными пунктами Вялые (Вялле) и Нивки, расширив таким образом плацдарм на 3 километра, и, продолжая наступление и преодолевая сопротивление

немцев, к исходу 5 октября части дивизии захватили и закрепились на плацдарме в 6 километров по фронту и 8 километров в глубину.

Около деревни Лесковка 215 полк остановился на целых десять дней, приводя в порядок после форсирования Днепра личный состав, материальную часть и оружие. 16 октября 1943 года командир полка вызвал в штаб всех командиров подразделений и поставил боевую задачу по расширению плацдарма на западном берегу Днепра. Следующие десять дней полк с боями продвигался на северо-запад по территории Белоруссии, пройдя населенные пункты Мысы, Станедская, Старая Лутава, Севки.

Тяжело пришлось при форсировании реки Песочена возле деревни Кривино. И река-то не очень большая по сравнению с совсем недавно оставшимся позади Днепром, но хорошо закрепившиеся на западном берегу немцы никак не давали организовать переправу людей и техники, ведя постоянный прицельный огонь. И всё же через несколько дней 10 ноября 1943 года полк выбил противника из деревни Кривино. Дальше пошло веселей. 11 ноября прошли деревню Иваньков, 12 ноября Удалёвку, 15 ноября напротив Удалёвки форсировали реку Брагинка и в течение пяти дней бойцы вели бои по расширению плацдарма на её западном берегу.

В средине ноября 1943 года выпал снег, стало заметно холодней и приходилось прикладывать больше сил для транспортировки и подготовки к бою миномётов. Были задержки с поступлением в часть зимней формы одежды, и бойцы согревались как могли. Возникли трудности с кормом для лошадей.

В конце ноября 1943 года Георгия вызвали в штаб полка.

– Через час в штаб дивизии отправляется машина, тебе необходимо явиться в штаб дивизии не позднее 17 часов – осипшим голосом сказал командир полка – батарею передать Петрову.

– Зачем? – спросил Георгий

– Затем, мать твою! – взревел полковник – и уже спокойным голосом добавил – Там тебе всё объяснят. Выполнять!

– Есть – приложил руку к голове Георгий, повернулся, вышел из блиндажа и побежал передавать взвод лейтенанту Петрову.

В штаб дивизии, расположенный в пяти километрах, Георгий явился вовремя. В соответствии с приказом Ставки № 0433 от 23 октября 1943 года «О формировании лыжных частей» в дивизии начали формировать лыжный батальон. Он получил назначение командиром взвода в этот батальон, который формировался недалеко от села Хойники (Белоруссия). Он ещё в Благовещенске неплохо ходил на лыжах. В учебном батальоне всегда был одним из первых, и видимо эти успехи не остались незамеченными командирами.

Началась недолгая подготовка к марш-броску. Готовили лыжи и оружие, сооружали специальные волокуши для пулемётов и лёгких миномётов. В том году рано выпало много снега. Ждали маскировочные халаты, которые никак не подвозили. Батальон получил задачу броском выйти во фланг большой группировки немцев и атаковать неожиданным для них ударом. В это время пехота во фронт начнёт массированную атаку. Дали команду и 800 человек лыжного батальона, так и не дождавшись маскхалатов, начали маршевый бросок. Некоторые, кто был поумнее да поопытнее, смогли раздобыть простыни, которые повязали поверх шинелей.

Батальон резво начал движение. Пересекли большое поле с неубранной рожью, несколько ложбинок и углубились в лес.

Георгий бежал легко, оглядываясь на отставший взвод. Впереди начали стрелять, и по цепочки поступила команда преследовать противника. Передовой отряд немцев встретил батальон на окраине леса и, не оказав сильного сопротивления, начал отходить в лес. Командиры, подгоняя отставших, приказывали держаться плотной группой, но тем не менее 800 человек растянулись на несколько сотен метров. Колонна начала пересекать большую поляну и в то время, когда голова колонны почти выходила из неё, а хвост только входил, началась стрельба. Казалось, стреляли со всех сторон. Рассредоточиться не было никакой возможности. Все падали в снег, на котором в своей тёмной одежде становились прекрасными мишенями. Стреляли финские стрелки, которые расположились на деревьях и вели прицельный огонь. Назревала паника. Первый принял решение командир пулемётного взвода армянин Ахоян. Он начал разворачивать пулемёты, стоявшие на волокушах, и открыл огонь по ёлкам, где сидели «кукушки», подавив тем самым первую активность стрелков и дав возможность остальным рассредоточиться и начать вести прицельный залповый огонь.

Батальон потерял 275 человек, так и не выполнив поставленную задачу и сорвал атаку. Было ясно, что немцы их ждали и специально заманили в подготовленное место. После этой неудачной атаки лыжный батальон приостановил свою деятельность, и Георгий вернулся в расположение своего 215 полка командиром взвода 120-мм миномётов. Эти миномёты считались большими, работали, как малая артиллерия на достаточном от передовой расстоянии и в то же время позволяли легко перемещать батарею с места на место.

Весь декабрь 1943 года 215 полк занимал первый рубеж обороны в составе 77 дивизии на правом фланге 61 армии возле деревень Великие Автюки, Дуброва и Селище.

В начале января нового 1944 года полк принимал участие в боях возле села Калинковичи под городом Мозер. Георгию снова приказали принять участие в атаке на оборонительную линию немцев в составе лыжного батальона. И снова батальон не выполнил поставленных перед ним задач. И хотя другие части дивизии всё же овладели селом Калинковичи, лыжный батальон расформировали уже окончательно.

Бой с применением миномётов

С января по апрель 1944 года полк находился во втором эшелоне обороны южнее деревни Суховичи. Проводилось пополнение личного состава, техники и вооружения. Иногда проводились отдельные боевые операции по захвату опорных пунктов противника. Запомнился бой возле населённого пункта Клинск на подступах к реке Птичь. В полку ходили упорные слухи о переброски дивизии на другой участок фронта.

В соответствии с распоряжением 2-го Белорусского фронта 77 гвардейская стрелковая дивизия передавалась в распоряжение 25 стрелкового корпуса 69 армии и направлялась южнее города Ковель Волынской области Украинской ССР.

Личный состав полка был построен на станции вдоль железнодорожного полотна. Подали эшелоны и приказали грузить технику. Не успели отъехать, как железнодорожный состав остановился, и все ещё долго ждали в теплушках, пока достроят мост через реку Припять. Мост строили наспех и временно. Когда эшелон, вновь тронувшись на малой скорости, проходил по нему, мост скрипел и качался. Было очень страшно. В вагоне разом стихли все разговоры, и под скрип дерева и скрежет металла состав пересек реку.

По прибытии на место полк занял оборону на правом берегу реки Турья возле деревни Соловичи.

Весь апрель, май, июнь 1944 года полк в составе 77 дивизии вёл оборонительные бои в районе города Тужиск на левом и правом берегу реки Турья возле населённых пунктов Мировичи, Турычаны, Глембочицы. В июне 215 полк передислоцируется в предместье города Тужиск на правом берегу реки Турья, готовясь к наступательной операции.

6 июля поступил приказ о наступлении. 215 полк форсировал реку Турья и сходу овладел левобережной частью города Тужиск. Развивая наступление по левому берегу реки полк за сутки выбил немцев из населённых пунктов Ставок, Кульчин, Гилярув и занял оборону перед городом Дольск, где противник создал хорошо укреплённый район.

С 8 июля 1944 года полк начал вести ожесточённые бои за город Дольск. Всю ночь на 9 июля немцы вели артиллерийский и миномётный огонь по нашим позициям. Под утро с церкви, расположенной на окраине города, начался сильный пулемётный огонь. С 4 утра начались контратаки противника численностью до 150 человек при поддержке артиллерийского, миномётного и пулемётного огня. Наши роты не успевали отойти, отразив первую атаку, как началась вторая, третья. Георгий, наблюдая в бинокль и корректируя огонь своих миномётов, насчитал пять волн контратак немцев. С 7 часов в небе появились «юнкерсы». Около сорока самолётов заходили с юга, сбрасывая бомбы на северные окраины города, где успели закрепиться наши части.

Стало понятно, что сходу преодолеть укрепления немцев не удастся, и наши части начали готовить оборонительные порядки, отбивая новые атаки немецкой пехоты и танков. Не переставая, работала артиллерия. Время от времени слышалась команда «воздух» и очередная армада самолётов проводила бомбардировку наших позиций.

Миномётный взвод

И только 18 июля 1944 года после массированной артиллерийской подготовки части 77 дивизии перешли в решительное наступление, прорвали сильно укреплённую оборону противника в районе города и не останавливаясь, за два дня пройдя 50 километров, к исходу 21 июля 1944 года вышли на государственную границу СССР по реке Буг на участке между населёнными пунктами Терехи и Высоцк.

В ночь на 22 июля 1944 года почти через три года после начала войны Георгий со своим взводом форсировал реку Буг недалеко от населённого пункта Колемчице и вступил на территорию Польши.

В Польше, не встречая сильного сопротивления, дивизия строевым маршем двинулась по направлению к городу Холм (Хелм), за сутки пройдя населённые пункты Камень, Юзефин, вошла в город Холм и не останавливаясь продолжила движение на запад.

215 полк, преследуя отступавших немцев, прошёл через населённые пункты Жултанце, Завадувка, Покрувка, Рыбе, Боровице.

25 июля 1944 года полк сходу форсировал реку Вепш и вошёл в населённый пункт Лопенник, не останавливаясь, продолжил движение через населённые пункты Ксаверовка, Ольшанка, Петркув, Неджевица, Божехув, Борув, Ходель, Комашице, Баба, Ополе, Козенец, Недэведа, Камень и 28 июля 1944 года вошёл в населённый пункт Кемпа Гостецка. Впереди была река Висла.

До Вислы двигались быстро с местными боями, хотя и без особых проблем. Миномёты стреляли с закрытых позиций, находясь всегда на 1,5–2 км сзади переднего края. Дальность стрельбы 120-мм миномётов, которыми командовал Георгий, достигала 6 километров. Артиллеристы приходили на свои позиции, когда пехота уже прошла, как правило, не задерживаясь в городках и деревнях. Артиллеристы, наоборот, в них задерживались. Это было удобно. Батарея размещалась за городом. Хорошие дороги позволяли быстро доставлять боеприпасы и питание. В населённых пунктах всегда можно было разжиться лошадьми или бензином для старенькой полуторки. Поляки встречали в основном хорошо. Вечером иногда офицеры посещали местные рестораны и кафе, которые каким-то образом несмотря на войну умудрялись работать.

Найдя свободное время, Георгий написал сестре Майе на почтовой открытке: *«Здравствуй Майя! Шлю тебе братский привет из Польши. Уже 12 дней, как я нахожусь в Польше. Чувствую себя хорошо. Народ встречает отлично, мы даже не ожидали такой встречи. Замечательные полячки – полинки. Посмотрел и барских дочек! Ну пока. Георгий».*

После того, как фронтом начал командовать Жуков, позиции миномётчиков приблизили до 500 метров к передовой, и двигаться уже приходилось сразу за пехотой.

Георгий приобретал опыт, мужал. Его назначили старшим офицером на батарее. Старший офицер располагался на наблюдательном пункте, который старались устроить на каком-нибудь возвышении сбоку или сзади батареи, и отдавал все команды во время стрельбы. Но нередко командовать приходилось прямо с батареи. Наступление шло стремительно, и задерживаться на обустройство наблюдательного пункта не приходилось.

– Угломер 50, прицел 5, заряд 3 мины, беглый, огонь! – командовал Георгий, держа руку на стволе миномёта, и слушая, как выходят мины.

До 3 августа, сосредоточившись в районе населённого пункта Кемпа Хотецка, подразделения полка готовились к переправе через реку Висла.

В ночь на 3 августа полк форсировал реку Висла в районе населённого пункта Кемпа Хотецка, занял рубеж юго-западнее населённого пункта Гняздкув и не останавливаясь в этот же день продвинулся вперед, заняв населённый пункт Боровец.

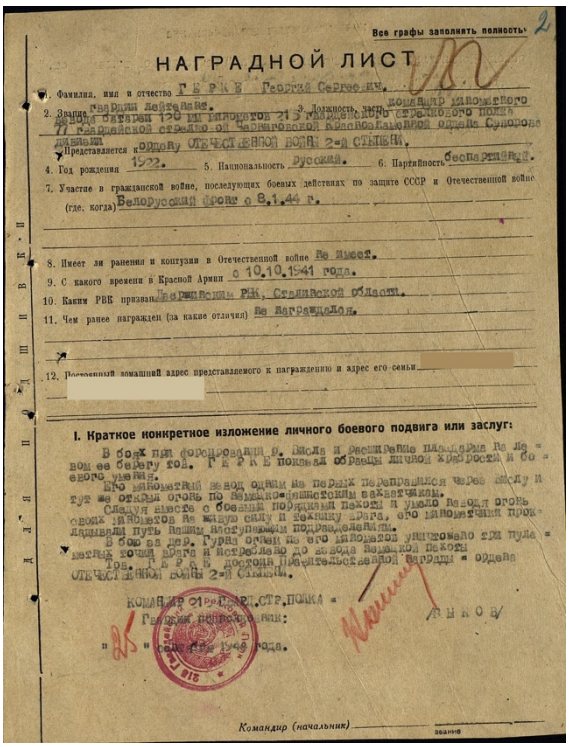
Весь день полк с боями продвигался вперёд в направлении населённого пункта Гурна и в 24-00 4 августа 1944 года, сменив 221 стрелковый полк, занял оборону на рубеже населённых пунктов Гурна – Долна.

За переправу через Вислу и последующий бой за деревню Гурна Георгий был награждён своим первым орденом Отечественной войны 2-й степени. В наградном листе за подписью командира полка Быкова было написано:

В боях при форсировании р. Висла и расширении плацдарма на левом берегу тов. Герке показал образцы личной храбрости и боевого умения. Его минометный взвод одним из первых переправился через Вислу и тут же открыл огонь по немецко-фашистским захватчикам. Следуя вместе с боевым порядком пехоты и умело наводя огонь своих минометов на живую силу и технику врага, его минометчики прокладывали путь нашим наступающим подразделениям.

В бою за дер. Гурна огнём из его минометов уничтожено три пулемётных точки врага и истреблено до взвода немецкой пехоты.

Тов. Герке Г.С. достоин Правительственной награды – ордена ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 2-й СТЕПЕНИ.

Все графы заполнять полностью!

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество Г Е Р К Е Георгий Сергеевич.
2. Звание гвардии лейтенант. 3. Должность командир минометного взвода батареи 120 мм минометов 21 гвардейского стрелкового полка 77 гвардейской стрелковой Чаргородской Краснознаменной ордена Суворова дивизии.
4. Год рождения 1922. 5. Национальность Русский. 6. Партийность беспартийный.
7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и Отечественной войне (где, когда) Белорусский фронт с 8.1.44 г.
8. Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне Не имеет.
9. С какого времени в Красной Армии с 10.10.1941 года.
10. Какми РВК призван Ворошиловским РВК, Сталинской области.
11. Чем ранее награжден (за какие отличия) Не награждался.
12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи

I. Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

В боях при форсировании р. Висла и расширении плацдарма на левом ее берегу тов. Г Е Р К Е показал образцы личной храбрости и бо-евого умения.
Его минометный взвод одним из первых переправился через Вислу и тут же открыл огонь по немецко-фашистским захватчикам.
Следуя вместе с боевым порядком пехоты и умело наводя огонь своих минометов на живую силу и технику врага, его минометчики прокладывали путь нашим наступающим подразделениям.
В бою за дер. Гурна огнем из его минометов уничтожено три пуле-метных точки врага и истреблено до взвода немецкой пехоты.
Тов. Г Е Р К Е достоин Правительственной награды - ордена ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 2-й СТЕПЕНИ.

КОМАНДИР 21 ГВАРД.СТР.ПОЛКА - БЫКОВ
Гвардии подполковник:
"25" августа 1944 года.

Командир (начальник) _____ звание

Наградной лист

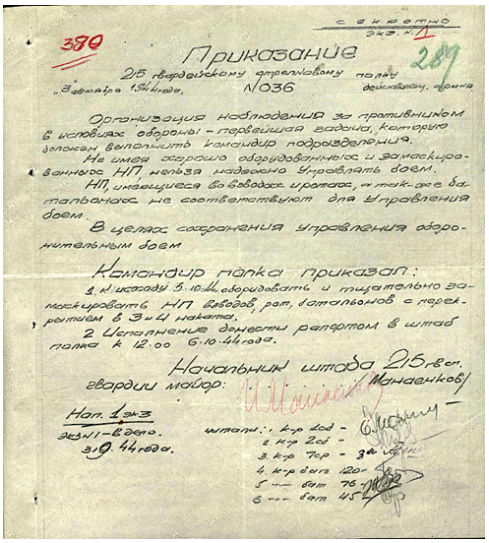
После успешного боя за деревню Гурна полк полностью закрепился на окраине деревни, продолжал улучшать оборонительные сооружения: углублялись окопы, минировались подступы к переднему краю на танкоопасных направлениях, строились блиндажи. Полковая артиллерия занимала опорные пункты в боевых порядках пехоты. Постоянно шла перестрелка с противником без активных наступательных операций как с одной, так и с другой стороны. Такая позиционная война шла до конца октября 1944 года.

Орден Отечественной Войны 2-й степени

В августе 1944 года должен был приехать Жуков, вручать 77-й дивизии орден Ленина. Георгий всегда был король по строевой подготовке ещё в «учебке» и его назначили дежурным по штабу полка. Он должен был рапортовать Жукову. Его начистили, надраили, отгладили. Сам командир полка гвардии полковник Быков инструктировал Георгия, где он должен стоять, как подойти, как доложить и успокоился только после того, как не раз заставил его пройти строевым шагом. Но Жуков приехал не в штаб, а прямо на плац. Отобранные части дивизии прошли перед ним маршем, и Жуков уехал. А Георгий, начищенный и наглаженный, так и простоял в штабе весь день.

Находясь со своим миномётным взводом за третьей линии обороны, Георгий хорошо организовал свой наблюдательный пункт, обустроил блиндаж в три наката и время от времени, когда приходила команда, открывал огонь по определённым разведкой позициям.

Приказание
215 стрелковому отдельному полку
№036
Организация наблюдения за противником в условиях обороны – первейшая задача, которую должен выполнить командир подразделения.
Не имея хорошо оборудованных и замаскированных НП нельзя надежно управлять боем.
НП, имеющиеся во взводах и ротах, и так же батальонах не соответствуют для управления боем.
В целях сохранения управления оборонительным боем
Командир полка приказал:
1. Немедленно 5.10.44 оборудовать и тщательно замаскировать НП взводов, рот, батальонов с переходом в 3-и наката.
2. Исполнение донести рапортом в штаб полка к 12.00 6.10.44 года.
Начальник штаба 215 отд. гвардии майор: Мунаенков
Нач. 1 отд. майор Един – Едино. 5.10.44 года.
штат.: 1 кр 82 мм – 6
2 кр 120 мм – 3
3 кр 76 мм – 3
4 кр 120 мм
5 – бат 76 мм
6 – бат 45 мм

Приказание по 215 полку с подписью Герке Г.С

22 октября в 19-30 батальоны 215 полка передали первую линию обороны другим свежим частям, а сами заняли оборону во второй и третьей траншеях. 30 октября пришёл приказ и все части 215 полка переправились на восточный берег Вислы в район населённых пунктов Корчмиски, Жминовиски и Щекаркув для отдыха,

пополнения личного состава, боеприпасов, вооружения и техники. Десять дней отдыха, без стрельбы, обстрелов, бомбёжек. Вся дивизия готовилась к новому наступлению. Каким-то образом совершенно секретные задумки высоких командиров становились известны в войсках. Солдаты шептались о готовящемся большом наступлении.

Немцы между Вислой и Одером создали, как им казалось, непреодолимую глубоко эшелонированную, в семь рубежей, оборону. Весь передний край обороны противника прикрывался проволочными и минно-взрывными заграждениями. Проволочные заграждения проходили в 20–25 м от первой траншеи и состояли из двух-трёх рядов проволочной спирали и рогаток. Для усиления проволочных заграждений противник установил в них противопехотные мины натяжного действия. Местность была открытая, пересеченная, с большим количеством высот, ручьев, оврагов и населённых пунктов. Фашисты считали, что советские войска измотают себя штурмом столь хорошо укреплённых позиций, что может привести к перелому в войне.

Историческая справка.

6 января 1945 года британский посол в Москве передал Верховному главнокомандующему Иосифу Сталину «личное и строго секретное послание» премьер-министра Великобритании.

Уинстон Черчилль писал: «На Западе идут очень тяжёлые бои… Я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января… Я считаю дело срочное».

В эти дни 1945 года немцы уверенно громили войска союзников в Арденнах. Англичане держались достаточно стойко, а вот американцы - побежали. 106-я пехотная дивизия США была окружена и уничтожена. Катастрофические потери личного состава и боевой техники понесли 28-я пехотная и 7-я бронетанковая дивизии. 101-я воздушно-десантная дивизия США попала в окружение. 4 января 1945 года командующий 3-й американской армией генерал Джордж Паттон записал в дневнике: «Мы всё ещё имеем шанс проиграть эту войну».

7 января Сталин ответил Черчиллю: «Мы готовимся к наступлению, но погода сейчас не благоприятствует нашему наступлению. Однако, учитывая положение наших союзников на Западном фронте, Ставка Верховного Главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку, и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января. Можете не сомневаться, что мы сделаем всё, что только возможно

сделать для того, чтобы оказать содействие нашим славным союзным войскам».

Тем временен войска «славных союзников» драпанули на 90 километров. Американцы начали массово сдаваться на милость немцев: в Арденнах на 19000 погибших у них было 23000 пленных…

Висло-Одерская операция советских войск началась на 8 дней раньше планируемого срока.

11 ноября 215 гвардейский стрелковый полк после 2-месячного отдыха, боевой подготовки и пополнения совершил марш из занимаемых населённых пунктов по маршруту Полянувка - Добрувка - Казимеж - Войшин - Облясы - Нов. Яновец - Ловецке Старе и вышел в исходное положение для наступления против группировки немцев, расположенной в районе населённого пункта Ловецке Нове восточнее г. Зволень.

Одной из проблем с которой столкнулись наши войска в этот период войны, было то, что немцы до начала нашей артподготовки отводили свои части на запасные позиции, и когда наши войска переходили в наступление, их встречали плотным огнём немецкие части, почти не пострадавшие во время артподготовки. Поэтому было принято решение из состава дивизии выделить один батальон, который должен был выявлять, не отвёл ли противник свои войска с первой позиции, и уточнять систему его обороны и огня непосредственно в бою. Фактически такой батальон был штурмовым подразделением, как говорили - ударный батальон.

Такой батальон под командованием гвардии майора Бориса Николаевича Емельянова был сформирован из состава 1-го батальона 215 стрелкового полка. Батальон состоял из трёх стрелковых рот общей численностью 202 человека, пулемётной роты с 9 станковыми пулемётами и миномётной ротой (9 миномётов), усиленный батареей 79-го гвардейского отдельного истребительно-противотанкового артиллерийского дивизиона, взводом танков Т-34 (три танка), батареей из четырёх самоходных установок СУ-76 и ротой 257-го инженерно-сапёрного батальона.

Взвод Георгия не привлекался к наступательной операции, так как 120-мм миномёты тяжёлые и их было гораздо труднее передвигать вперёд на новые позиции при стремительной атаке. Ему поручалось из оборудованной огневой позиции поддерживать атаку батальона огнём по вторым и третьим траншеям немцев. Георгий лично знал майора Емельянова, не раз встречаясь с ним в штабе полка, на учениях и отдыхе. Они были ровестниками. Все понимали, что батальон посылают на смерть.

Рубеж перед плацдармом был оборудован позициями, имевшими по две-три, а местами и четыре траншеи. Плотность стрелковых ячеек составляла от 100 до 120, а пулемётных площадок 12–13 на один километр фронта. Весь передний край обороны прикрывался проволочными и минно-взрывными заграждениями. Проволочные заграждения проходили в 20 метрах от первой траншеи и состояли из двухтрёх рядов колючей спирали и рогаток. Для усиления проволочных заграждений противник устанавливал в них противопехотные мины натяжного действия. Местность в полосе наступления батальона была открытая, пересечённая, с большим количеством высот, ручьёв оврагов и населённых пунктов.

Противостоящие нашему батальону немецкие силы превосходили его в 2,2 раза в людях, в 10 раз в танках, в 9,3 раза в пулемётах и в 8 раз в миномётах и находились на заблаговременно оборудованных и хорошо укрепленных позициях за водной преградой. Противник занимал командные высоты 168,8 и 166,7; это позволяло ему хорошо организовать систему огня и наблюдения и просматривать расположение наших войск на глубину до 2 км.

1-й стрелковый батальон 215-го гвардейского стрелкового полка в ночь на 12 января занял исходный район на западном берегу безымянного ручья на позициях боевого охранения 41-й стрелковой дивизии, ранее оборонявшей этот участок.

Георгий со своего наблюдательного пункта в бинокль тщетно пытался рассмотреть предстоящее поле боя. Погода была мерзкая - ночью валил мокрый снег, к утру сменившийся проливным дождем. Под ногами хлюпала вязкая жижа, налипая на солдатских сапогах неподъемными гирями. Пудовыми стали и промокшие насквозь шинели, согреться не помогали даже выданные бойцам перед атакой «наркомовские» сто граммов. Но хуже было другое: погода была нелетной, и наступающей пехоте не могла оказать поддержку советская штурмовая авиация.

В ночь на 14 января наши сапёры проделали ходы в заграждениях противника, а в половине девятого утра с рассветом начался 25-минутный артналёт.

В этом артиллерийском обстреле участвовали и 120-мм миномёты батареи Георгия. Детальное изучение противника позволило правильно спланировать артиллерийское обеспечение боевых действий передового батальона и вести эффективный огонь по живой силе и огневым средствам противника. Противник на переднем крае был надежно подавлен и не смог оказать сильного сопротивления из первой траншеи. За четыре минуты до окончания артиллерийской подготовки подразделения батальона под прикрытием артиллерийского огня приблизились к переднему краю противника и заняли

исходное положение для атаки в 100–150 м от его первой траншеи. С переносом огня артиллерии на вторую траншею подразделения батальона совместно с танками при поддержке самоходно-артиллерийских установок стремительно атаковали передний край обороны противника и, преодолевая его сопротивление, к 9 часам ворвались в первую траншею. Комбат Емельянов доложил в штаб полка о её захвате спустя всего 7 минут после начала атаки.

Однако во второй траншее противник оказал сильное сопротивление. Пришлось дополнительно обстреливать её из миномётов. Пятнадцать минут спустя батальон вновь бросился в атаку. Овладев второй траншеей, наш батальон оказался на западном скате высоты 166,7, выполнив ближайшую задачу. Оборона противника на первой позиции была нарушена. Стало возможным наблюдать всю оборону противника и прицельным огнем уничтожать его живую силу и огневые средства в глубине.

Из-за стремительного продвижения 1-го стрелкового батальона 215-го гвардейского стрелкового полка противник не смог организовать контратаку вторым эшелоном. Не смогли немцы применить и имевшиеся у них танки. И тогда они заняли жёсткую оборону по реке Чернявка, вдоль берега которой проходила третья траншея. Болотистые берега реки стали неодолимым препятствием для танков и самоходок, и нашим гвардейцам пришлось преодолевать её вплавь под огнём противника. Кончались патроны и приходилось врукопашную продолжать бой. Тем не менее, уже к 10 часам траншея была взята. Немцы не выдержали ошеломляющего натиска и беспощадной ярости русской пехоты. Враг побежал, и в прорванную в его обороне брешь пошел в наступление 215-й гвардейский стрелковый полк, потом 218-й гвардейский стрелковый полк, а за ним и вся 77-я гвардейская дивизия.

Таким образом, один батальон выполнил задачу целой дивизии, при этом не имея над противником превосходства в силах и средствах.

До подхода основных сил бойцами 1-го стрелкового батальона гвардии майора Емельянова было уничтожено около 400 немецких солдат и офицеров, взято около сотни пленных, уничтожены ДОТ и 4-е ДЗОТа, три зенитных артиллерийских установки, бронетранспортер, десять пулеметных гнезд, две 37-мм пушки, захвачено 4 дальнобойных орудия. Все это - за час с небольшим. Наши потери: 71 человек убитыми и ранеными.

В конце января 1945 года Военный совет 69-й армии, отмечая массовый героизм при прорыве вражеской обороны на реке Висла, присвоил стрелковому батальону гвардии майора Емельянова почётное

наименование «Батальон Славы». Весь рядовой и сержантский состав батальона был награждён орденами Славы, командиры взводов – орденами Александра Невского, командиры рот – орденами Красного Знамени. Самому же майору Емельянову было присвоено звание Героя Советского Союза.

За все годы Великой Отечественной войны это был единственный случай, когда весь личный состав крупного подразделения, в том числе и павшие воины, был награжден высшей солдатской наградой - орденом Славы.

После прорыва на Пулавском плацдарме у берегов Вислы до Одера шли очень быстро. С 14 по 20 января 1945 года миномётная батарея Георгия в составе 215 полка, действовавшего во втором эшелоне 77 стрелковой дивизии, не испытывая серьёзного сопротивления противника, прошли населённые пункты Замсьць Нове (Zamjsc Nowy), Грабов (Grabow nad Wisla), Зволень (Zwolen), Юзефув (Jozefow), Янов (Janow), Люцин (Lucin), Подмостки (Podmostky), Дружанки (Drozanki), Малечин Стары (Stary Maleczyn), Янишпаль (Janiszpol), Жаковице (Zakowice), Кончице (Konczyce), Францишков (Franciszkow), Воланув (Wolanow), Рогова (Rogowa), Калень (Kalen), Глогув (Glogow), Плец (Plec), Дембины (Debiny), Русинув (Rusinow), Джевица (Drzewica), Посветне (Poswetne), Анелин (Anielin), Иновлудзь (Inowlodz), Спала (Spala), Любохня (Lubochnia), Владиславув (Wladyslawow), Лончковице (Laczkowice), Янков (Jankow), Карпин (Karpin), Анджеюв (Andrzejow), предместье г. Лодзь, г. Лодзь (Lodz), Лютомерск (Lutomiersk), Кватковице (Kwiatkowice), Пшировнице (Przyrownica), Малынь (Malyn).

На дорогах стало попадаться много пленных немцев. Их гнали, как большими колоннами, так и отдельными маленькими группами. Батарея Георгия постоянно меняла позиции. Зачастую, не успев окопаться, приходила команда сниматься и двигаться вперёд, и снова готовить огневую позицию. За день проходили несколько населённых пунктов. Однажды при смене своего местоположения взвод наткнулся на группу отступающих немцев. Завязался бой, в котором взводу под командованием Георгия удалось избежать потерь и взять в плен десять человек противника.

21 января полк вошёл в населённый пункт Попов (Popow), который располагался на восточном берегу реки Варта. На другом берегу реки в населённом пункте Милковице (Milkowice), расположенного на западном берегу, находилась немецкая часть. Гвардейцы сходу форсировали реку под огнём противника, сбили боевое

охранение и начали преследовать немцев, отходящих в направлении населённого пункта Глухов (Gluchow). Взяв этот населённый пункт, полк продолжил движение на запад, проходя через населённые пункты Милейув (Milejow), Пахт (Pacht), Бендзехув (Bedzechow), Станислава (Stanislawa), Прожухы (Prazuchy), Новы Прожухы (Nowe Prazuchy), Стропешин (Stropieszyn), Эльзбетов (Elzbietow), Лычин (Lyczyn), Кионччин (Kiaczyn), Жеркув (Zerkow), Пичкиво (Pieczkiwo), Витово (Witowo), Чарнотки (Czarnotki), Сантамишель (Santamischel), Чмон (Czmon), Хиршдорф, Сроцко (Srocko Wielkie), Бендлево (Bendlewo), Граново (Granowo), Стшельце, г. Грец (Gratz), Конколево (Kakolewo), Боруй (Boruja), Крошниц (Chrsnica), Ротенхорф, Бенчен (в настоящее время Збонишь (Zbaszyn)), Наслеттель (в настоящее время Lutol Mokry), где пришлось принять непродолжительный бой с охранявшими город частями, Рогзен (в настоящее время Rogoziniec), Бретц (Бруйце) (Brojce), Муштен (Myszecin), Ричюц (Rzeczyca), Риннесдорф (в настоящее время Rusinow), Лугау (Lugow), Вилькау (Wilkowo), Местхен (в настоящее время Mostki), Грунов (Gronow), Шпигельберг (в настоящее время Позьжадло (Pozrzadlo)), Корнттен (в настоящее время Корыта (Koryta)), г. Штейнберг (в настоящее время Torzym), где пришлось принять бой за город, Боттшов (в настоящее время Boczow), Хубертусхов (в настоящее время Nowe Mlyn), платформа Хольцоэрладештелле (в настоящее время н. п. Swiecko). Ночью 3 февраля 1945 года 215 гв. стрелковый полк остановился на берегу реки Одер в 500 метрах южнее изгиба железной дороги, что в 2 км юго-восточнее города Франкфурт-на-Одере (Frankfurt (Oder)).

После небольшого отдыха 11 февраля 1945 года полк перебрасывают южнее по берегу реки, он располагается севернее населённого пункта Шветиг (в настоящее врем Swiecko) и подразделения начинают готовиться к форсированию реки Одер. 12 февраля 2-й батальон 215 гв. стрелкового полка форсирует реку и в течение двух дней удерживает оборону на западном берегу реки Одер. 14 февраля в 6 часов 215 полк передал свои позиции 101 стрелковому полку 4-й стрелковой дивизии и, отойдя на восточный берег реки Одер, расположился недалеко от населённого пункта платформа Хольцоэрладештелле (в настоящее время Swiecko), где приводил в порядок свои подразделения и обучал поступившее пополнение.

Части 1-го Белорусского фронта со средины февраля вели очень тяжёлые бои за небольшой, но хорошо укреплённый городок Клессин (Klessin), расположенный на левом берегу реки Одер. Город пыталась взять 4-я Бежицкая армия, но неудачно. После этого боя её сразу отвели на другие позиции. 77 стрелковая дивизия находилась

на левом фланге фронта и было принято решение передислоцировать части дивизии в район этого города для проведения новых активных действий по преодолению обороны противника. 16 февраля 215 полк начал марш по маршруту платформа Хольцоэрладештелле (в настоящее время Swiecko) - Грюнитил (в настоящее время Zielony Bor) - Пульверкруг (в настоящее время населенного пункта нет) - Мачдорф (в настоящее время Maczkow) - Гросс-Раде (в настоящее время Radow). 19 февраля 1945 года полк расположился в лесном массиве, находящемся между населенными пунктами Кляйне-Раде и Гросс-Раде (в настоящее время Radow). Находясь во втором эшелоне обороны дивизии, полк начал подготовку к форсированию реки Одер. Полк пополнял вооружение, обмундирование, готовил технику.

Пришёл приказ расквартироваться на несколько дней. Личному составу необходим был отдых и подготовка к следующему броску. Остановились в богатом поместье за городом Гросс-Раде на правом берегу Одера. Георгий расположился в небольшой, но уютной комнатке на самом верху дома, напоминающего сторожевую башню. За ним ухаживала молоденькая полька, которая работала в услужении в этом поместье. Её звали Барбара. Утром она приносила парное молоко с тёплым хлебом, нарезанные ломтики сыра и горячую воду в большом эмалированном кувшине. Она была вся чистенькая, складненькая и вызывала дикое желание, с которым Георгий никак не мог справиться.

– Пан офицер желает умыться? – спрашивала она с польским акцентом, смешно «пшекая» на каждом слове.

Польская прислуга

Она ставила большой медный таз и доставала чистые, пахнущие травами полотенца. Её молодая грудь шевелилась под белой сорочкой, когда она наклонялась, а чёрные озорные глаза стреляли из-под пушистых ресниц.

Георгий Герке. 1945 г.

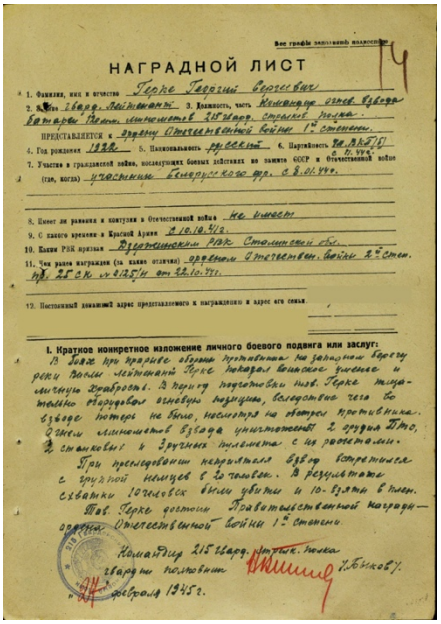
– Ещё что пану угодно? – вопрошала Барбара, нарочито медленно убираясь после умывания.

– Угодно, угодно. Ещё как угодно! – отвечал Георгий, подходя сзади и обнимая её тело, тиская грудь и пытаясь пробраться под широкие пышные юбки.

Офицерский состав предупредили об ответственности за связь с местным населением, проявлением грубости и насилия. Но разве мог сдержаться молодой, полный сил и желания парень, разве можно остановить могучий зов природы? Эти десять дней в маленькой комнатке на верху башни были как рай среди пыли и грязи, страха и ужаса, страданий и смерти войны.

Георгия назначили командиром батареи 120-мм миномётов. Теперь в его подчинении находились два огневых взвода, разведчики, телефонисты и другие солдаты – всего больше 50 человек, которые обслуживали четыре 120 мм миномёта, лошадей и транспортную технику. Хотя это должность была капитанская, но Георгию присвоили только звание старшего лейтенанта.

За бои на западном берегу реки Вислы Георгий получил свою вторую награду - Орден Красной звезды. Хотя полковник Быков, отправляя наградной лист на орден Отечественной войны 1-й степени, писал: *«В боях при прорыве обороны противника на западном берегу реки Висла лейтенант Герке показал боевое умение и личную храбрость. В период подготовки тов. Герке тщательно оборудовал огневую позицию, вследствие чего во взводе потерь не было, несмотря на обстрел противника. Огнём миномётного взвода уничтожены 2 орудия ПТО, 2 станковых и 3 ручных пулемёта с их расчётами.*

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество Герке Георгий Сергеевич
2. Звание ст.лейтенант 3. Должность, часть Командир огнев.взвода батареи 120мм.минометов 215 гвард. стрелк. полка.

ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ к ордену Отечественной войны 1 степени

4. Год рождения 1922 5. Национальность русский 6. Партийность чл.ВКП(б)
7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и Отечественной войне (где, когда) участник Белорусского фр. с 8.07.44г.
8. Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне не имеет
9. С какого времени в Красной Армии с 10.10.41г.
10. Каким РВК призван Куйбышевским РВК Столинской обл.
11. Чем ранее награждался (за какие отличия) орденом Отечествен. войны 2 степ. пр. 25 ск №4/25/н от 22.10.44г.
12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи

I. Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

В боях по прорыву обороны противника на западном берегу реки Висла лейтенант Герке показал боевое умение и личную храбрость. В период подготовки тов. Герке тщательно оборудовал огневую позицию, вследствие чего во взводе потерь не было, несмотря на обстрел противника. Огнем минометов взвода уничтожены 2 орудия ПТО, 2 станковых и 3 ручных пулемета с их расчетами.

При преследовании неприятеля взвод встретился с группой немцев в 20 человек. В результате схватки 10 человек были убиты и 10 взяты в плен.

Тов. Герке достоин Правительственной награды – ордена Отечественной войны 1 степени.

Командир 215 гвард. стрелк. полка гвардии полковник (Быков)

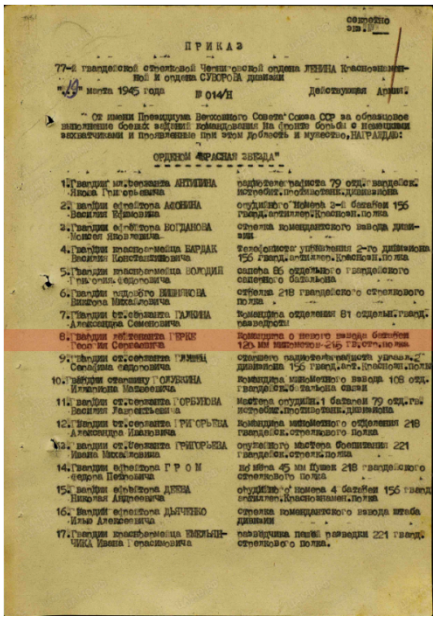
"24" февраля 1945 г.

Наградной лист

При преследовании неприятеля взвод встретился с группой немцев в 20 человек. В результате схватки 10 человек были убиты и 10 – взяты в плен.

Тов. Герке достоин Правительственной награды ордена Отечественной войны 1-й степени».

Но в штабе дивизии посчитали иначе и подписали приказ на орден Красной Звезды. Орден Отечественной войны 1-й степени Георгий (уже Георгий Сергеевич) получил в 1985 году к сорокалетию победы.

ПРИКАЗ

77-й гвардейской стрелковой Черниговской ордена ЛЕНИНА Краснознаменной и ордена СУВОРОВА дивизии

19 марта 1945 года № 014/Н Действующая армия

" От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество, НАГРАДИТЬ:

ОРДЕНОМ "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА"

1. Гвардии лейтенанта АНТИПИНА Якова Григорьевича — заместителя начальника 79 отд. гвардейск. полевого подвижного госпиталя
2. Гвардии ефрейтора АСОКИНА Василия Ефимовича — орудийного номера 3-й батареи 156 гвард. артиллер. Краснознам. полка
3. Гвардии ефрейтора БОГДАНОВА Ивана Ивановича — ординарца командного взвода дивизиона
4. Гвардии красноармейца БАРДАК Василия Константиновича — телефониста управления 2-го дивизиона 156 гвард. артиллер. Краснозн. полка
5. Гвардии красноармейца ВОЛОДИН Григория Егоровича — санинструктора 85 отдельного гвардейского саперного батальона
6. Гвардии старшего лейтенанта ВЕЛИЧКО Виктора Михайловича — начальника 218 гвардейского стрелкового полка
7. Гвардии ст. сержанта ГАЛКИНА Александра Семеновича — командира отделения 81 отдельн. гвард. разведроты
8. Гвардии ефрейтора ГРЕК Тов-ни Семеновича — [illegible] о пехоте взвода батальона 12б мм миномет-ов 76 гв. стр. полка
9. Гвардии ст. сержанта ГУЖВЫ Семёна Федоровича — старшего радиотелеграфиста управления дивизиона 156 гвард. арт. Краснозн. полка
10. Гвардии сержанту ГУЛЕНКОВУ Ивану Ивановичу — командира минометного взвода 108 отд. гвардейск. батальона связи
11. Гвардии ст. сержанта ГОРБУНОВА Василия Ивановича — наводчика орудия 1 батареи 79 отд. гвардейск. госпиталя подвижного дивизиона
12. Гвардии ст. сержанта ГРИГОРЬЕВА Александра Ивановича — командира минометного отделения 218 гвардейск. стрелкового полка
13. Гвардии ст. сержанта ГРИГОРЬЕВА Ивана Николаевича — отделенного мастера боеприпасов 221 гвардейск. стрелкового полка
14. Гвардии ефрейтора Г Р О М Сергея Евдокимовича — наводчика 45 мм пушки 218 гвардейского стрелкового полка
15. Гвардии ефрейтора ДЕНИСА Николая Дмитриевича — орудийного номера 4 батареи 156 гвард. артиллер. Краснознамен. полка
16. Гвардии ефрейтора ДЬЯЧЕНКО Ильи Алексеевича — ординарца командного взвода штаба дивизии
17. Гвардии красноармейца ЕВЛЬЯНЧИКА Ивана Семёновича — санитарки пешей разведки 221 гвард. стрелкового полка.

Приказ по 77 дивизии

Орден Красной Звезды

Орден Отечественной войны 1-й степени

6 марта 1945 года полк начал движение к реке Одер, проходя населённые пункты Голиц (Golice) – фл. Виден (в настнастоящее время (Plawidlo) – Лоозе и сходу форсировал реку Одер и сосредоточился на западном берегу в районе Дамбы Утриг.

В 6 часов утра 8 марта 6-я стрелковая рота второго батальона заняла позицию для наступления в районе 300 метров юго-восточней окраины города Клессин. Начались тяжёлые бои за этот хорошо укреплённый город.

Командир 215 полка писал в боевом донесении: *«В течение 12, 13 и 14 марта 1945 года полк вёл напряжённые бои за овладение сильно укреплённого опорного пункта Клессин. Но в силу больших укреплений (усиленные кирпичом и накатами подвалы, большое количество амбразур в стенах домов) и мощного воздействия артиллерийско-минометного и пулемётного огня и огня «фауст-патрон» полк продвинуться в Клессин не смог».*

До 24 марта проходили постоянные попытки овладеть городом, но они натыкались на ожесточённое сопротивление немцев, нередко переходящих в контратаки. И тогда было решено провести ночную атаку после продолжительной артиллерийской подготовки. Причём обстрел вели мощные 203-мм орудия, направленные на разрушение подвалов, амбразур, стен домов и других укреплений. После такого

артиллерийского обстрела траншеи и ходы сообщения, соединяющиеся с подвалами домов, обвалились и засыпались землёй и кирпичом, некоторые подвалы были обвалены вместе с находившимися в них людьми. После тяжёлой артиллерии начали работать миномёты, не давая противнику организовать оборону и не дожидаясь окончания огня, в бой пошла пехота. Гвардейцы шли в атаку под яркими лучами прожекторов, которые ослепляли противника, но и своих делали заметными. Был приказ назад не оборачиваться. Этот бой был настоящий ад. Грохот стоял со всех сторон, пыль, гарь и дым столбами поднималась в воздух. Батарея Георгия работала без перерывов. Казалось, стволы миномётов раскалятся от стрельбы.

Город взяли, но ещё несколько дней, пока шли зачистки улиц, домов, подвалов, полк стоял под городом, обороняя дорогу, идущую на запад. В конце марта пришёл приказ передислоцироваться в район населённого пункта Линденхоф (Lindenhof) и готовиться для наступления в направлении деревни Мальнов (Mallnow). Георгий отдал приказ по батарее погрузить орудия и двигаться вслед за пехотой. Когда проходили мимо разрушенных и ещё дымящихся окраин города, на встречу им из леса вышла австрийская рота с белым обтрёпанным флагом и сдалась в плен.

Через 55 лет, такой же ранней весной автор этих строк (Герке Виктор Георгиевич), проезжая на машине вдоль реки Одер к деревне Мальнов (Mallnow), где расположены компрессорная и газоизмерительная станции газопровода «Ямал - Европа», попросил коллег из компании Wintershall AG остановиться. Выйдя из машины, я долго стоял и смотрел в сторону скрывавшегося в дымке за деревьями берега реки и вспоминал отца.

– Что случилось? – подошла ко мне переводчица.

– Всё нормально. Сейчас поедем. В этом месте в 1945 году воевал мой отец – сказал я, направляясь в сторону автомобиля.

Переводчица что-то сказала на немецком и в салоне стихли разговоры. Так мы и ехали в тишине и каждый думал о своём.

До 13 апреля 215 полк, расположившись во втором эшелоне обороны дивизии под деревней Линденхоф, готовился к дальнейшему наступлению. Где-то впереди по ночам немцы вели оружейно-пулемётный огонь, освещая передний край нашей обороны ракетами, в вышине слышался гул юнкерсов (самолёт Ю-88). С утра начался методический артиллерийско-миномётный огонь, достигавший и вторую линию обороны, а в средине дня в небе появились вражеские Фокке-Вульф (самолёты ФВ-190), обстрелявшие наши позиции.

Впереди были Селецкие высоты. Наши войска продвигались с очень тяжёлыми боями всего по 2–3 км в день. Никак не удавалось прорвать оборону отчаянно защищавшихся немцев. 14 апреля полк, продолжая оставаться во втором эшелоне, выдвинулся в направлении деревни Мальнов (Mallnow) и только 17 апреля расположился на восточной окраине этого населённого пункта, продвинувшись всего на 2,5 километра. Утром 19 апреля стрелковые роты полка выбили противника из населённого пункта Карциг (Carzig) и продолжая наступление в 12-40 вошли в населённый пункт Альт-Малиш (Alt Mahlisch), не испытывая здесь сильного сопротивления немцев. 20 апреля в 15-00 атаковали противника восточнее населённого пункта фл. Мариенхоф, на восточном берегу озера Милен (Muhlensee), через сутки, продолжая наступление, оставили за спиной населённый пункт Хазенфельде (Hasenfelde), а ещё через сутки, пройдя за пять дней всего 30 километров, расположились юго-восточнее города Штайнхёфель (Steinhofel). Георгий, двигаясь со своей батареей в непосредственной близости за пехотными стрелковыми ротами, не успевал как следует оборудовать огневые позиции, как приходил приказ продолжать движение вперёд.

22 апреля 1945 года сильный рывок вперёд совершил 1-й Украинский фронт и вышел к реке Эльбе. За ним активно начал продвигаться и 2-й Белорусский фронт, завершая практическое окружение Берлина. Полк, в котором служил Георгий, не участвовал в наступлении на Берлин, прикрывая на фланге с юга-запада возможный прорыв 12-й армии под командованием генерала Венке.

Продолжая наступательное движение 23 апреля полк достиг города Демнитц (Demnitz) и ненадолго расположился недалеко от города в лесном массиве. 24 апреля полк вошёл в населённый пункт Глининг (Gliening) и не останавливаясь в 11-30 достиг реки Шпрее в районе озера Дем (Dehmsee) и населённого пункта Бунтер Шутц (Bunter Schutz), где начал изучать возможность переправы через реку. В этот же день полк форсировал реку Шпрее в районе озера Дем (Dehmsee) и закрепился на небольшом плацдарме на западном берегу реки.

Получив приказ продолжать движение вперёд 215-й полк утром 25 апреля прошёл населенный пункт Беркенбрюк (Berkenbruck), следуя по маршруту озеро Дем (Dehmsee) - Беркенбрюк (Berkenbruck) - Фюрстенвальде (Furstenwalde) - Раузище (в настоящее время Фюрстенвальде Зюдвест (Furstenwalde Sudwest) - Цигелей (в настоящее время населённый пункт отсутствует). 25 апреля в 14-00 части полка вошли в населённый пункт Цигелей, где расположились на сутки.

В соответствии с полученным боевым распоряжением командира дивизии утром 26 апреля 215 полк, находясь уже в авангарде

дивизии, выдвинулся из населённого пункта Цигелей на юг в направлении города Вендиш-Риц, пройдя города Райхенвальде (Reichenwalde), Дамсдорф (Dahmsdorf) и к вечеру вошёл в город Вендиш-Риц (Wendisch Rietz).

Немцы отдельными группами 5-го крепостного полка 433 крепостной дивизии прикрывали отход главных сил пехоты в юго-западном направлении, оказывая активное сопротивление прицельным снайперским и сильным пулемётно-автоматным огнём. Действие таких отрядов-заслонов поддерживалось из глубины артиллерийскими и миномётными батареями. Авиация противника в ночное время бомбила пути подхода к фронту. Бойцам полка приходилось постоянно вступать в бой с такими группами немцев на лесных дорогах, в небольших населённых пунктах, на переправах через реки и ручьи.

Как-то раз, передвигаясь на новые позиции, совершенно случайно взяли в плен около 500 немцев. Они спустились с заросшего высоким кустарником склона горы с белыми флагами и без оружия выйдя прямо на дорогу. Георгий выделил несколько своих человек из охраны батареи и отдал приказ конвоировать их в тыл. Георгий шёл гордый впереди колоны, ожидая если не поощрения, то хотя бы благодарности. Командир же полка, когда увидел, что 10 человек ведут 500 немцев, набросился на Георгия:

– Зачем ты их притащил? Их же охранять надо! Куда мне их девать? Нам выступать скоро.

У артиллеристов автоматов было мало даже в 1945 году. В основном карабины. Вопросы охраны вставали вполне серьёзно. Хотя часто можно было наблюдать, как немцы колоннами по несколько сотен человек с белыми флагами сами двигались в тыл по указанным им направлениям.

Немцы к концу дня 26 апреля отходя в юго-западном направлении на западный берег ручья между озерами Grosser Storkower See и Scharmutzelsee, взорвали все мосты через водные преграды, продолжая оказывать упорное сопротивление. Утром 27 апреля полк снова начал наступление и к четырём часам дня, сломав сопротивление противника, закрепился между населёнными пунктами Воховзе (Wochowsee) и Хубертусхёэ (Hubertushohe). Местность между озёрами, соединёнными между собой каналами, лесная и заболоченная затрудняла продвижение людей и техники. Тем не менее всю ночь, несмотря на артиллерийские обстрелы и воздушную бомбёжку, инженерные части подтягивали переправочные средства и возводили мосты. Слышались несколько взрывов большой мощности. Взрывались склады с боеприпасами и переправы.

С 7 часов утра батальоны полка вступили в бой за город Буг (Bugk). Несколько частей полка, зайдя в тыл противника и пройдя незаметными в лесных массивах, захватили мост через большой ручей, отрезав тем самым немцам единственный путь отхода. Продолжая наступление, решительной атакой бойцы переправились на южный берег ручья и начали атаку на опорные пункты города Буг, одновременно отбивая атаки отходящих на север отрядов, оказавшихся в полном окружении. Командир 77 дивизии, отмечая умелые и решительные боевые действия 215 гвардейского стрелкового полка, в своём приказе объявил благодарность всему личному составу полка.

После успешного боя за г. Буг полк, продвигаясь дальше на юго-запад, 28 апреля ненадолго сосредоточился в районе населённого пункта Куртмюле (в настоящее время населённый пункт отсутствует), приведя в порядок боевые части и подтянув технику, выдвинулся на запад в направлении города Мюнхехофе (Munchehofe). Сломив сопротивление противника на подступах к городу, в 29 февраля в 7 утра части полка овладели им и продолжили наступление на запад, прочесывая лесной массив на восточном берегу реки Даме в районе Даме Умфлут Канал (плотина). Громя и уничтожая мелкие группы сопротивления немцев, 30 апреля в 18-00 достигли северной окраины города Вендиш-Бухгольц (в настоящее время Меркиш-Бухкольц (Markisch-Bucholz)). После освобождения города было организованно прочесывание леса и на западном берегу реки.

Уже с середины дня 29 апреля немцы практически прекратили организованное сопротивление крупными группами и также организованно начали сдаваться в плен во главе со своими офицерами. Только за ночь и первую половину дня 30 апреля 1945 года полком захвачено в плен 1140 солдат и офицеров противника.

Не останавливаясь в городе Вендиш-Бухгольц, согласно полученному приказу, полк начал марш по маршруту Цоссен (Zosen) - Шюнов (Schunow) - Нунсдорф (Nunsdorf) - Вендиш Вильмерсдорф (в настоящее время Меркиш Вильмерсдорф (Märkisch Wilmersdorf)) - Тиров (Thyrow) - Треббин (Trebbin) - Лёвендорф (Lowendorf) - Шёнхаген (Schonhagen) - Штангенхаген (Stangenhagen) - Цаухвиц (Zauchwitz) - Рибен (Rieben). Не испытывая особых сопротивлений при совершении марша, полк 2 мая 1945 года вошёл в населённый пункт Рибен. По данным разведки в 10 километрах на рубеже Белиц (Beelitz) – Бухгольц (Buchholz) находились неустановленные части немцев, которые могли располагаться и восточнее этого рубежа. Всем частям было приказано при движении соблюдать повышенную осторожность, несмотря на то что 215 полк двигался за авангардом 221 полка. Когда подошли к этому рубежу, войдя 3 мая в населённый пункт Эльсхольц (Elsholz), сопротивление практически не обнаружили, только мелкие

группы отходящих на запад немцев иногда тревожили передовые охранения полка. Захватывали большое количество брошенной немецкой техники: автомашины, тягачи, бронетранспортёры, а также вооружения винтовки и автоматы, снаряды и мины. Технику быстро приспосабливали под свои нужды, впрочем, командир дивизии строго настрого запретил младшему офицерскому составу разъезжать на трофейных BMW, Mercedes, Horch, Opel. Хотя тягачи и грузовые машины в полку оставляли.

Батарея Георгия вместе с остальными частями полка двигалась на запад, оставляя за собой населённые пункты Зальцбрунн (Salzbrunn), Вендиш Борг (в настоящее время Альт-Борг (Alt Bork)), Нойендорф (Neueydorf), Брюк (Bruck), Требиц (Trebtz), Байц (Baitz) и в 22-00 вошла в городок Шванебек (Schwanebeck).

Переночевав в этом городке, с раннего утра полк продолжил движение на запад. И снова замелькали деревеньки, хутора, маленькие городки. В первой половине дня 5 мая полк прошёл через населённые пункты Розиян (Rosian), Истербис (Isterbies), Валь (Wahl), Лайцкау (Leizkau), Крессов (Kressow), Даннигов (Dannigkow) и в два часа дня части 215 полка вошли в городок Гоммерн (Gommern). С утра 6 мая приступили к оборудованию лагерей. Оружие и матчасть приводили в порядок. Производилась подгонка обмундирования и санитарная обработка личного состава. Проводили прочёсывание лесов и населённых пунктов в районе дислокации полка. Собирались и отправлялись на сборный пункт немецкие солдаты, русские военнопленные и призывных возрастов граждане СССР. Вооруженная активность немецких войск полностью отсутствовала.

Город Гоммерн находился в пяти километрах от реки Эльба, по которой проходила граница с американскими восками, а в пятнадцати километрах за рекой располагался большой немецкий город Магдебург (Magdeburg).

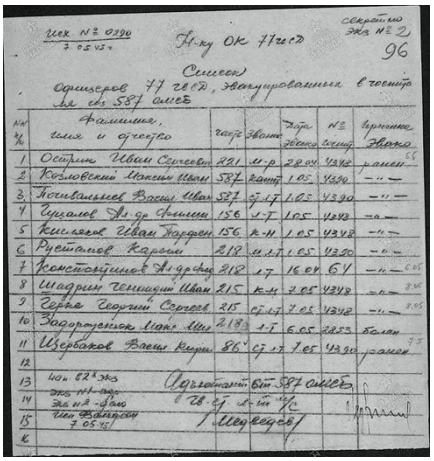
Командир полка дал Георгию команду передислоцировать батарею и всю вспомогательную технику на опушке леса Валитцер-Вальд (Wahlitzer Wald) поближе к хорошей асфальтированной дороге. Ехать до леса нужно было всего пару-тройку километров. Чтобы не вести всю колонну по узким улочкам города, поехали в обход просёлочными дорогами, которые не были обустроены, и гружёные машины иногда буксовали. Немцев давно не было ни видно, ни слышно, поэтому большого охранения для колонны не выделили, только взвод солдат.

Машины, с большим трудом достигнув дороги с хорошим покрытием, понемногу выезжали с грунтовки, становясь в колонну.

– Быстрей, быстрей выезжай! Семёнов, быстро помоги последним, мы трогаемся – командовал Георгий, стоя у головной машины.

Он взглянул на часы, достал планшетку и стал проверять место нахождения. Было ровно 10 часов 7 мая 1945 года. В это время по машине выстрелили из фаустпатрона. В леске у дороги притаились «власовцы».

Вспышка в глазах, это последнее, что Георгий отчётливо помнил. Потом всё было, как в тумане. Врач, которая ехала в машине с ними, перевязывает ему голову, слышится стрельба и крики. Старшина что-то командует. Георгия куда-то несут, укладывают в кузов, рядом медсестра всё придерживает его голову. Машина тронулась. Ужасно болит голова при каждом толчке. Хочется стонать и плакать.

Чек № 0390 7.05.45 г. Нач. ОК 77 гсд. Секретно. Экз. № 2. 96

Список офицеров 77 гсд, эвакуированных в госпиталь № сан. 587 ошб

№ п/п	Фамилия, имя и отчество	Год рожд.	Звание	Дата эвак.	№ гоф.	Причина эвак.
1	Остин Иван Сергеев	921	м.р	28.04	4346	ранен
2	Кобловский Алексей Иван	587	капт	1.05	4390	— " —
3	Тонкальцев Васил Иван	587	ст.л-т	1.05	4390	— " —
4	Сусалов Андрей Ефимов	156	л-т	1.05	4343	— " —
5	Кисляков Иван Кирдин	156	к-н	1.05	4348	— " —
6	Рустамов Карим	218	м.л-т	1.05	4350	— " —
7	Константинов Андрей	218	л-т	16.04	64	— " — 6.05
8	Шадрин Геннадий Иван	215	к-н	7.05	4348	— " — 8.05
9	Герра Георгий Сергеев	215	ст.л-т	7.05	4348	— " — 9.05
10	Задорченок Макс. Ив.	218	л-т	6.05	2855	болен
11	Щербаков Васил Кузьм.	86	ст.л-т	1.05	4390	ранен 7.5
12						
13	40-н 62 ЗКа	Подлежат в/г 587 ошб				
14	ЗКа 40-н					
15	нач. Вагдан 7.05.45	Шефердов				
16						

Список офицеров 77 дивизии, Эвакуированных в госпиталь

Дальше обычный путь для раненых: медсанбат полка и госпиталь. 7 мая 1945 года Георгия направили в госпиталь 77 дивизии, который находился в городе Пётен (Pothen), в отделение для «черепников» (раненых в голову). Зашивать рану в 567 санитарном батальоне он не дал. Не было обезболивающих. Обычно давали стакан спирта и делали операцию. Георгий видел, как зашивали капитана Шадрина, его однополчанина, как он мучился. Сначала он с пистолетом в руках, матеря всех и вся, не подпускал докторов, не давая зашивать рану. Потом его всё же уговорили, влили спирта и зашили рану. Капитан скрипел зубами и выл от боли. Георгию делали операцию уже в госпитале. Ему обрили голову и поставили так называемую «косынку». Осколок пролетел по касательной, не задев серьёзно кость головы, он прободроздил сантиметров двадцать по коже, оставив глубокую рану.

На следующий день в госпиталь пришёл его ординарец и принёс весть: наши соединились с американцами по всему фронту.

9 мая пришло сообщение о полной капитуляции Германии. Войне конец! Победу отмечали всем госпиталем, как полагается по-русски, широко и долго. Пили и раненые и доктора. Сестричек и нянечек целовали в губы. У кого осталось оружие, выходили во двор и стреляли в воздух. В госпитале пришло сообщение о награждении Георгия медалью «За победу над Германией». Рана заживала быстро на молодом здоровом организме, но почти месяц его не выписывали. Война закончилась и можно было не отправлять так быстро выздоровевших в действующие части.

26 мая по госпиталю прошёл слух - дивизия готовится уходить на родину. Георгий пошёл к заведующей Зинаиде Альбертовне Швацкой и пытался договориться, чтобы его отпустили. Однако она наотрез отказала, мотивируя тем, что он ещё недостаточно здоров, а сейчас не 42-й год. Тогда он решил убежать из госпиталя. Когда очередной раз пришёл ординарец, они переоделись, и Георгий отправился в полк. Явился к командиру полка и рассказал всё на чистоту. Командир сказал, что без справки сейчас в мирное время он не может его взять. Нужна справка. Георгий бросился обратно в госпиталь, который находился всего в трёх километрах от штаба полка, располагавшегося в городе Гоммерн. Чуть ли не на колени встал перед Зинаидой Альбертовной, всё-таки вымолил справку и отправился обратно в полк.

Когда он приехал на свою батарею, там уже командовал какой-то капитан. Георгий со свойственной ему эксцентричной несдержанностью прогнал этого тыловика. Получился небольшой скандал, но свои ребята, фронтовики поддержали, командир полка подписал приказ, и Георгий опять принял под командование свою батарею.

Почти месяц полк простоял в городе Гоммерн, продолжая контролировать восточный берег реки Эльбы между населёнными пунктами Грюневальде (Grunewalde) и Фриденсвайлер (Friedensweiler), расположенный напротив Магдебурга, где находились американцы. 9 июня 1945 года в полк пришёл приказ о награждении Георгия медалью «За взятие Берлина».

Всё упорней ходили слухи об отправке дивизии на родину. 20 июня 1945 года пришёл приказ о передислоцировании всей дивизии восточнее на 160 км от города Гоммерн. Где-то там было определено место подготовки дивизии к отправке. Грузили боевую технику, готовили машины, собирали нехитрый личный скарб. По мирным хорошим немецким дорогам на трофейных тягачах и машинах марш-бросок на такое расстояние не занял много времени. Уже 24 июня 215 полк разместился в населённом пункте Зайда (Seyda). В пяти километрах в городе Цана (Zahna), расположился штаб 77 дивизии. Вокруг этого города размещались другие части дивизии. Миномёты приказано было оставить в походном положении и Георгию совсем не доставало проблем с командованием батареей: организовать посты, смену караула да вовремя обеспечить рядовой состав питанием и баней. Дни стояли тёплые, и солдаты жили в палатках, установленных прямо рядом с орудиями. Время тянулось чередой незначительных событий. Утреннее построение, политзанятия, доклад командиру полка, учения, обед, свободное время, которое занималось игрой в карты, домино, написанием писем, вечерняя поверка и отбой. И так

каждый день. С утра 22 июля также было тепло и сухо, но к обеду с запада небо начало затягивать тёмными тучами, которые становились всё чернее и чернее. Поднялся ветер, сначала небольшой, потом всё сильнее становились его порывы. В 17 часов начался настоящий ураган. Ветер был такой силы, что валил деревья и столбы линий электропередачи, срывал крыши домов, переворачивал автомобили. Палатку, в которой находился рядовой состав батареи, подняло в воздух.

Этот ураган пронёсся по территории восточной Германии, Австрии, Чехословакии, Польши, западным областям Украины и Белоруссии.

В это время под Берлином проходила Потсдамская конференция стран-победителей во второй мировой войне. Советские связисты выполнили огромный объём работ, чтобы качественно и в срок обеспечить связь с Москвой во время всей конференции. Ураган причинил серьезные повреждения линиям, задействованным для организации ВЧ-связи на период конференции: на различных участках было сломано огромное количество столбов и деревьев, которые упали на провода, разрушено более тысячи пролетов проводов и нарушена их регулировка; обломками строений, деревьев и т. п. были поражены сотни км линий; в районе г. Ченстохова было полностью разрушено 5 км линии, в районе Варшавы - 8 км. Несмотря на колоссальные разрушения героическими усилиями наших связистов все каналы связи с Москвой были восстановлены уже через шесть часов, минимальное же время отсутствия связи составило полтора часа. К утру 24 июля на линиях уже не оставалось ни одной "времянки" (временных вставок проводов и участков линий), и ВЧ-связь с Берлином, как и внутренняя абонентская связь на объектах конференции до самого её завершения работала безотказно.

О последствиях урагана уже на следующий день рассказывал на политинформации политрук полка. А 6 августа он же доложил об атомной бомбардировке японской Хиросимы.

Шло время. Вот уже пролетел июль, август и наступил сентябрь. После урагана снова установилась хорошая погода. Осенью и не пахло. По-прежнему было тепло и сухо.

17 сентября 1945 года в немецком городе Ванфриде американскими и советскими оккупационными властями был заключён международный договор об изменении демаркационной линии зон оккупации Германии.

Необходимость обмена территориями между оккупационными зонами была вызвана тем, что 4-километровый участок использовавшейся американцами железной дороги Бебра - Гёттинген между Бад-

Зоден-Аллендорф и Айхенбергом проходил по территории советской зоны. После подписания договора стороны совершили символический обмен бутылками виски и водки, в связи с чем линия железной дороги получила шуточное прозвище "Виски-водочная".

Согласно Ванфридскому соглашению к Тюрингии, входившей в советскую зону оккупации Германии, отошли гессенские деревни Зиккенберг, Асбах, Фаттероде, Вайденбах и Хеннигроде. Земля Гессен в американской зоне оккупации получила взамен деревни Нойзезен и Верлесхаузен. Договор вступал в силу немедленно после подписания, войска должны покинуть территории в течение двух суток.

Утром 18 сентября командир 215 гвардейского стрелкового полка получил команду выдвинуться к новому месту дислокации и в течение двух суток занять позицию по новой демаркационной линии между американскими и советскими зонами оккупации Германии вдоль восточного берега реки Верра (граница земель Тюринген и Гессен) между населёнными пунктами Линдеверра (Lindewerra) и Дёрингсдорф (Doringsdorf), которую раньше занимали американцы.

Сборы были недолгими и через два часа полк выдвинулся на юго-запад. Передвигаться по дорогам Германии было намного легче, чем в Белоруссии или даже в Польше. Дороги все ухоженные, чистые обочины, ни грязи, ни пыли, несмотря на военное время. Да и на себе миномёты уже не таскали. Трофейной техники хватало.

Уже начинало темнеть, когда колонна военных машин спускаясь в долину, вошла в небольшой немецкий город Дингельштедт (Dingelstadt).

Георгий ехал в кабине трофейного грузовика, за которым продвигались тягачи, тащившие четыре 120-мм миномёта. Их кузова были заняты полным комплектом мин. Личный состав батареи размещался в грузовых машинах, замыкавших колонну. В городе – ни души. Тёмные окнах домов, закрытые ставни и ворота.

Солдат с белым и красным флажками в руках, направил батарею в сторону большого двухэтажного дома с колонами, расположенного на центральной площади города, где находился штаб 215 гвардейского стрелкового полка.

В доме горел свет, по коридорам бегали штабные, таская ящики с бумагами, связисты разматывали провода, куда-то перетаскивали большой стол, покрытый зелёным сукном.

– Стой здесь, жди, тебя вызовут – сообщил Георгию ординарец командира полка.

Георгий расположился поближе к окну и закурил.

– Хоть накуримся вдоволь – сказал белобрысый капитан, пристраиваясь рядом – говорят, что в городе продолжает работать сигаретная фабрика, так что этого добра хватит.

Не успели они выкурить по сигарете, как Георгия вызвали к командиру полка. Полковник Быков стоял, опершись двумя руками о стол, на котором лежала большая карта.

– Подойди сюда, лейтенант – сказал он – Смотри. В этом городке Эрхаузен (Erhausen) расположится наш первый батальон. Здесь – он ткнул пальцем в карту – в городке Вюсойтероде (Wustheuterode), господи язык сломаешь, будет находиться второй батальон. Один свой взвод с двумя миномётами направишь в распоряжение второго батальона. Сам занимай со своим первым взводом два дома на окраине Эрхаузена. Командиру комендантского взвода скажешь, что я дал команду. И смотри, что бы порядок был в обоих местах. Не забудь про маскировку. Возьми машину в гараже и что бы везде успевал, как Фигаро. Выполнять!

Не успел Георгий приложить руку к фуражке, а Быков уже отдавал рапоряжение ожидавшему майору.

Георгий вышел на площадь, где его ожидала батарея, и всё думал: «Фигаро, что ещё за Фигаро такой?». Пока он отдавал распорояжения своим, к ним лихо подкатил «Виллис», из котрого выпрыгнул молоденький солдат.

– Принимай аппарат, командир. Батя распрядился.

Ординарец Георгия, не дожидаясь команды, тут же открыл капот и скрылся головой в недрах мотора.

В большом доме на окраине городка Эрхаузен, больше похожем на усадьбу, жила ещё не старая немка с двумя дочерьми, 15 и 16 лет. Они спрятались и долго не выходили, несмотря на громкие призывы Георгия. Солдаты сами открыли ворота и начали во дворе разворачивать орудия, распрягать лошадей, расставлять машины. Наконец показалась хозяйка, испуганная, закутанная в какой-то серый платок. Оказывается, американцы, которые стояли здесь до русских, не утруждали себя в обращении с немцами. Они просто издевались над ними. Немцы боялись их, особенно негров. Им они казались страшными и безжалостными.

Полк начинал основательно обустраиваться. Необходимо было оборудовать заставы и сторожевые посты, устанавливать проволочное заграждение вдоль берега реки Верра и шлагбаумы на дорогах, строить наблюдательные вышки и организовывать наблюдательные пункты, запасные командные пункты батальонов и полка. К тому же для проведения занятий с личным составом приказано было

организовать стрельбище и учебное поле со штурмовой полосой. По всему было видно, что задержаться здесь придётся основательно и надолго.

Хозяйке дома, где остановился Георгий, тоже пришлось приспосабливаться. Когда она увидела, что русские совсем не собираются их грабить и насиловать, начали из дома выходить и сёстры. Они сначала держались все вместе и с подозрением смотрели, как солдаты смазывали миномёты, чистили оружие, чинили машины и ухаживали за лошадьми. Потом, когда девушки понемногу привыкли к русским, они всё щупали их головы в поисках рогов. Фашистская пропаганда создала образ врагов, который надолго засел в их юных головах. Когда солдаты возили сено для лошадей, они бежали рядом с повозкой и кричали «цап-царап», так они выражали своё недовольство воровством, которое, по их мнению, совершали солдаты.

Полк остался на занятых позициях на целый месяц. Георгий мотался на «Виллисе» от одного городка к другому, контролируя как оборудованы позиции миномётов, хорошо ли проведена маскировка, где размещены бойцы батареи. Не раз приходилось бывать и в штабе полка с докладами или получая очередные распоряжения.

Вечером приезжал к себе в Эрхаузен и с удовольствием проводил несколько дней в тишине и покое. Хозяйка выделила Георгию, как командиру, отдельную маленькую комнату и опять под самой крышей. На этот раз ему прислуживала старшая сестра Эльза, подавая утром горячую воду и чай на завтрак. Эльза была худенькая, страшненькая, совсем ещё подросток, и Георгию вспомнилась Барбара. Захотелось домой. Увидеть мать, сестру, отчима. Он давно не получал от них никаких известий.

С союзниками приказано было дружить и устраивать встречи победителей. Командование отобрало тридцать офицеров для сопровождения русской делегации, которая должна была вручать ордена американскому генералу и офицерам. Георгий попал в эту группу. Командир полка лично инструктировал всех офицеров и приказал выглядеть как медный пятак на празднике. Никто не понимал, почему пряник медный и как он должен выглядеть на празднике, но все целый день приводили себя в порядок. Чистили, гладили, зашивали.

С утра всех построили на площади у штаба, командир ещё раз обошёл строй, придирчиво приглядываясь к начищенным сапогам и подшитым воротничкам, на прощание сказал: «Ну мать вашу, смотрите у меня!» и дал команду грузиться. Ехали на трофейном автобусе, хорошо сохранившемся, говорили, что на нём раньше возили школьников. Автобус был ярко синий с нарисованными красными звёздами

по бокам. Когда въехали на американскую территорию, перед автобусом выехал джип со знаками американской армии. Ехали медленно, особенно по населённым пунктам. В одном маленьком городке увидели группу молодых немок, которые шли строем (наши думали, что это студентки). Их окружили американские солдаты. Они что-то громко кричали, смеялись, показывая непристойные жесты. Девушки сбились в кучку, испуганно озираясь, прикрываясь руками и папками с бумагами. Старшая, возможно преподаватель, пыталась что-то объяснить, показывая рукой в направлении, откуда они пришли и доставая какие-то бумаги. Один из солдат толкнул её рукой и немка, отлетев в сторону, упала, неуклюже вывернув ногу. Солдаты окружили девушек со всех сторон и начали с них срывать одежду. Они раздели их почти до гола и фотографировались на их фоне. Автобус, следуя за джипом, как специально медленно проехал по площади. Наши офицеры вскочили с мест, хотели вмешаться, но последовала громкая команда:

– Назад! Это провокация. Все по местам!

Впечатление от поездки было испорчено. Стало как-то гадостно на душе от увиденного. Опять вспомнилась мать и сестра.

Жизнь в восточной Германии после только что закончившейся войны была как награда за последние годы. Полк перебрасывали из одного места в другое. За четыре месяца: Гомменрн (Gommern), Зайда (Seyda), Дингельштедт (Dingelstadt).

В сентябре на юге Тюрингии было удивительно тепло и сухо. Занимаемые позиции располагались возле небольших городков и деревень с красными кирпичными крышами и обязательными «кирхами» на центральных площадях. Вокруг зелёными волнами накатывались густые хвойные и лиственные леса с преобладанием бука, клёна и платана. Горные леса пересекают покрытые лугами долины и луга.

Однополчане Георгия Герке с девушками в городе Хайлингенштадт

Командиры не очень напрягали выполнением обязанностей. Была всеобщая расслабленность и эйфория. Младшие офицеры были предоставлены, по сути, сами себе. Боевая подготовка и ученье, больше похожие на отдых на природе. Вечером опять отдыхали, с девушками и спиртным. Чтобы не терять боевой дух, командование

полка устроило на местном стадионе соревнование между ротами и батальонами.

Однополчане. Сентябрь 1945 г.

Два друга Георгия Герке

Охраняя демаркационную зону, была возможность посещать рядом расположенные небольшие городки Хайлингенштадт (Heiligenstadt), Мюльхаузен (Muhlhausen). В городах были фотографические мастерские, и офицеры повадились их посещать. Фотографии отправлялись домой матерям, жёнам, девушкам, дарились друзьям и командирам. Георгий свои фото не отправлял никому. Он не знал, где находятся мать и сестра.

Офицеры 215 гвардейского стрелкового полка (Г. Герке в верхнем ряду справа). Сентябрь 1945 г.

Ровно месяц 215 полк охранял демаркационную границу с американцами. 20 октября 1945 года полк передал позиции другим воинским частям и налегке - все артиллерийские орудия, включая миномёты, приказано было оставить - направился в населённый пункт Штаклице (Stackelitz), то ли небольшой городок, то ли большую деревню, совсем недалеко от тех мест, где в начале мая они проходили с боями. Через неделю их отправили в населённый пункт Вайден (Weiden), расположенный в нескольких километрах от железнодорожной станции Бергфриден (Bergfrieden), где находились тылы 215 гвардейского стрелкового полка. Производили подготовку материальной части полка для перевозки к новому месту дислоцирования. Это были последние немецкие населённые пункты, в которых они задержались. Все чувствовали скорую отправку домой. Слухи об этом ходили всё упорнее. Все трудней стало обеспечивать порядок среди солдат. Чтобы как-то развлечь людей, командование организовало концерт художественной самодеятельности. С одной из артисток, Лидочкой - сестрой из медсанбата у Георгия возник непродолжительный роман.

Сестра медсанбата Лида (на заднем плане) Октябрь 1945 г.

В феврале 1946 года весь личный состав подразделений 77-й гвардейской стрелковой дивизии, в которой служил Георгий, погрузили в вагоны и отправили под Архангельск в посёлок Лесная речка. Долгая дорога в теплушках через всю Европу и Россию. Обустройство в холодном (особенно после тёплой Германии) посёлке совсем испортили настроение Георгия. 7 июня 1946 года пришёл приказ о переименовании 77 дивизии в 10-ю отдельную стрелковую бригаду. Фронтовики роптали. Они свыклись со своей 77-й и не хотели никаких изменений. Начались массовые подачи рапортов. Солдаты, прошедшие годы войны рвались домой, к семьям. Георгий тоже не видел никаких перспектив в своей жизни, оставаясь в армии. 16 августа 1946 года Георгий Герке демобилизовался в звании старший лейтенант с должности командира миномётной батареи и уехал к матери.

Расставаясь в первые дни войны, Семён Михайлович договорились с Валентиной Георгиевной, что они будут списываться друг с другом через Омск, до востребования. В начале войны Валентина

Георгиевна с Майей уехали в Сталинград, а оттуда, к счастью, не задержавшись, выехали в Сибирь.

Они списались, как договаривались, и Савкин вызвал их в Суслонгер (Марийская ССР), где был учебный полк. Валентина Георгиевна с Майей приехали туда. Она работала в столовой, а Майя была официанткой в офицерской столовой. В начале 1943 года Семен Михайлович Савкин уехал на 3-й Украинский фронт командиром стрелкового батальона.

Валентина Георгиевна всю войну до 1944 года была в Суслонгере. Майя там вышла замуж за Садовничего Владимира Илларионовича и в 1944 году родила сына Георгия. Садовничий ушёл на фронт сразу после рождения сына. Когда учебный полк расформировали, Валентина Георгиевна, Майя и маленький Георгий переехали в Калугу.

Семен Михайлович не раз пытался перевести Георгия к себе. Ещё в 1943 году в лыжный батальон, в котором служил Георгий, пришёл запрос о переводе его в другую дивизию. Однако что-то тогда не получилось.

Савкин С. М. вызвал семью к себе, когда был начальником оперативного отдела дивизии в Могилев-Подольском. Там же он и демобилизовался в 1945 году по 100-му приказу в звании подполковника, сохранив за собой квартиру. После демобилизации Георгий приехал к ним.

Подполковник Савкин С. М. 1946 г.

Ст. Лейтенант Герке Г. С. 1946

Жизнь вне армии Георгию понравилась сразу. Фронтовик, офицер, орденоносец он гордился собой и считал, что это должны делать и все окружающие. Он с лёгкостью заводил знакомства, менял девушек и места работы, нигде не задерживаясь надолго. Весной 1947 года в одной весёлой компании Георгий познакомился с Галиной Яблонской, актрисой местного драматического театра. Девушка, застрявшая после войны в Могилёв-Подольском, после того как ей удалось сбежать из поезда, увозившего её в Германию, была не на первых ролях в театре, но тем не менее пользовалась популярностью в городе. Театр для неё был единственным источником дохода и представлял хоть какое-то временное жильё. Ей, молодой двадцатилетней девчонке он понравился: молодой, энергичный, бывший фронтовик и офицер. К тому же у него была семья: мать, отец и квартира. Чтобы чаще быть вместе, она, уговорив директора, устроила Георгия в театр администратором. За звучной должностью скрывался обычный подсобный рабочий. То декорации установить, то реквизит раздобыть, то шумовое оформление обеспечить. Георгий даже женился на Галине Гильяровне, впрочем, уже через три месяца перестал с ней жить и уволился из театра. Семён Михайлович и Валентина Георгиевна не раз пытались образумить Георгия, но это кончалось скандалами и тем, что он уходил из дома и неделями пропадал у дружков.

Галина Яблонская 1946 г

В самом конце 1947 года семья Савкиных переезжает в Брянск. Семён Михайлович получает квартиру на Болховской улице взамен оставленной в Могилев-Подольском. Вместе с ними переезжает и Георгий. И несмотря на то, что бывшего фронтовика удаётся устроить в Бежицкий горисполком председателем по физкультуре и спорту, он продолжает ту же весёлую и беззаботную жизнь. Быстро обзаводится новыми друзьями, начинаются пьянки-гулянки, зачастую длящиеся несколько дней. Наконец, не выдержав, Валентина Георгиевна проявила свой твёр-

Савкина (Герке) В. Г. 1947 г.

дый характер. Состоялся тяжёлый разговор и Георгию был поставлен ультиматум: или он начинает работать или пусть уезжает на все четыре стороны. Георгию ничего не оставалось делать, и в средине 1948 года он начинает работать на Бежицком сталелитейном заводе подручным сталевара в мартеновском цехе. Хотя дружков от этого не уменьшилось, да и гулянки продолжались, но физически тяжёлая работа у горячей печи, да ещё посменная, несколько поубавили пыл Георгия. Валентина Георгиевна решает женить сына, полагая, что семейная жизнь может его образумить. Здесь-то и подвернулось семейство Крыловых. Геннадий Павлинович, тоже бывший военный, тоже недавно переехавший в Брянск, и его дочь, вполне подходящая на роль жены, молодая, симпатичная, работающая воспитательницей в детском саду Галина. Валентина Георгиевна быстро сошлась с Надеждой Ивановной, матерью Галины. Они были в чём-то похожи: уверенностью в себе, упорством, твёрдостью в принятии решений. Обе главенствовали в своих семьях, держа мужей в ежовых рукавицах. Савкины и Крыловы часто захаживали друг к другу в гости. Любили расписать «пулечку», покуривая «Беломорканал» и иногда пропуская по рюмочке. Причём, курили в основном женщины. У Валентины Георгиевны был старинный длинный мундштук, переплетённый изящным орнаментом, и она, красиво вытягивая руку с отогнутым в сторону мизинцем, пускала тонкие струйки дыма в потолок. Надежда Ивановна, делая два залома на папиросе, дымила короткими мощными выдохами вокруг себя. Как правило, игра затягивалась до поздней ночи, и хозяева шли провожать гостей. У Савкиных была большая немецкая овчарка, для которой эти ночные прогулки доставляли наибольшее удовольствие из всей компании. Она шла рядом с Семёном Михайловичем, изредка отбегая в стороны по своим собачьим делам.

Женщины быстро сообразили, что их интересы кардинально пересекаются в вопросе будущего детей, и незамедлительно приступили к делу. Подготовка плацдарма была проведена по всем правилам военного искусства. «Блиц криг» удался и уже к началу 1950 года Георгий и Галина начали встречаться серьёзно.

Георгия совсем не устраивало губить свою молодость на заводе, выполняя тяжёлую, грязную работу. Используя своё военное прошлое, партийный билет в кармане, он получает в райкоме партии направление на подъём сельского хозяйства в Молдавии. В город Бельцы он отправляется со своей молодой женой. У Георгия в паспорте стоял штамп о браке с другой Галиной, но он клялся и божился, что сразу же, как только приедут на место, он займётся разводом. Но до выполнения этих клятв пройдёт ещё много времени. Только в 1955 году, когда у Георгия и Галины было двое детей, под напором Крылова

Г. П. и Савкина С. М., и при их непосредственном сопровождении, он поехал в г. Львов, где в это время выступала в театре Галина Гиляровна Яблонская, уже известная на Украине актриса Киевского театра им. Ивана Франко, и оформил развод.

МИНИСТЕРСТВО ВНУТ РЕННИХ ДЕЛ СССР

Отдел Актов Гражданского Состояния

СВИДЕТЕЛЬСТВО

о прекращении брака № 32

Место для штампа

Брак между гр-ном Герке (фамилия до прекращения брака) Георгий Сергиевич (имя) (отчество)

и гр-кой Герке (фамилия до прекращения брака) Галиной Гиляровной (имя) (отчество)

прекращен, о чем в книге записей актов гражданского состояния о прекращении брака за 27 Июн 1955 (прописью и цифрами год, чис. и мес.) произведена соответствующая запись. Тысяча девятьсот пятьдесят пятого года

Фамилия после прекращения брака ей Яблонская

Зав. бюро ЗАГС Делопроизводитель

Свидетельство о разводе ***Яблонская Галина Гильяровна***

В молдавском городе Бельцы (сейчас он называется Бэлц), Георгию выделили комнату в одноэтажном доме барачного типа. Никакое сельское хозяйство поднимать он не стал, а опять же, используя свою анкету фронтовика с боевыми ранениями, офицера, члена партии, сделал так, что его назначили председателем городского комитета физкультуры и спорта исполнительного комитета Бельцского горсовета. Тут же появились новые друзья и знакомые, и старая беззаботная жизнь пошла привычным кругом. Гулянки, пьянки, женщины – всё перемешалось в пьяном угаре. Через четыре месяца его выгнали из горсовета. Ещё два месяца Георгий пропивал оставшиеся деньги, нигде не работая. Но жить как-то надо было, и он с трудом устроился в школу учителем физкультуры. Галина была уже беременна и стала обузой Георгию. Она плакала, просила увезти её домой к маме, грозила пойти в райком партии, за что не раз получала увесистую оплеуху. Георгий старался поменьше бывать дома, да и когда бывал, чаще был пьян и уходил спать в свой угол.

В родильный дом Галину отправляли соседи. Последние месяцы она замкнулась в себе, сосредоточилась на своём состоянии и мечтала о сыне. Она перестала замечать окружающее, особенно Георгия. Видимо это и спасло её и будущего ребёнка. Мать, даже будущая, может многое. Женщина правит внутренним миром. Ради этого мира

и живёт. 19 апреля 1951 года у Галины родился сын. Это были самые счастливые мгновения её жизни. Награда за многие несправедливости и лишения. Она назвала его Виктор в честь своей первой любви. Чистой и несбывшейся.

НАДЕЖДА

В метрической книге за 1906 год Екатерининской Василеостровской церкви в г. Петрограде дьяконом Петром Пономарёвым была сделана запись о родившейся 16 января Надежде Ивановне Федотовой.

В выписке № 830 от 1 сентября 1914 года, из этой книги, выданной служителем Екатерининской Василеостровской церкви в г. Петрограде было записано: *Родители - запасной фельдшер из крестьян Ярославской Губернии Климатинской волости, деревни Чурилово, Иван Петрович Федотов и законная жена его Анна Ивановна (Лазарева), оба православные и первобрачные.*

Выпись изъ метрической книги
ГОДЪ, ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, О РОДИВШИХСЯ.
Выпись изъ метрической книги
ГОДЪ, ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, О РОДИВШИХСЯ.
Выпись изъ Метрической книги
Часть Первая
О Родившихся
за 1906 годъ
Выдана Причтомъ Екатерининской
Василеостровской церкви въ г. Петрограде
№ 830
1-го Сентября 1914 года.

Выписка из метрической книги

Восприемники (крестные отец и мать) - мещанин города Соличалича Костромской губернии Николай Григорьевич Забечайлов и крестьянка Тверской губернии Вышневольского уезда, Посгонской волости, деревни Горка Ефросия Ивановна Антипова.

Таинство крещения вершил Протоирей Иван Полканов 22 января 1906 года.

Анна Ивановна Федотова (Лазарева) женщина была тихая и болезненная. С детства у неё были больные почки и по невозможности делать тяжёлую работу, она была обучена швейному делу.

Её муж, Иван Петрович Федотов был фельдшером в небольшом уездном городке Костромской губернии и имел возможность показать жену настоящему доктору, который сказал, что Анне Ивановне нельзя рожать без постоянного наблюдения хороших врачей, а это возможно только в большом городе.

Федотовы задумались о том, чтобы переехать в Санкт-Петербург. Решение давалось долго и трудно, но Иван Петрович всё-таки принял его. Недаром в русском народе есть поговорка: три переезда, что один пожар. Переезд дался тяжело. Не сразу всё налаживалось и устраивалось на новом месте. Дом купили маленький, старенький. Он требовал ремонта, а это стоило больших денег. В первое же время возникли трудности с работой. Фельдшеру из провинции без протекции устроиться в столице было почти невозможно. Доктора с частной практикой смотрели на него косо, не очень-то доверяя его знаниям и опыту. В государственных больницах брали работать только санитаром на небольшую зарплату.

Федотов И. П. (слева) 1916 г.

Когда Анна Ивановна забеременела, она решила, что будет рожать, а там как бог даст. Иван Петрович, перебиваясь как мог, во всем отказывая себе, но решил остаться при медицине. Мало ли что? Насмотрелся всякого за свою фельдшерскую работу.

После рождения дочери Иван Петрович нанялся на Путиловский завод рабочим. Нужны были деньги, чтобы кормить жену и маленькую дочь.

Дочь назвали Надеждой. Анна Ивановна была счастлива, хотя роды прошли нелегко. Её жизнь, прошлая и будущая перестала иметь смысл. Теперь она жила только настоящим обретённым чувством материнства и любовью к дочери. И хотя здоровье её не улучшалось после родов, она успокоилась. Она молила Бога дать счастья её дочери в этой жизни, чтобы она жила и за себя, и за неё. Она чувствовала, что ей недолго осталось жить на этом свете. Болезнь прогрессировала, и почки болели всё чаще и всё сильнее.

Анна Ивановна умерла в 1909 году. Иван Петрович от горя запил. Подолгу не бывал дома, а если и бывал, то больше пьяный, не раздеваясь, валялся на грязной постели. Надежда часто оставалась одна. Питалась остатками пищи, которые находила в доме или во дворе. Иногда помогали сердобольные соседи, подкармливая малышку. Надя подолгу сидела на крыльце дома и ждала. Нахальные и такие же, как она голодные гуси злобно шипели и клевали её. Она махала руками, кричала, плакала и звала маму. Отец был в очередном запое, валялся в доме, ничего не соображая. Так не могло продолжаться дальше. Нужно было что-то делать.

Помогли опять же соседи, понимая, что девчонка дальше просто погибнет. Они написали письмо родной сестре Анны Ивановны, Зарубиной (Лазаревой) Прасковье Ивановне. Она приехала и забрала Надежду к себе в деревню Королёво Костромской губернии Кологривского уезда. Муж Прасковьи Ивановны умер, и она одна воспитывала своих дочерей. Надя стала седьмым ребёнком в семье. Ей тогда исполнилось четыре года. Был у Прасковьи Ивановны один сын, но он давно уехал в Питер на заработки и не вернулся. В народе говорили, будто бы он там и умер.

Так и жили одни женщины в большом доме. Хозяйство было своё. Лошадь, корова, куры и каждый занимался делом. Кто пахал, кто пас корову, кто хозяйничал по дому да смотрел за малышами.

Соблюдая христианские заповеди, временами Надежде помогал крёстный отец. То на ботинки деньги даст, то 3 рубля однажды прислал на праздник, то продукты передавал через знакомых.

Прасковья Ивановна звала Надю сироткой, но, впрочем, ничем не выделяя её из остальных. И пожалеет, и отхлопает, если надо. Больше всех Надя дружила с Нюрой и Христиной, сёстрами погодками.

Когда Надя подросла, тётка решила, что она должна пойти учиться. Школа находилась за 40 вёрст от деревни Королёво, в

деревне Спас, которая называлась по имени, находившейся там Спаской церкви. Для Надежды сняли угол в одной из изб. Так она и жила, по сути, одна. Приезжала Прасковья Ивановна, приезжали сводные сёстры на несколько дней. В летние каникулы Надежда уезжала в Королёво. В 14 лет (1920 г.) она закончила вторую ступень гимназии и вернулась жить к Прасковье Ивановне.

Надежда продолжала ходить в школу. Она быстро оформилась и в свои 16 лет резко отличалась от своих сверстниц. На неё уже засматривались и молодые парни, и мужики постарше. Она это чувствовала и всем своим женским нутром всё понимала и этим пользовалась. В школе вступила в комсомол. Особенно там она подружилась с двумя девочками. Одна из них, Зинаида Хряева, стала лучшей её подругой.

После окончания школы Зина вместе с одним мальчиком, Сашей Хлопушиным, собралась поступать в медицинский институт в Петрограде. Надя решили уехать вместе с ними. В школе для поступления ребятам выдали по 40 рублей на дорогу и питание. Саша и Зина уехали в Петроград, а Надю не пустила мачеха.

В 1924 году объявился отец. За десять лет он многое перенёс. Пропить всё не успел. Одумался после того, как дочь забрали. До революции работал на Путиловском. Потом понял, что в провинции жить проще и подался в родные края. Он обосновался в 40 км от деревни Королёво, в деревне Мантурово Костромской губернии Кологривовского уезда. Работал в «потребкооперации». Иван Петрович женился на женщине, которую звали Татьяна Петровна. У неё была дочь от первого умершего мужа.

Жили они в маленьком домишке с тремя окошками. Отец забрал Надежду к себе, хотя ей очень не хотелось уезжать от Прасковьи Ивановны и её дочерей, с которыми она сроднилась.

В начале 1924 года в деревне появился Григорий Молодцов. Впрочем, все его звали Гришка Молодец. Высокий, видный парень с чёрной кучерявой шапкой волос на голове. Надежда влюбилась сразу и полностью. И пошла за Гришкой на коротком поводке. Гришка Молодец оказался вором. И началась у Надежды жизнь «весёлая», хаты, да «малины». Она пропадала из дома неделями, ездила с Гришкой по ближайшим деревням. В Костроме и Иваново побывала с подельниками. Тут уж не до школы было. К Надежде приклеилась кличка – Струна. Наверное, за её прямоту и резкость. Недолго гуляла банда. На одном из грабежей их задержали чекисты. Сначала Надежду таскали на допросы, но потом всё-таки отпустили, строго приказав отцу следить за дочерью.

Причиной был Василий Лебедев, работавший секретарём народного следователя Костромского губернского суда и

направленный в деревню Мантурово. Именно он, познакомившись с Надеждой на допросах сумел так организовать дело, что её отпустили. Ему было всего 24 года, он всегда ходил в чёрной кожаной куртке и фуражке, с наганом на поясе, всегда был суров и молчалив.

Василий Лебедев родился в 1901 году в г. Кологриве Костромской губернии. Мать Екатерина Васильевна, закончив в 1885 году женскую гимназию в г. Костроме, рано вышла замуж. Она всегда была замкнута и строга. Зато отец Иван Александрович Лебедев был полной её противоположностью. Образованный, начитанный он любил поговорить о делах мирских и нередко затевал бурные споры со своим соседом Тимофеем Петровичем, которые, к счастью, всегда оканчивались весёлым чаепитием. Почётный потомственный гражданин, Надворный советник он сначала работал коллежским регистратором, а с 25 мая 1884 года судебным приставом при окружном суде.

Иван Александрович Лебедев

Екатерина Васильевна Лебедева

Василий был последним ребёнком в семье. У него были три сестры Катя, Шура и Маня и брат Николай. Брат был старше на много лет, уже работал в государственном заведении, носил форму и мало общался с семьёй. Один раз отец, когда брат приехал в гости, повёл всех в большую московскую фотографию, что на улице Русина напротив церкви Ильи пророка.

Каждый горожанин мечтал хоть раз в жизни сфотографироваться у Г. П. Куракина. Василия поставили у берёзового заборчика, который расторопный помощник выкатил из подсобки, и долго объясняли, как стоять и куда смотреть. Отец с братом сидели на стульях, оба перекинув ногу и на ногу, очень похожие друг на друга. Говорили, что старший сын копия отца.

Вася Лебедев с мамой и бабушкой

Вася Лебедев

Лебедевы И. А. и Е. В. с семьёй (Василий, Катя, Маня и Шура) 1900 год

Сразу после революции Николай заболел эпилепсией, тронулся умом и быстро умер в забытьи в какой-то грязной городской лечебнице.

Отец Василия умер 24 октября 1929 года, мать 10 июля 1939 года.

Окончив в апреле 1918 года Романово-Борисоглебскую (бывшую Гостынинскую) мужскую гимназию, Василий с сентября начал работать в органах Костромского губернского суда в Кологривовском уезде корреспондентом и секретарем в народном суде. Привлекался к работе в выездных сессиях Костромского Революционного трибунала по продналоговым делам. После окончания специальных курсов с 1923 года стал Народным следователем Костромского Губернского суда Кологривовского уезда. Он был высоким, жилистым, сутулым, как мать замкнут в себе, молчалив и суров.

С Надеждой Василий познакомился на допросе, когда приезжал в Мантурово по делам банды Гришки Молодца. С первого мгновения он не мог отвести взгляда от красивой девушки, сидевшей напротив него. Местные комсомольцы уговорили его выступить в школе. Василий, не привыкший говорить речи, стеснялся и от этого ещё больше хмурился, напуская на себя вид бывалого революционера. Он сразу заметил её и всё выступление не сводил с неё глаз. А она, почувствовав его неуверенность и тревогу, подбадривающее улыбалась. После этого он специально несколько раз приезжал в деревню. Заходил к отцу, якобы по потребсоюзовским делам, а сам всё косил глазами на Надежду, так и не решаясь с ней заговорить.

В. Лебедев и Н. Федотова. 1922 г.

Зато мачеха видела всё и говорила за всех. Она решила выдать Надежду замуж. Надежда замуж не хотела. Она хотела уехать в Питер

учиться. Мачеха заставила её насильно. Она хвалила Василия, вспоминала, сколько на неё, на Надежду, потрачено денег и сил, корила неблагодарностью, взывала к разуму и кричала, что всё равно ей не куда не деться. Отец не вмешивался, держал нейтралитет между женой и дочерью. В один из приездов Лебедева в деревню мачеха собрала приданное, которое всё вместилось в большой наплечный платок, завязала его узлом и вручила Надежде. Ей некуда было деваться. Она плакала и умоляла оставить её. С Лебедевым у мачехи всё было договорено заранее. Василий стоял у дверей длинный, сутулый, хмурый, не говоря ни слова. Во дворе уже ждала запряжённая лёгкая телега.

В деревне Мантурово размещалась волостная милиция. При милиции была маленькая комнатка, скорее чулан два на два метра, где они и поселились.

Гришку Молодца и его сотоварищей судили и отправили в тюрьму. Про Надьку по прозвищу Струна как будто все забыли. Конечно, и здесь не обошлось без Василия Лебедева.

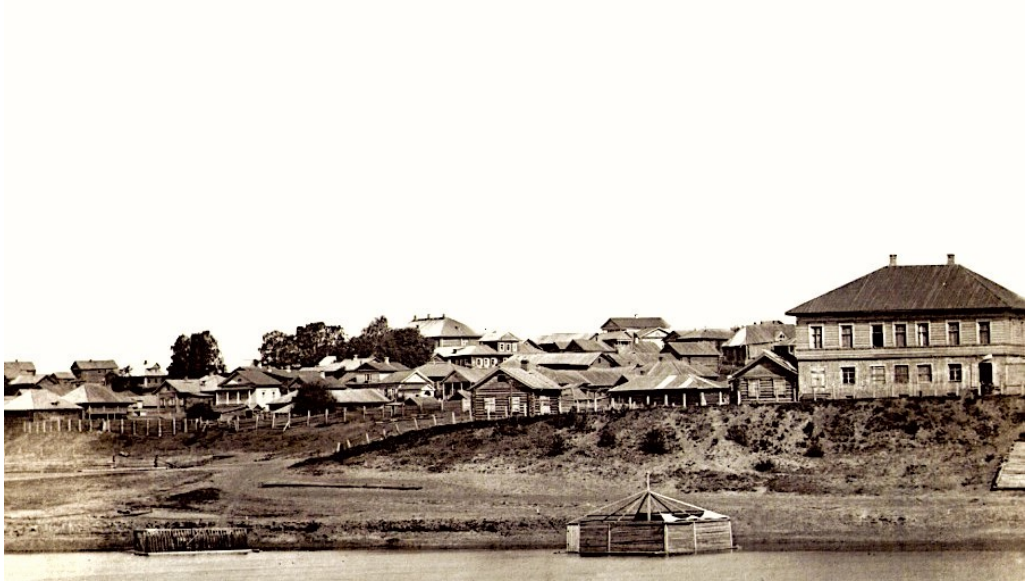
Василий всё время пропадал на работе. В окрестностях Мантурово жили зажиточные крестьяне, как тогда называли кулаков. Большевикам нужен был хлеб, чтобы накормить голодное население городов. Политика продразвёрстки ожесточила крестьян и то тут, то там возникали народные восстания. Василий часто уезжал на несколько дней. Приезжал весь почерневший, худой и ещё более сутулившийся, злой и замкнутый. Молча снимал свою чёрную куртку, садился за стол и долго тупо смотрел в один угол. Надежда не понимала, что происходит. Приставала к нему с вопросами:

– Что случилось? Почему ты такой?

Василий только грубо отмахивался, не обращая на неё внимания и не отвечая на вопросы. Долго умывался холодной водой над тазом, сам себе поливая из большой кружки. Молча ел и ложился, повернувшись лицом к стене. Надя от этого страдала. Народная молва разносила рассказы, как в той или иной деревне подавлялись хлебные бунты, как расстреливали людей. Василий Лебедев тоже мелькал в этих рассказах. В душе Надежды зрела ненависть к этому человеку.

В 1925 году родились близнецы Алексей и Борис, которых Надежда быстренько определила в дом малютки, в котором они недолго прожили, заразившись дизентерией. Через год родилась дочь Нина. Когда предстояли длительные командировки, Василий брал Надежду с маленькой Ниной с собой. В основном это были небольшие уездные городишки Костромской губернии. Останавливались как правило в крестьянских избах или закутках, выделенных местной милицией. Так продолжаться долго не могло, и Надежда всё сильнее

выражал недовольство. В конечном итоге как молодой семье им выделили в Кологриве две комнаты в большом доме.

Город Кологрив в начале 20 века

Василий понемногу менялся. Воспитанный в интеллигентной семье, росший в любви он с 18 лет был вынужден окунуться в жестокость, насилие, смерть. Помня старое, воспринимая верховенство закона, он не мог противостоять новому. Василий мучился. Его не окрепшая душа металась, не находя поддержки. Со временем, привыкнув и приняв советскую власть, как неизбежное, он успокоился.

В 1928 году Василия Ивановича переводят в губернский Костромской народный суд и, хотя он продолжает отвечать за Кологривовский уезд, они переезжают в город Кострому.

Родив второго ребёнка, Надежда окрепла морально и физически. Питание у «чекистских» жён было хорошим. Работа только по дому не была обременительна. Иногда Василий привозил из командировок конфискованные вещи. Так в доме появилась швейная машинка и Надежда пристрастилась к шитью. В доме стали появляться посторонние люди, в основном женщины, которых Надежда обшивала. Василию это очень не нравилось. Он всегда был скрытным, замкнутым и Надежда старалась принимать посетителей, когда мужа не было дома. Она была по натуре живая, общительная и её сильно угнетала домашняя тюрьма, которую для неё устроил муж. Надежда пыталась восставать против этого, но каждый раз её попытки сурово подавлялись. Иногда Василий прибегал и к физической силе.

Такие жёсткие рамки, удерживающие Надежду дома, не могли не сказаться. Когда Лебедев уезжал в командировки, а иногда были

достаточно длительными, она раскрывалась, как могла, несмотря на маленькую дочь, которую могла запросто подбросить соседке или оставить дома одну. До Василия доходили слухи о свободном поведении жены в его отсутствие, и он только больше хмурился и вымещая злобу на Надежде. Несколько раз он был на гране срыва. Он был всё-таки следователь и частенько безошибочно вычислял любовников жены. Очередным был военный Николай Смирнов, несколько раз приезжавший в город в командировку. У Надежды закрутился очередной роман и как в омут с головой. Она забыла про всё и опомнилась, когда свою беременность скрывать уже стало невозможно. Лебедев был в очередной длительной командировке и встречаться с ним Надежде совсем не хотелось. Она сдала трёхлетнюю Нину в детский дом, и сама уехала в городок Нею, где у Николая Смирнова проживали родители. Нина пробыла в детском доме, пока не вернулся отец. Лебедев немедленно забрал её домой. Терпение Василия дошло до критической точки. Выяснить куда исчезла жена ему не составило особого труда, и он отправился в Нею. Найдя дом родителей Смирнова, он, спрятавшись за деревьями, стал ждать с железной решимостью раз и навсегда покончить с этой женщиной, с этой мукой, которую она ему доставляла. Но когда дуло пистолета упёрлось в круглый, тугой живот Надежды, Василий не смог выстрелить.

В январе 1930 года на станции Нея родилась Галя. Только Надежда немного окрепла после родов, родители Смирнова выгнали её из дома, обозвав самыми нелицеприятными словами и умоляя больше не подходить к их сыну. Надежде ничего не оставалось как возвращаться в Кострому к Лебедеву, прося прощение, грозя партийной организацией (Лебедев В. И. в 1928 году вступил в партию большевиков) и используя все возможные средства женского воздействия вплоть до уверения что это его ребёнок. И Василий очередной раз вынужден был принять эту женщину, которую он любил и ненавидел одновременно. Наверное, бывает так, что головой понимаешь всю порочность, всю неуместность, всё зло, которое идёт он этого человека, а тянет, так тянет, что невмоготу становится.

Но в отношениях Надежды и Василия наступил неизбежный кризис. Она уже настолько набралась жизненного опыта, женской силы, основанной на хитрости, нахальстве, интуиции, притворстве и ещё бог знает чём, известном лишь дочерям Евы, что уже могла открыто противостоять мужу и добиваться победы. Он, озлобленный отсутствием любви Надежды, измученный её постоянными гуляниями, терзаемый сомнениями в выборе правильного пути, всё больше замыкался в себе, злился, хмурился и молчал.

А Надежда, только немного улеглась семейная буря, увлеклась новой любовью. Им оказался Крылов Геннадий Павлинович, моложе

её на четыре года, уроженец Костромы, учившийся на авиационного техника и частенько приезжавший в город, где жили его родители, брат и сестра. Геннадий влюбился в молодую красивую женщину сразу и навсегда и никакие уговоры, что она старше его, что у неё двое детей, что она замужем в конце концов не могли заставить его отвернуться. Была у Надежды какая-то женская сила, магия, притягивающая всех мужчин вокруг. Попадали они в её сети как мотыльки, летящие на огонёк. Что поделать, природа…

Двигаясь по служебной лестнице, Василий меньше стал выполнять «грязной» работы, приводить приговоры в исполнение, непосредственно участвовать в арестах и задержаниях людей с наганом в руках. Больше уделялось внимание следственной работе, работе с бумагами. Он менялся со временем в характере, стал боле мягким, задумчивым. В 1931 году родилась дочь Лена, которую сразу все начали звать Ляля. Её по настоянию Крылова Г.П. ещё маленькой отдали в семью его сестры Воробьёвой О.П., где она и воспитывалась вместе с её сыновьями Николаем, который родился в 1933 г., Виктором – 1935 г. и Евгением – 1937 г.

Василий Лебедев. 1935 г.

Они переезжали из одного города в другой, жили в Костроме, Ростове, потом в Вязниках. Как-то уже поздней осенью Лебедеву решили отомстить его бывшие клиенты или бывшие Надины подельники по банде Григория Молодца. На улице стояла ужасная погода. Лил дождь с градом вперемежку под завывания ветра. В большой квартире на втором этаже, когда Лебедев уезжал, жила няня Надя Дрялина. Наверное, Лебедев так специально устроил, думая, что при ней у Надежды будет меньше свободы. Ломиться в дверь начали, когда все уже собирались спать.

– Открывай, слышишь, сука! – раздавалось из-за двери.

Надежда вскочила, оглядываясь, соображая, что делать.

– Вась, вставай, быстрее! Где пистолет? – как можно громче кричала она.

– Знаем, где твой Васька. Открывай, пока не поздно – матерились за дверью.

У Надежды в голове была одна мысль, как спасти детей? Она схватила тяжёлую табуретку и начала стучать в пол, пытаясь привлечь внимание соседей. Дверь уже ходила ходуном под напором бандитов. Дети забилась под стол и дрожали от страха. Надежда действовала чётко без суеты. Она открыла окно и стала вязать простыни, чтобы спустить вниз детей, но увидела за углом притаившуюся фигуру. «Караулят!» – мелькнула мысль. «Что делать?». Из-за двери сарая раздавалось глухое рычание и лай. На свободу рвалась овчарка Ванда. Надя запирала её на ночь, чтобы та не мешала своим лаем на кошек, которых ненавидела лютой ненавистью, и никакие команды в это время не могли её заставить замолчать. Надежда стала хватать со стола тяжёлые предметы и бросать их в окно дома напротив. Там жил Вовка Елагин, местный хулиган. Надежда дружила с ним назло Лебедеву, соседям и жёнам чекистов. Нередко их можно было видеть вместе, курящими папиросы на брёвнах возле сараев. Один из предметов попал в окно. Вовка понял всё и сразу. Он побежал через задний двор в милицию. Они приехали вовремя и схватили всех. Галя после этого случая долго не могла отойти и начала заикаться. Она всё боялась, что придут бандиты, убьют папку, мамку и её. Лебедев обвинил Надежду, что это её бывшие дружки, а она говорила, что это его клиенты. Тем не менее после этого случая Лебедев перевёз всех к Захаровой Саше, которая жила в Иваново.

Саша Захарова

Сашу Захарову Василий Лебедев нашёл в лесной сторожке, где она жила с мужиком. Всё её приданное умещалось в небольшой, сделанный из платка, узелок. Какое-то время она жила в квартире Лебедева в качестве прислуги. Она стала для Нади настоящей подругой. Потом Лебедев отправил её в Иваново. Когда они приехали в Иваново и увидели Сашу Захарову, её было не узнать. Сначала она попала в публичный дом. Потом её оттуда взял Николай Васильевич, маленький, плюгавенький мужичок, работавший в НКВД. Его квартира напоминала склад вещественных доказательств. Саша стала для него и женой, и любовницей, и прислугой одновременно. Галю и Нину поселили здесь на некоторое время. Потом они частенько заглядывали к Саше Захаровой. Много лет спустя, когда Нина и Галя навещали Лебедева В. И. в Иваново, они решили сходить в тот дом. Николай Васильевич, старый, маленький, сморщенный старичок лежал на большой

постели, покрытой белыми простынями. Он умирал. Он открыл глаза, узнал Галю и слабеющими губами прошептал её имя. Вечером того же дня он умер.

Лебедев получил очередное звание, продвижение по служебной лестнице и отдельную квартиру. Время от времени он продолжал пропадать из дома. Командировки хотя и продолжались, но носили уже другой характер. Продолжала свою «весёлую» жизнь и Надежда. Жёны работников юстиции, коллег Василия Ивановича, обвиняли её во всём, в чём можно и называли проституткой. Надежда не особенно скрывалась и использовала любой момент, когда отсутствовал Василий. Они с Лебедевым то сходились, то расходились. Один раз Галя проснулась от шума среди ночи и выглянула из-за занавески, за которой стояла кровать детей. Мать полуголая сидела на коленях у мужчины и страстно шептала – «Я хочу сына. Слышишь, я сына хочу».

Надежда с дочкой Ирой. 1941 г.

У Надежды был очередной период серьёзных ссор и размолвок с Василием Лебедевым, а отношения с новым её поклонником – Крылов Г. П. продолжались. После окончания обучения он служил в части по обслуживанию самолётов, носил военную форму лётчиков. Геннадий, влюблённый как мальчишка, не мог, да и не хотел прерывать их. Через десять лет их отношений в 1940 году у Надежды родилась четвертая дочь. Она назвала её Ирой. Кто был её отец? Считалось, что Геннадий Павлинович, но Ирина была ни на кого не похожа из сестёр. Зная Надежду, вполне можно предположить, что так только считалось.

При очередном выяснении отношений, когда Лебедев, находясь на пределе, готов был сорваться, Надежда даёт ему клятву, что никто никогда не узнает, от кого дочери, что всем она будет говорить, что это его, Лебедева дети. Однако ненадолго хватило обещания Надежды. Очередной раз, находясь в состоянии веселья по случаю достаточно выпитого вина, Надежда делилась во дворе с соседками своими подвигами. Поползли слухи, которые дошли до Лебедева. Лучшая подруга, Захарова Саша, именно она рассказала ему всё про Иру. Это

явилось последней каплей в отношениях Надежды и Василия, они официально развелись.

Надежда Ивановна после развода оставила себе фамилию Лебедева, хоть Василий Иванович и возражал вначале. Вместе с дочерями Галей и Ирой они жили в Иваново, где прошли все годы войны. Нина жила в Иваново вместе с отцом и его новой женой Анной. Ляля жила в Москве в семье Воробьёвой О. П. (тёти Лёли), сестры Крылова Г. П.

Временами было тяжело, но она не унывала: что-то передавал Лебедев В. И. (всё-таки Галя, Ляля и Ирина были записаны на него), что-то удавалось заработать шитьем и продажей на рынке крашенной материи. Иногда приезжал Геннадий Павлинович, привозил продукты, оставлял немного денег.

Надежда Ивановна Лебедева и Геннадий Павлинович Крылов поженились. Они жили сначала в Кубинке, но ещё шла война, а Геннадий Павлинович служил и не мог уделять много времени семье. Жили не всегда радостно. Геннадий Павлинович полностью попал под зависимость жены. Её характер, твёрдый и целенаправленный, богатый жизненный опыт полностью подавили мягкий, неконфликтный, домашний характер Геннадия Павлиновича. К тому же он любил её, несмотря ни на что. Как любят собаки своих хозяев. Надежда Ивановна частенько на него кричала, не стесняясь в выражениях, а он только оправдывался, называя её Наденькой. Галя (мать немного смягчилась) иногда приезжала к ним и всегда жалела Геннадия Павлиновича. Надежда не утруждала себя заботой о муже и дочери. Он частенько ходил голодный. Доходило до того, что Надежду Ивановну даже вызывали в комендатуру части, и командир спрашивал её: «Почему не кормите мужа?». После окончании войны Крылов остался на службе. Геннадий Павлинович перевез Надежду Ивановну и Иру в поселок Воротынский, где в 1947 году Ирина пошла в первый класс. Потом какое-то время жили в Орле, где к ним присоединилась Ляля (1948 год). Геннадию Павлиновичу удавалось ненадолго навещать их. Потом они переехали в г. Бежицу, Брянской области. Крылов Г. П. продолжал служить. Он окончательно уволился

Крылова Н.И., Крылова И.Г, Крылова Е.Г., и Крылов Г.П. 1948 г.

со службы в рядах Советской Армии в звании инженер-майора военно-воздушных сил в 1955 году.

Г А Л И Н А.

Галя с раннего детства чувствовала и принимала близко к сердцу отсутствие материнской заботы и ласки. Старшая сестра Нина росла вроде и рядом, но как бы в другом мире. Может, мать и не уделяла ей больше времени, но отец без сомнения предпочитал ей старшую дочь. Галя рано это поняла, замкнулась и озлобилась. Она старалась всё делать назло, и когда мать начинала злиться и кричать, это её только радовало. Если её просили что-нибудь принести, она специально долго ходила, копалась и приносила совсем не то. Мать орала, называла её дурой и отпускала подзатыльники. Галя поджимала губы, закусывая их до крови, и опустив голову, уходила, не произнеся не слова. Однажды мать стирала белье и попросила её принести халат из соседней комнаты. Галя принесла и молча отдала его.

Галя Лебедева. 1934 г.

– И кушак-то давай – сказала мать, вытирая тыльной стороной руки мокрый лоб.

Пояс от халата валялся рядом. Галя подняла его и, ни говоря не слова, стала завязывать его себе на шее.

– Кушак, говорю, давай – повысила голос мать, продолжая возиться с бельём в корыте.

Галя продолжала молчать, стягивая пояс как можно сильнее. Мать уже выпрямилась от корыта и, глядя на неё, кричала.

– Чего стоишь, дура, пояс давай!

Галя продолжала стягивать пояс до тех пор, пока не потеряла сознание и не упала. Её упрямство доводило мать до бешенства, но воспитание не приводило к положительным результатам и она, махнув на дочь рукой, оставила её в покое.

Они часто переезжали из города в город, куда по работе направляли отца. Жили в Костроме, Ростове, Вязниках, где Галя пошла в первый класс.

Сестру Лялю она почти не помнила. Её, когда она была ещё маленькая отдали жить в другую семью. Отец бывал в доме всё реже и реже. Иногда в доме не переводились вкусные продукты, иногда, когда Лебедев уходил, со стола собирали последние крошки. Один раз он ушёл навсегда. У него появилась женщина, тихая, спокойная, домашняя. Её звали Анной. Василий Иванович переехал жить в квартиру Анны в Иваново, а через некоторое время к ним ушла жить и Нина.

Галя Лебедева. 1940 г

Когда в 1940 году появилась младшая сестрёнка Ира, Галя взяла заботы о ней на себя. Таскала её за собой по двору, вытирала её и кормила, чем придётся.

Когда Гале было лет 12, во дворе поползли слухи, что Лебедев не отец Гали. Ребята обзывались. Старухи показывали на неё пальцем. Галя не поверила. Для неё это было ужасным потрясением. Как это не мой папа? Она стала как дикая. Кидалась на всех, кто только намекал, что у неё нет отца, кричала и гнала всех прочь. Она начала стесняться матери. Не хотела её видеть. Убегала, когда та подходила к ней во дворе. Всё же Надежда Ивановна и Василий Иванович разошлись уже окончательно и официально.

У матери был очередной роман с красивым молодым военным, может последняя любовная песня, как она сама это называла. Она полностью отдавалась этой любви, забывая обо всём, в том числе, о детях.

Когда совсем становилось плохо, мать начинала шить. Шила она как одержимая. Тем не менее, отменно, быстро и красиво. Природный вкус помогал ей делать красивые и модные вещи. У неё было много клиенток, услугами которых она умело пользовалась. Ещё они красили материю. Мать покупала белое полотно и краску. Галя красила, сушила, гладила и потом продавала материал на рынке. Из-за этого она была вынуждена даже пропустить один год в школе.

Как только появлялись деньги, Надежда Ивановна сразу же устраивала пир, не задумываясь о завтрашнем дне, о детях. В доме появлялись мужчины. Некоторые оставались на несколько дней.

Несмотря на свой возраст и четырёх дочерей она была привлекательна, и мужчины слетались к ней как мухи на мёд.

Однажды, когда Галя гуляла во дворе, мать, открыв окно, позвала её домой. Идти не хотелось, но настроение было хорошее, и она решила сегодня не связываться с матерью. Летний день заканчивался. В синем небе носились ласточки и стрижи. Пахло скошенной травой и пылью. Попросив соседку присмотреть за Ириной, она побежала домой. За столом, с водкой и закуской, рядом с матерью сидел русоволосый военный. Нога в хромовом сапоге, закинута за ногу, в руке дымящаяся папироса.

– Мам, чего? – спросила вбежавшая Галя.

Она стояла у двери, запыхавшаяся, растрёпанная и смотрела в серые, какие-то необычные глаза военного. Под ложечкой засосало, и голова немного закружилась. Военный смотрел на неё спокойно, не улыбаясь, как-то породному.

Николай Смирнов. 1940 г.

– Ну, чего уставился? Вот она и есть! Посмотрел? – грубовато спросила мать.

– Иди на улицу – приказала она уже Гале.

Галя повернулась к открытой двери, медленно пошла. Уже в дверях обернулась. Красивой военный, всё в той же позе, так же спокойно смотрел на неё.

– Иди, иди – услышала она окрик матери и стремглав побежала во двор.

Кто был этот военный? В течение всей жизни Галя не раз задумывалась, сопоставляла, сравнивала, писала тёткам, основываясь на той незначительной, обрывочной информации, которую удавалось получить. Это был её отец. Так ли это было на самом деле или ей так только хотелось думать? Увы, узнать это уже не дано никому. По крайне мере на этом свете.

Шёл последний год войны. Геннадий Павлинович Крылов работал на аэродроме и жил в посёлке Кубинка, что под Москвой. Когда позволяло время и возможности, он приезжал к Надежде Ивановне. Галя любила это время и всегда его ждала. В доме наступало

спокойствие, какое-то умиротворение. Все взбрыки и выходки матери натыкались и разбивались о его спокойствие и любовь.

– Наденька, ну не надо так нервничать. Сейчас мы всё решим. Всё будет хорошо – говорил он, с неизменной мягкой улыбкой, тихим спокойным голосом.

Галя училась в школе. Она себя считала уже взрослой и многое понимала. Она несколько раз порывалась поговорить с Геннадием Павлиновичем, рассказать ему всё, но каждый раз не могла. Что-то её останавливало. Проходило несколько дней, Крылов уезжал и всё начиналось снова. Гулянки, мужчины, отсутствие матери дома на несколько дней. По ночам уже взрослая Галя слышала звуки ночных гуляний и любовных оргий. Просыпалась Ира и спрашивала: «Что это?» и Галя, обняв сестру, плакала и старалась отвлечь её. Однажды (Галя только приехала из пионерского лагеря), утром после очередного ночного буйства, она не выдержала и назвала мать проституткой. В ответ получила две хорошие пощёчины.

– Ты мне не дочь, убирайся из дома куда хочешь! – кричала мать.

Лебедев, проработавший всю войну в военном трибунале, жил не очень далеко, и Галя пошла к нему. Шла и думала, как ей жить дальше. Было жалко себя и Иру. Ненавидела мать и Лебедева. Ненавидела весь белый свет. Слёзы лились из глаз. Хотелось кричать и царапаться. Дорога проходила мимо церкви, и Галя зашла туда. Полумрак, горели свечи. Со стен и потолка на неё смотрели лики святых. Смотрели пристально и успокаивающе. Она долго простояла в церкви, приходя в себя.

Когда Галя пришла, дома был Василий Иванович и Аня, новая жена Лебедева. Нина была в институте.

– Что случилось? – спросил Лебедев.

– Меня выгнала мать, я не знаю, куда мне идти – ответила Галя.

Василий Лебедев посмотрел на Анну, посмотрел на Галю, ничего не говоря, подошёл к столу, достал папиросу и закурил. Галя стояла в дверях и смотрела перед собой. Анна сидела на диване, скрестив руки на груди, поджав губы, и тоже молчала. Так продолжалось до тех пор, пока Лебедев не докурил папиросу до конца.

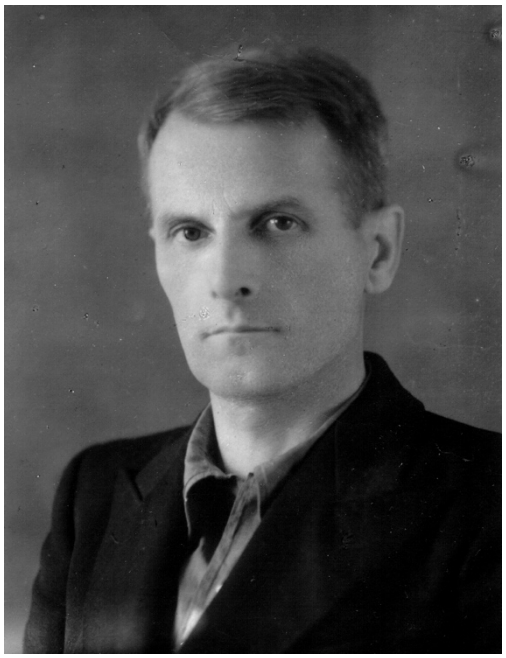
– Иди, посиди во дворе на скамейке. Мне надо поговорить с тётей Аней – сказал он Гале.

Галя сидела на деревянной скамейке и смотрела на окна квартиры, из которой только что ушла. Опять в голову полезли разные мысли: «Кому я нужна? Никому! Мать – проститутка, отца нет. Мне лучше умереть, наверное. Никто и не заплачет. А Ира? Она, конечно, заплачет. Бедная Ира!».

– Галя, Галя, иди домой – крикнул, открыв форточку, Лебедев.

Её оставили. Временно. Неизвестно на каких правах. Постелили на раскладушке за шкафом.

Семья Лебедевых начала жить вчетвером в маленькой двухкомнатной квартире. Галя старалась быть как можно незаметней, не огорчать тётю Аню и не устраивать инцидентов.

Василий Иванович Лебедев

Анна Лебедева

Нина была уже взрослая. Училась в институте. Встречалась с парнями. Просила у отца деньги и почти всегда их получала.

Галя начала ходить на танцы с девчонками со двора. Она просила у сестры какие-нибудь наряды, и та давала ей их, но только за деньги. Её угловатость и замкнутость, некоторая даже угрюмость наложили свой отпечаток. Она не пользовалась успехом у мальчиков.

Нина Лебедева 1946 г.

Нужны были деньги, которых никогда не было. Сёстры потихоньку начали воровать папиросы. Тётя Аня прятала папиросы в большой коробке, которая закрывалась на ключ. Нина подобрала ключ к коробке, и когда никого не было дома, они открывали коробку и вытаскивали по одной папиросе. Таскали рулоны бумаги из пись-

менного стола Василия Ивановича. Потом всё это продавали. В основном продажей занималась Галя. Покупали мясо, которое жарили на сковороде и с жадной радостью съедали.

Галя Лебедева 1946 г.

Сёстры часто ссорились и злились друг на друга. Нина, как старшая, как настоящая дочь Лебедева, как первая, которая начала жить с отцом, имела превосходство и во всём его подчёркивала. Галя, озлобленная, навязанная, обиженная жизнью, боролась с агрессивностью и угрюмостью одновременно. Нина называла её «Мегерой» и старалась не доводить до крайностей, но всегда использовала возможность показать ей её место в этой семье. Нина с увлечением училась. Ей легко давались все предметы, и она мечтала о карьере врача. Потом, когда ей пришлось институт бросить, она это горько переживала и страдала. И много лет, до самой старости не простила себе этого.

Галя уже не хотела ладить с матерью. Ей жалко было сестру, ещё маленькую Ирину. Мать часто бросала младшую дочь одну, и Галя пользовалась этим и ходила к Ире (ей было 5 лет) тайком, когда матери не было дома. Она гуляла с ней, кормила, занималась. Нина ходила к матери хоть и не часто, но не таясь. Один раз она принесла записку и передала её Гале. Там было написано: «Не ходи сюда больше. Будь ты проклята, чтоб ты сдохла». Галя прочитала, и в глазах у неё потемнело. Поток ярости хлынул в голову. Она схватила утюг и со всего размаху с криком, запустила его в Нину.

– Дура, ненормальная – крикнула та, еле увернувшись от летящего утюга.

Галя продолжала тайком ходить к Ире, боясь быть застигнутой на месте. Один раз, идя по улице, Галя увидела мать. Та шла ей навстречу, красивая, нарядная (Надя-куколка, как её звали соседи), под руку с молодым красивым мужчиной. У неё как раз был роман с Медведевым. Гале так хотелось, чтобы она остановилась. Хотелось броситься к ней, крикнуть «мамочка», но Надежда Ивановна прошла мимо, даже не взглянув на дочь.

Боль и обида, ненависть и любовь очередной раз взяли вверх над осторожностью, и угрюмым одиночеством души.

Она не выдержала и написала Геннадию Павлиновичу письмо «Забери маму и Иру. Иначе она пропадёт».

Крылов Геннадий Павлинович любил Надежду Ивановну. Только этим можно объяснить его поступки. Он, наверное, о многом догадывался, многое знал, но никак не решался принять определенное решение. С одной стороны, женщина, которую он любил, несмотря ни на что. Его дочь, так похожая на него. С другой стороны, муж, с которым Надежда Ивановна столько прожила и только что развелась официально. Другие дети. Письмо Гали, ещё по сути девочки, крик детской души, сделали своё дело. Геннадий Павлинович был порядочным человеком. Он был просто хорошим человеком. Он не мог поступить по-другому.

В 1944 году Крылов приехал в Иваново, упросив начальство о внеочередном отпуске. Он не стал разговаривать с Надеждой, был необычно суров и сосредоточен. Он отправился к Лебедеву. У них состоялся долгий, спокойный, мужской разговор. Говорили двое мужчин, знавших себе цену, и решивших достичь поставленных целей.

Геннадий Павлинович заберёт Надежду Ивановну и Ирину, и увезет их сначала в Кубинку. Галя оставалась у Лебедева с Ниной. Так решили Лебедев и Крылов. На вокзале в Иваново провожали их все вместе. Лебедев стоял рядом с Анной, Ниной и Галей. Надежда Ивановна напилась и лезла ко всем целоваться. Её еле посадили в вагон, мужчины пожали друг другу руки, и поезд тронулся.

После окончания восьми классов в 1945 году Геннадий Павлинович отвёз Галю в Москву и поселил её на какое-то время у своей сестры Воробьёвой О.П. (тётя Лёля). Галя поступила в училище дошкольного воспитания № 7 и ушла жить в общежитие. Училище находилось на Садово-Самотёчной улице.

Садово-Самотёчная улица

Педагогическое училище № 7

Это время хоть и короткое, но, наверное, самое счастливое. Галя успокоилась. Общение со сверстниками, занятия в училище, жизнь в небольшой комнатке общежития, ничто не напоминало о её прошлой жизни.

После войны в 1946 году ещё действовала карточная система, а молодой растущий организм требовал своего. Постоянно хотелось есть. По настоянию Геннадия Павлиновича Галя опять переселилась к его сестре, тёте Ляле. Она жила на улице Пятницкой. В одной группе с Галей училась Женя, с которой Галя очень подружилась. Ещё через какое-то время Женя предложила ей жить у неё. У них была большая трёхкомнатная квартира, и Женина мама не возражала. Какое это было удовольствие ранним весенним утром идти по московским улицам, ещё влажным от прошедших поливомоечных машин, идти, стуча каблуками по асфальту, ловить на себе взгляды молодых курсантов из «спецуры» (так называли девчонки курсантов из училища напротив) рядом с лучшей подругой. В училище у Гали случилась первая юношеская любовь. Его звали Виктор, и он был студент. Они познакомились в библиотеке. Встречались вечерами, вместе ходили в кино и целовались. Казалось, вот оно, счастье, и так будет долго-долго, всегда. На выходные Галя ездила в Кубинку к матери.

Галя Лебедева. 1947 г.

После окончания училища в 1949 году вместе с семьёй Крыловых она уехала в Брянск. Галя хорошо относилась к Геннадию Павлиновичу и пользовалась взаимностью. Они иногда разговаривали по душам на кухне, когда знали, что их не застукает Надежда Ивановна. «Я уже давно живу только ради вас, детей», говорил он. Вспоминали и Галиных сестёр Нину и Лялю. Из письма, которое в последствии писала Нина «…и получается, что мои родители три раза меня предавали или бросали, не знаю какое слово больше подходит. Первый раз – когда меня определили в приют в два с чем-то года. Второй – это когда в 1944 году мне надо было выбирать папу или маму. И третий раз, когда в 1946 году папа и Аня уехали в Челябинск, а я училась на втором курсе и жрать было нечего, карточки были. Юрка (будущий муж Нины) приносил часть своего ужина, а потом мы шли на танцы. Но это было не каждый день, он же летал и аэродром был далеко. Можно сказать, что он подобрал меня брошенную всеми и хотел, чтобы я только ему досталась».

Уже гораздо позже, когда Геннадий Павлинович заболел, Галина Васильевна, мать двоих детей, старалась проводить с ним всё свободное время. В палате говорили: «Вот какая заботливая дочь. А то

жена приходит изредка, так только и слышно, что дурак, да дурак». А потом удивлялись «Отчим и падчерица? А он говорил: четыре дочки».

Галя первая сообщила матери, что Крылов Геннадий Павлинович умер.

– Я его сюда в комнату не привезу и мне его хоронить не на что – только и сказала она.

– Сиди. Мы его похороним сами, без тебя и за наш счет – ответила Галя.

Она сама поехала в морг. Туда же приехали сослуживцы с работы.

Оказывается, у Геннадия Павлиновича была женщина, своего рода отдушина, где он отходил от постоянного давления в семье. Один раз Катя, подруга Гали, случайно увидела их вместе. Эта женщина пришла проститься с Геннадием Павлиновичем, но Надежда Ивановна и у гроба устроила настоящий спектакль.

В Брянске Галю приняли воспитательницей в детский сад № 5. Работу она обожала. Ей доставляло истинное удовольствие возиться с маленькими детьми, постигать их мир, их души. Она вспоминала себя маленькой и отдавала всю себя без остатка чужим детям. Они были такие разные. Галя чутьём выбирала несчастных, обиженных и старалась изо всех сил, чтобы хотя бы здесь, в детском саду, они забывали о своих горестях и печалях. Дети чувствовали её заботу, её любовь и отвечали взаимностью. Здесь, в детском саду, возник её мир, в который не могли войти ни мать, ни отчим, никто. Она понемногу оттаивала душой и мечтала о своих детях. Она хотела сделать их самыми счастливыми на свете.

С Георгием Герке познакомила Галю мать. Она давно сдружилась с семьёй Савкиных. Валентина Георгиевна и Надежда Ивановна с удовольствием общались, любили расписать «пулечку» за стаканчиком вина. Обе женщины волевые, знающие себе цену и поэтому, наверное, возник взаимный интерес и соперничество.

Галя не сразу приняла Георгия. С одной стороны, фронтовик, энергичный, настойчивый. С другой – что-то настораживало. Казалось, всё это бравада, поверхностное и наносное. Какого-то стержня не хватало. Но давление на Галю было оказано всестороннее. И она сдалась в надежде построить свою семью, родить своего ребёнка.

Так недолог оказался её мир счастья за стенами детского сада. Мир, в котором царила любовь и радость детских глаз, зажжённая ею. В 1950 году Георгий Герке увёз её в Молдавию. Он долго мотался после демобилизации без особого дела, переходя от одного к другому. Наконец попросил, чтобы его по направлению райкома КПСС

отправили в Молдавию поднимать сельское хозяйство. Но вместо села и сельского хозяйства он оказался в г. Бельцы при райкоме комсомола в спортивном секторе. Ему выделили комнату с отдельным входом в одноэтажном, длинного барачного типа, доме. Впрочем, такими домами была застроена вся улица, расположенная недалеко от стадиона.

Галина Васильевна Лебедева и Герке Георгий Сергеевич 1950 г.

Для Гали начался новый ад. Георгий не уделял молодой жене никакого внимания. Постоянные дружки, пьянки. Он всё время где-то пропадал, не появляясь домой иногда даже ночью. Замечания и попытки жены как-то наладить нормальную жизнь воспринимались Георгием как посягательства на его свободу. Его вспыльчивость и неугомонный характер быстро приводили любой разговор к скандалу. Бывало, и руку поднимал на жену. Галя быстро замкнулась. Это была её уже привычная, выработанная многими годами защитная реакция. Она закрывалась, никого не впуская в свой мир, становилась неразговорчивая, старалась всё делать назло. К тому же у неё появилась своя цель, свой смысл в жизни. Было положено начало её мечты. Она была беременна.

В роддом её отвозили соседи. 19 апреля 1951 года у Галины родился сын, её долгожданный сын, её надежда и опора, её вечная любовь.

М А Р И Я

В 1882 году в селе Тёплое Данковского уезда Рязанской губернии в семье барских крестьян Чураковых родился мальчик, которого назвали Максим. У Андрея Чуракова уже был сын, и появление второго мальчика обрадовало его. Будет работник как вырастет, помощник отцу да защитник матери.

Село Тёплое считалось зажиточным, хотя ничем не отличалось от тысячи сёл в центре России конца 19-го века, и жизнь в нём проходила обычная, крестьянская. Много было кирпичных домов, но были крыты они, в основном, соломой, были дома из самана и в некоторых – земляные полы. Зимой в избе часто ночевали овцы, телята, под печкой жили куры. Печь в доме занимала главное место и самую большую площадь. За печкой, на палатях и на самой печке спали взрослые и дети.

В 1850 году в селе была построена новая кирпичная церковь на месте пересечения двух дорог и на траверсе больших колодцев. В церкви был установлен огромный основной колокол, звон которого слышался вплоть до города Данкова, и семь колоколов меньшего размера для пасхального звона. Церковь венчал красивый купол серебристого отсвета, который завершался стальным позолоченным крестом, расчаленным четырьмя золотыми цепями.

Когда над привольным раздольем
Ликующий плыл благовест,
Сиял позолотой червонной
Над церковью новенький крест.
И люди глаза поднимали,
И шапки снимали, крестясь.
И тихо молитвы шептали,
Всевышнему сердцем молясь.

В «Списке населенных мест Рязанской губернии» за 1862 год Теплое значится как село казенное Данковского уезда «при колодцах» в 17 верстах от уездного города Данкова. В селе числится 338 дворов и 2 078 жителей обоего пола. В селе значатся православная церковь и училище. В Теплом изготавливали высококачественный кирпич в большом количестве, из которого подрядными артелями были построены школа около церкви, по Большаку лавки, пекарня, небольшие кабаки да трактиры, еженедельно устраивались базары. В селе было 3 ветряных мельницы, 3 кузницы, 5 маслобоен, 3 кирпичных завода, а потом появилась и паровая мельница.

К двадцати пяти годам Максим вырос в красивого, высокого, сильного парня. Сельские девчата давно поглядывали на него и пытались заигрывать на деревенских посиделках. Да и Максим понимал,

пора было обзаводиться семьёй, начинать своё хозяйство. Максим нашёл невесту из своего села. Сыграли свадьбу, построили большой крестьянский дом. Максим Андреевич человек был работящий. Успевал и на барина работать и хозяйство своё укреплять.

Чураковым сначала не повезло. Первой, в 1907 году родилась девочка. Не долго она прожила. То ли мать неопытной была, то ли устала сильно и заснула, только задохнулась девочка, когда та её кормила грудью.

Через два года в 1909 году снова родилась девочка, которую назвали Нюрой. В 1912 году родился сын Миша. Потом прибавлением в семье были одни сыновья. В 1914 году – Григорий, в 1916 году – Николай, в 1920 году – Алексей.

По-разному сложилась жизнь детей Максима Андреевича. Нюра умерла в 1974 году. Михаил умер в 1987 году. Алексей умер в 1980 году. Иван, работавший в г. Данкове, задохнулся в колодце в 19.04.1973 году, где проводил работы по замене водопроводного крана.

Вернёмся в начало двадцатого века. Года через два после рождения последнего ребёнка жена Максима Андреевича заболела и умерла. Погоревал он недолго, деваться некуда, детей на ноги нужно ставить, да и хозяйство большое без хозяйки не удержишь. Прослышал, что в соседней деревне Опраксино, что в шести километрах от села Тёплого, недавно овдовела Жучкова Ксения Кузьминична. Она молодая, 22 лет (родилась в 1900 году), ещё детей не успела нарожать. Муж её умер от тифа. Всего два года-то и прожили вместе.

Приоделся Максим Андреевич и отправился свататься. Видно, приглянулся Ксении Максим Андреевич. Через несколько дней приехала она с родственниками в Тёплое смотреть его дом и хозяйство.

В 1922 году сыграли они свадьбу. Уже через год родился их первый ребёнок – Василий. Но видно было не угодно богу, чтобы у Максима Андреевича первые дети в живых оставались. Умер Вася, и года не прожил.

В 1924 году родилась Нина, 8 января 1926 году родилась Мария, а ещё через два года сын Иван.

Такой огромной семьёй жил Максим Андреевич. Трудно жил, но не бедствовал. Вёл своё хозяйство, пока советская власть силы набиралась. В середняках ходил. Своя лошадь была, поросята, куры, гуси. Детям работы хватало всем. Да и отец в строгости держал всю семью.

Самое сложное время была, конечно, зима. Дом большой протопить надо. Лесов вокруг села Тёплого не много. Дрова всегда в цене

были. Скотину кормить, да выхаживать. На зиму поросят забирали в дом. Тут же их кормили и поили.

Началась коллективизация. Того, кто был трудолюбив, и что-то имел в хозяйстве, приписывали к кулакам и середнякам. С лодырей, бедняков, что возьмёшь? Вот они и кричали больше всех на сходках.

Активисты из сельского совета под охраной солдат очистили у Максима Андреевича амбар, забрали весь скот. Не выдержал он такой несправедливости. Всё своё добро нажил собственным трудом и трудом своей большой семьи. Лишь иногда летом, когда были большие урожаи, прибегал к помощи наёмных батраков, с которыми всегда расплачивался в срок.

В 1929 году он уехал по найму в Москву работать на вискозной фабрике. Фабрика располагалась в Мытищах и изготавливала искусственное волокно. Максим Андреевич писал, что возвращаться в Тёплое не намерен и просил жену побыстрее перебираться к нему.

Ксения Кузьминична, оставшись одна, крутилась, как могла, пытаясь прокормить детей. Меняла на хлеб оставшиеся пожитки. Вечерами варила кулеш (кашу). Еды на всех не хватало. Надо было решать, как жить дальше.

Сначала отвезли в Мытищи самого маленького Ивана. В 1931 году решено было отвезти в Москву и Марию.

Марии уже было пять лет и это её первое путешествие, и не просто путешествие, а открытие мира. Представьте себе крестьянскую девчонку, никогда не выезжавшую из своего родного села, не видевшую достижений современной техники. Да это то же самое, что сейчас на Марс слетать! Она смотрела на всё глазами, полными страха и восторга. Она и не догадывалась что мир такой большой и сложный.

Самый ближайший к селу Тёплому был город Данков, но там крестьянам не разрешали садиться на поезд. На дорогах к вокзалу стояли специальные милицейские заслоны. Люди шли пешком за 20 километров в село Палитово, где ненадолго останавливался поезд.

Ксения Кузьминична собираться начала заранее. Договорилась с родственницей, тёткой Дарьей, чтоб за детьми присмотрела. Нюре наказала старшей быть. Хлеба и других припасов в узелок собрала. Документы и деньги подальше спрятала, да ещё и зашила двойной крепкой ниткой. Поплакала для порядка. Да и как не плакать. В Москву, видано ль!

Рано утром отправились. Марию на телегу пришлось определить. Хорошо, что Митяй мужик не вредный, согласился, да и взял недорого. Дорога все-таки тяжёлая, а тут ещё с маленькими детьми.

Мария ещё с вечера попрощалась с подружками. Они ей завидовали. Вон Ксюшка в прошлом году в Данков ездила, так столько рассказывала. Там и дома большие, каменные в три этажа. И дороги мощёные, а по ним на конках ездят. Даже машину на резиновом ходу один раз видели. А люди по деревянным тротуарам ходят. А в лавках и магазинах столько товара, что глаза разбегаются. Ксюшке платок в Данкове купили, так она его бережёт, просто так не надевает. Только на праздники.

Мария сидела на телеге и мечтала: «Какая она Москва? Красивая! Там царь жил и Ленин. И там кремль. Отец открытку прислал, она видела». Телега прыгала на кочках и скрипела, как будто жаловалась на тяжёлую жизнь. Митяй дымил самокруткой и матерился сквозь зубы. За телегой шла мать, то отставая, то снова нагоняя и улыбалась Марии усталой, вымученной улыбкой.

На станции Политово людей было много. Мать оставила Марию с какой-то тёткой, строго настрого приказав не куда не уходить и держать узелок покрепче, а сама куда-то убежала. Мария двумя руками прижимала узелок к груди и всё смотрела по сторонам. Она никогда не видела столько людей сразу. Все куда-то бежали, одни в одну сторону, другие в другую. Казалось, это такая игра, постараться не сбить друг друга. Люди были разные. Вон прошёл носильщик в белом длинном переднике, таща на плече огромный чемодан. За ним семенит маленький толстенький дядька в смешной шляпе. Не спеша, прошли две девицы, лузгая семечки, они громко смеялись, посматривая на молодого милиционера, стоявшего посредине этой движущейся толпы. Бородатый крестьянин тащил два мешка доверху чем-то набитые. Дядька в красивой чёрной форме, в фуражке с кокардой постоянно свистел в свисток, когда кто-то близко подходил к железной дороге. Какая она «железная дорога»? Мария её так и не видела. Постоянно идущие люди не давали ничего рассмотреть впереди.

Подошла мать, неся два билета. Перекрестилась в тихую, подхватила котомки и, приказав не отставать, стала протискиваться вперёд. Марии ничего не оставалось делать как, ухватившись за подол её платья одной рукой и прижимая узелок к себе другой из всех сил пробиваться за матерью. Наконец-то они остановились, и Мария увидела железную дорогу. Две длинные блестящие железки лежали на деревянных толстых брёвнах. Она даже немного расстроилась. Но тут все задвигались, дядька в чёрной форме засвистел, послышался какой-то гул, фырканье, лязг и раздался длинный гудок. Мария даже присела от неожиданности. Из-за поворота, куда убегали железные рельсы, показался паровоз, весь в клубах белого пара, а из трубы валил чёрный густой дым. Паровоз снова пронзительно загудел и начал фыркать ещё сильней. Казалась, эта махина, дышащая дымом и паром,

двигается прямо на Марию. Она взвизгнула, и схватившись за мать, уткнулась ей лицом в подол и закрыла глаза. Однако любопытство оказалось сильнее страха, и через секунду она уже выглядывала одним глазом, а ещё через какое-то время смотрела, как за паровозом тянутся вагоны, в дверях которых стояли люди в форме и держали жёлтые флажки, а из окон выглядывали пассажиры. Вагоны остановились, и мать, схватив Марию за руку, вместе с другими побежала к ним.

Деревья, поля, деревья – мелькание за окном быстро утомило Марию, и она заснула. Ей снилась Москва, как праздничный пряник, сладкая и вкусная. Её встречает отец и они, взявшись за руки, идут в гору. Идти тяжело, но они идут. Из-за горы видится свечение. Оно всё сильнее и сильнее. И вдруг кто-то толкает Марию и свечение пропадает. Снова толчок, лязг металла, фырканье. «Мария, вставай, приехали» – голос матери, и Мария открывает глаза. «Москва? Москва?» – спрашивает она. «Москва» – устало отвечает мать – «Пошли».

В Москве остановились у дальней родственницы ещё по первому браку с Жучковым. Тётя Маня давно уже жила в Москве. Её муж военный редко бывал дома, и она сумела приютить Ксению Кузьминичну, то ли родственницу, то ли просто односельчанку. Хотелось поговорить, узнать, кто как живёт. Марию накормили жареной картошкой, напоили чаем с сахаром и белым хлебом и уложили спать на пуховую кровать. Это было счастье! Она, засыпая, улыбалась и представляла, как приедет в Тёплое и будет рассказывать подружкам про Москву. Ксения Кузьминична и Маня ещё долго сидели на кухне и вспоминали свою молодость, своих родственников, детей.

Москва в 1930 году

На следующий день поехали в Мытищи. Марии запомнилась красивая, зелёная, чистая Москва. Высокие здания отсвечивали в утреннем солнце сверканием окон. Звонки трамваев, тёмно-красных вагонов, громыхающих на рельсах, пугали, и она вздрагивала от неожиданности. На перекрёстке двух больших улиц постовой милиционер лихо размахивал полосатым жезлом и свистел в свисток. Вокруг много красиво одетых людей. Кто-то спешил, ни на кого не обращая внимания, кто-то, как Мария, вертели головами, неуверенно переходя улицу и, постоянно спрашивая у прохожих, как пройти. По улицам ездили машины и сигналили. Везде шла торговля, в магазинах, киосках, лотках. Ксения Кузьминична держала перед собой бумажку, на которой Маня написала ей, как добираться и время от времени спрашивала прохожих, боясь заблудиться. Сначала ехали на трамвае, потом наняли конку.

Сказка кончилась. Отец жил в большом сером бараке с огромным количеством коек. Некоторые были отгорожены простынями. Значит, здесь жили семейные. Сначала Марию уложили спать вместе с матерью прямо на полу, между кроватей, постелив какой-то грязный, рваный матрац. В бараке пахло потом, слышался храп и стоны, где-то ругались. Мария тихо плакала, вспоминая мягкую чистую пуховую кровать у тёти Мани. Наверное, тогда в неокрепшей молодой душе зародилось желание, впоследствии переросшее в цель. Она должна жить хорошо. У неё обязательно должен быть свой дом, большой и чистый. И много детей.

Через несколько дней мать уехала обратно в Тёплое забирать Нину.

В бараке прожили почти два года. Когда мужчины уходили на фабрику, женщины работали по дому. Работали и Нина с Марией. Помогали убирать, готовить еду. Особенно часто их посылали чистить картошку. Вокруг большого жбана рассаживались женщины, вооружённые ножами. Причём каждый имел свой нож, который приносил с собой. Рядом высыпали два мешка картошки. Марии казалось, её было очень много, и она была очень мелкая, половина гнилая. Мария вспоминала картошку с их огорода в Тёплом, большую, крепкую. Чего только не наслушались девочки в бабьем коллективе за нудной и долгой работой. Эта была их плата за возможность жить в бараке рядом с родителями.

В 1933 году Чураковым дали квартиру в коммуналке в Мытищах. Постепенно в Мытищи перебралась вся семья. В Теплом осталась только Нюра, которая собиралась выйти замуж. Жили тесно и трудно. Отец оборудовал в сарае мастерскую и сам делал мебель и всё

необходимое для дома. Максим Андреевич был человеком трудолюбивым, и руки у него были «золотые». Всё за что бы он не брался, у него получалось. Он опять имел свой, хоть и не дом, так угол. У него появилось что-то своё, и он готов был ради этого работать день и ночь.

1933 год вообще был значимым для семьи. В этот год Мария пошла в школу. В 1933 году уехал учиться в военное училище морских лётчиков Николай. Через три года он прислал свою фотографию, и Мария показывала её подругам, которые с завистью смотрели на молодого красивого парня в морской форме. Мария гордилась своим братом. В 1933 году забрали в армию и Григория. Провожали его всем двором с песнями и плясками, как водится, на Руси. Только мать всё плакала и обнимала украдкой сына.

Николай Чураков. 1936 г.

Приехал из села брат Максима Андреевича. Коллективизация его тоже прижала, и жить дальше так он тоже не смог. Он устроился работать завхозом в детском саду в Мытищах. Потом приехала его троюродная сестра. Она стала работать на вискозной фабрике. Так постепенно в Мытищах образовалась целая колония выходцев из села Тёплое.

В Мытищах в коммунальной квартире прошли детские годы Марии. Она хорошо училась, и ей доставляло огромное удовольствие утром, аккуратно одевшись, причесавшись, отправляться в школу. Она успевала не только учиться и помогать матери, но и заниматься в кружках и участвовать в общественной жизни школы. Ксения Кузьминична не очень-то и привлекала Марию к работам по дому. Они с Максимом Андреевичем видели, что дочь в науках смышлёная удалась, и решили, пусть учится, а там посмотрим. Мария занималась в танцевальном кружке, а на праздники школа устраивала концерты. Прямо на школьном дворе перед стоявшими родителями прошли её первые выступления.

Мария Чуракова. 1938 г.

Она любила читать и с удовольствием ходила в библиотеку. Ей нравилась сама атмосфера, обилие (ей тогда так, казалось) книжных полок, интеллигентная старенькая Антонина Петровна, как говорили, из бывших, которая ненавязчиво советовала и разъясняла. А потом вечером, уютно устроившись в углу комнаты под лампой, прикрытой абажуром, сделанным самим Максимом Андреевичем, уноситься вместе с героями книг в другой мир, такой далёкий и манящий. Цель, некогда как мечта, пронёсшаяся в детском воображении, становилась ясней. Она ставила перед собой задачи и старалась, как могла решать их. А бог её вознаградил за эти старания, дав твёрдость духа и умную голову.

Летом всей семьёй ездили в Тёплое. Дом Чураковых стоял закрытый и его никто не занимал. В родном доме Максим Андреевич старел на глазах. Он притихал и уходил в себя. Сначала долго обходил дом и участок, что-то бормоча себе под нос. Затем доставал спрятанные в подполье инструменты и начинал работать. Он работал все дни, что они находились в деревне, что-то строгал и приколачивал, пилил и копал. Ксения Кузьминична сначала ворчала на него, стараясь отвлечь, но потом махнула рукой и детям приказала не мешать отцу. В селе оставалось много родственников и знакомых, и Мария проводила всё время на улице со своими подружками. Там в селе Тёплое к ней пришла первая детская любовь. Она, городская, почти москвичка, конечно, притягивала взгляды деревенских парней. И ей было в радость наслаждаться своей красотой и образованностью среди местных сверстников. Недалеко от их дома жила семья Егарминых. Миша, который был всего на два года старше Марии, все время пропадал у их дома.

М. Чуракова. 1938 г

– Смотри, вот и жених объявился – шутила Ксения Кузьминична, чем вгоняла Марию в краску.

Михаил был высокий, скуластый с русой шевелюрой. Они не раз сидели на скамейке возле дома, и Мария рассказывала ему о Москве, о школе, о прочитанных книгах. Тогда уже в первый её приезд Михаил твёрдо заявил, что тоже обязательно выучится и тоже будет жить в

городе. Каждый приезд Чураковых в Тёплое укреплял дружбу Марии и Михаила.

Мария Чуракова с родственниками и друзьями. Село Тёплое. 1938 г.

Но недолго лето, быстро летит время, и она уже скучала по школе, по книгам. Ей хотелось быстрее к мытищинским подругам.

В 1937 году из армии вернулся Григорий. Возмужавший, сильный, настоящий мужчина. Он не долго надоедал родителям и ушёл жить в общежитие фабрики, устроившись туда работать. Страна была на подъеме, и молодых рабочих рук везде не доставало.

Чураков Алексей. 1939 г.

В 1938 году в армию забрали Ивана, младшего брата. Он попал служить на Дальний Восток и присылал интересные письма с описанием природы того края.

В 1940 году Григорий женился, и в мае 1941 году у него родилась дочь – Алиса.

В 1939 году забрали в армию и Алексея, младшего из сыновей Максима Андреевича от первой жены.

В 1941 году Мария с отличием закончила семь классов Мытищинской школы № 2. Её наградили почётной грамотой, которую вручили прямо на родительском собрании.

Максим Андреевич сидел в первых рядах, серьезный, высоко держа голову и гордый за дочь, и за то, что он выполнил обещание выучить детей, чтобы не хуже, чем у других были.

16 июня 1941 года Мария подала документы в Мытищинский авиационный техникум. Экзамены сдавать было не надо, и поэтому домашние решили отправить её отдохнуть. Николай после окончания военного училища служил в Ейске в морской авиации. Он присылал красивые фотографии, которые Мария с гордостью показывала подругам.

Чураков М.А. 1941 г.

Он только что женился, и молодой семье выделили целую квартиру в военном городке. Его жену звали Надя. Сборы были недолгими. Ксения Кузьминична все проверяла, хорошо ли запрятаны деньги, не забыли ли чего-нибудь, да крестила Марию потихоньку, а Максим Андреевич стоял молчаливый, спокойный и только ласково посматривал на дочь. 19 июня 1941 года Марию посадили на поезд, и она поехала в город Ейск (Краснодарский край).

Мария Чуракова. 1941 г.

В поезде было весело. Мария первый раз ехала одна, но ничуть не боялась. Рядом на полке разместился молодой морячок, который всех развлекал весёлыми байками, а потом угостил Марию сушёной таранью. За окнами мелькали деревья, дороги, деревни. Стучали колеса, и вкусно пахло варёной курицей, которую ели за соседним столиком.

На вокзале Марию встречали Надя и Николай. Марию очень хорошо приняли. Чувствовалась неподдельная теплота и забота. Ей предоставили большую мягкую кровать. Рядом стояла тумбочка с кружевной вышитой салфеткой, на которой каждый день в небольшой вазочке обновлялись цветы. Это Николай, возвращаясь с аэродрома, непременно приносил два маленьких букета жене и сестре.

Мария была счастлива. Она подружилась с милой Надей. Она гуляла по городу, наслаждаясь южной красотой и не привычными растениями. По вечерам Надежда пекла блины. Они садились за круглый стол под оранжевым абажуром и ели их с маслом и сметаной, запивая молоком или чаем. Потом долго разговаривали, пели песни.

Сразу после отъезда Марии Максим Андреевич поехал в деревню. Ему уже не раз говорили, что с домом надо что-то решать.

Советская власть не позволит, чтобы такой большой дом пустовал, когда другим жить негде. Напомнили и про раскулачивание в 1929 году, когда только переезд его в Мытищи позволил избежать тюрьмы да лагерей. Особенно неприятный разговор состоялся в его последнее посещение села Тёплого с Яшкой Прохоровым. Теперь, пожалуй, Яков Петрович, районный чекист. Это до революции Яшкой голопузым был. Первым лентяем и бузотёром. Он прямо сказал, больше можешь не приезжать. Дом заберём. Вот и поехал Максим Андреевич в Тёплое. Думал в последний раз. Он продал свой большой дом всего за 2000 рублей. Дом действительно пустовал. Все Чураковы разъехались из села кто, куда.

Чураков Николай Максимович. Город Ейск. 1941 год

22 июля 1941 года началась война. Но это обстоятельство сначала не очень всех встревожило в Ейске. Мария написала письмо отцу и матери в Мытищи: «За меня не волнуйтесь. Приеду домой сразу после войны. Она быстро закончится». По радио звучали патриотические песни. Вокруг обсуждали, как мы дадим Гитлеру под зад. Но этот победный настрой продолжался недолго. Со временем всё уже не казалось таким простым и ясным. Сводки с фронтов хоть и приходили скупые, но и они вызывали тревогу. Всё больше просачивалась информация о действительных делах на фронте, всё чаще хмурый приходил домой Николай. Однажды он пришёл в неурочное время. Было всего 2 часа дня.

– Собирайтесь. Живо. Часть переводят в Мариуполь. На сборы отпущено всего два дня – сказал он и тут же уехал.

Надя с Марией стали собирать вещи, паковать их в чемоданы, связывать в узлы. Их было много. Оставлять нажитое было жалко. Они пытались по дешёвке что-то продать, что нельзя было увезти. На них

смотрели, как на сумасшедших. Город Ейск военный и все собирались так же, как и они. Наутро за ними приехала военная полуторка, и солдаты начали всё грузить в кузов. Получилось много. В Мариуполь должны были ехать морем на большом военном катере, и когда машина, приехав на пристань, начала разгружаться, к ней подскочил взъерошенный военный.

– Чураков, мать твою! Ты куда собрался? Бросай своё барахло, мать твою! – кричал военный, не стесняясь присутствия Нади и Марии.

Николай еле упросил командира взять всё, тут же получив выговор за большое количество вещей.

В Мариуполе долго не задержались. Прямо на пристани всех распределяли по новым местам назначения. Николаю было приказано отправляться в г. Бердянск и далее на станцию Безенчук (под Куйбышевым). На этот раз сборы были недолгими. Их уже ждали машины. Из всех вещей взяли с собой только два чемодана, остальное оставив коменданту пристани.

Ехали в теплушках все вместе, и военные, и штатские (в основном их семьи). По дороге вагон уплотняли прибившиеся беженцы. В вагоне было душно, несмотря на то, что он продувался со всех сторон. Поезд ехал очень медленно, подолгу останавливаясь на перегонах, пропуская военные эшелоны, идущие на запад. Не хватало воды. Плакали дети. На станциях мужчины отправлялись за водой, рискуя отстать от поезда. Никто не знал, когда он отправится дальше. На одной из станций не успел Николай отбежать в сторону здания вокзала, как поезд тронулся. Не простояли и десяти минут. Надежда, подскочив к двери, что-то кричала, размахивая руками. Кричали и другие. Николай успел вскочить в последний вагон. Другой раз простояли почти сутки.

Под станцией Синельниково их эшелон попал под бомбёжку. Поезд вдруг резко дёрнулся, завизжали тормоза, и он остановился. Раздалась команда, «воздух!». Все закричали. Никто не знал, что делать. Кто-то хватал вещи, кто-то, схватив детей, забивался в угол вагона. У дверей образовалась пробка.

– Из вагонов, из вагонов – раздавалось со всех сторон.

Мария уже в проёме увидела испуганное лицо Николая. Он что-то кричал. Она не слышала. Она вскочила на ноги, и тут же, получив толчок в спину, упала на пол вагона, больно ударившись коленом. Это падение отрезвила её. Она вскочила, кого-то оттолкнула уже сама. «Где Николай? Где Надя? Бежать, бежать!» – билось в мозгу. И она бежала. Бежала со всеми вместе, не разбирая дороги, подальше от поезда. Карабкалась по склону насыпи, ногтями цепляясь за траву. Где-то, совсем недалеко разорвалась бомба, что-то загрохотало, свистело. Мария упала на землю, закрыв голову руками. Кто-то кричал, кто-то

звал на помощь. Рядом лежал военный, прикрывая собой молодую женщину. Мария заметила их ещё в вагоне. Они не отходили друг от друга, всё время, держась за руки, смотрели друг другу в глаза. Раздалось ещё несколько разрывов, уже дальше, не таких страшных, как первый. Мария пролежала несколько минут и посмотрела на военного. Он, привстав на одно колено, смотрел в сторону поезда, потом перевёл взгляд на небо.

– Вставайте – сказал он, отряхнувшись и помогая встать молодой спутнице – кажется, пронесло.

Мария шла за военным, и всё крутила головой, ища Николая и Надю. Люди поднимались, слышались команды «По вагонам!».

– Не волнуйтесь – молодой военный увидел беспокойство Марии – главное, идите к вагону, там встретитесь – сказал он и ободряющее улыбнулся.

Так и оказалось. Николай с Надеждой были уже возле вагона.

– Как ты? – только и спросил Николай.

– Ничего – Мария уткнулась брату в грудь – нормально.

Приехали в Куйбышев. Это было уже далеко от фронта. Это был тыл. В город прибывало много беженцев, военных, отправленных для подготовки молодых призывников. В их число отлично зарекомендовавший себя в Ейске попал и Николай. На аэродроме под городом он должен обучать практическим навыкам молодых лётчиков, только что окончивших военные училища и призывников, давно не имевших практики.

Куйбышев (Самара). Лето 1941 г.

В городе творилась полная неразбериха. Жилья не было, продуктов не хватало, и жить приходилось на военное пособие Николая. В начале их поселили в каком-то сарае. Через некоторое время перебрались в подвал. Чемоданы в дороге потерялись. Надежда и Мария остались практически без вещей. Мария одевалась во что придётся, что удавалось найти, достать, что приносил Николай с аэродрома. На ногах старые унты, замотанные сверху обмотками, чёрное длинное, до самых пят, пальто, без пуговиц и серый от времени и пыли платок на голове.

Жизнь понемногу налаживалась. Куйбышев был определен городом, в который в случае чего должны были переехать наши самые верховные руководители страны. В народе говорили, что запасная ставка самого Сталина располагалась в Куйбышеве глубоко под землёй. Власти быстро навели порядок военного времени. Ввели комендантский час. Появились военные патрули. Организовали размещение эвакуированных. В город переехало много заводов, и всё свободное население было занято работой. В сентябре открылись школы. Мария хотела пойти учиться в восьмой класс, но у неё не оказалось с собой нужных документов, и её не взяли. Всё свободное время в основном уходило на помощь Надежде по хозяйству. Ходила через весь город в ближайший колхоз за керосином, таскала дрова и воду, стояла в очередях за хлебом. Иногда подрабатывала за продукты, помогая жёнам военных по хозяйству. Николай приносил книги из гарнизонной библиотеки, и Мария с удовольствием читала по вечерам, усевшись поближе к печке и притушив керосиновую лампу, экономя топливо.

Как только началась война, Ксения Кузьминична с Ниной уехали в деревню. Максим Андреевич сначала остался в Мытищах, но к 1942 году тоже перебрался в деревню. Они купили хижину – стены, плетённые из прутьев и замазанные глиной, земляной пол. Начали её понемногу обживать. В июле 1942 года, как только ей исполнилось 18 лет, пришла повестка Нине. Ксения Кузьминична плакала.

– Максимушка, девчонка же совсем, куда же её на войну – всхлипывала она, утирая кончиком платка глаза.

– Это все Яшка Прохоров – поделился мыслями Максим Андреевич с женой – не могли документы так быстро из Москвы прийти.

Нину направили на курсы военных водителей в районный центр город Данков. Уже в 1943 году её, совсем ещё молодую девчонку направили на фронт. Она подвозила снаряды на полуторке к артиллерийским батареям. Разгружала тяжёлые ящики, попадала под обстрелы. В 1944 году с Ниной случилась фронтовая любовь. Майор Еланцев уж больно засматривался на Нину. В 1945 году Нина забеременела, и её комиссовали из армии. У майора, как и следовало,

Чуракова Нина Максимовна

ожидать оказалась семья – жена и дети. В марте 1946 году у Нины родилась дочь Людмила. Многие молодые девчонки, попавшие на фронт, оказались в роли ППЖ (передвижная походная жена), как их называли фронтовики. Война списывала многое. На такие случайные и даже более длительные связи командование закрывало глаза. Только ли подвозчиками снарядов, радистками и санитарками призывали молодых девушек? Сколько таких неустроенных судеб, детей без отцов оставила война. Не одно поколение в нашей стране испытало её последствия.

Мария оставалась в Куйбышеве. В январе 1942 года, когда ей исполнилось 16 лет, она начала оформлять паспорт и собираться домой в деревню. Она списалась с родителями, и они сообщили ей, что перебрались на время войны в деревню. Сразу ехать было нельзя, зима. Одёжки тёплой нет, а тут дорога длинная. Пришлось дожидаться весны. В мае Мария собрала свои нехитрые пожитки в узел и попрощалась с братом и его женой.

На все годы у неё останутся самые тёплые отношения с Николаем. Он прошёл всю войну. Работал лётчиком-испытателем. Выйдя на пенсию, купил дом в Мытищах. В 1997 году Мария Максимовна с дочкой и зятем заезжала к нему в гости. Его дом, больше похожий на лачугу по нынешним меркам, превратился со временем в лавку знахаря. На потолке, стенах, в прихожей и комнатах, всюду висели сушёные травы. На полках, подоконниках, в шкафах стояли пыльные банки, бутылки и бутылочки с какими-то настоями. На стенах старые выцветшие репродукции и плакаты. Двор, наполовину заросший бурьяном, с остатками полусгнивших брёвен и досок, пустых ржавых бочек, каких-то коробок, банок и ящиков, остатков шифера и металлической жести напоминал трущобы. Везде был дух старости, запустенья, грязи и ненужности.

Как меняется человек старея, закрывается в своём мирке, не пуская в него никого, способного нарушить порядок вещей и привычек, выстраиваемый десятилетиями, так и его дом, как отражение

этого мира, становится на него похожим. И живёт он только потому, что живёт человек. Не станет человека, не станет и дома. Налетит стая молодых потомков, без прошлого, без почтения, уничтожит саму память и умрёт дом. Наверное, это и правильно: дом для живущего, а для его детей их собственный дом и их память. Только хочется всё-таки, чтобы хоть иногда последующие поколения доставали из пыльных чуланов вещи, сдували с них пыль и смотрели, и трогали, и вспоминали, какие были их родители, их бабушки и дедушки, их предки.

Ехать Марии пришлось очень долго на поездах с пересадками, задерживаясь на станциях из-за отсутствия билетов и возможности попасть в вагон. Наконец через неделю она оказалась в городе Лев Толстой. Это уже было совсем недалеко от дома. Мария и раньше была на этой железнодорожной станции, когда ездили всей семьёй в деревню. В её записной книжке, которая всегда была с ней, сохранилась схема железной дороги от села Тёплое до Москвы.

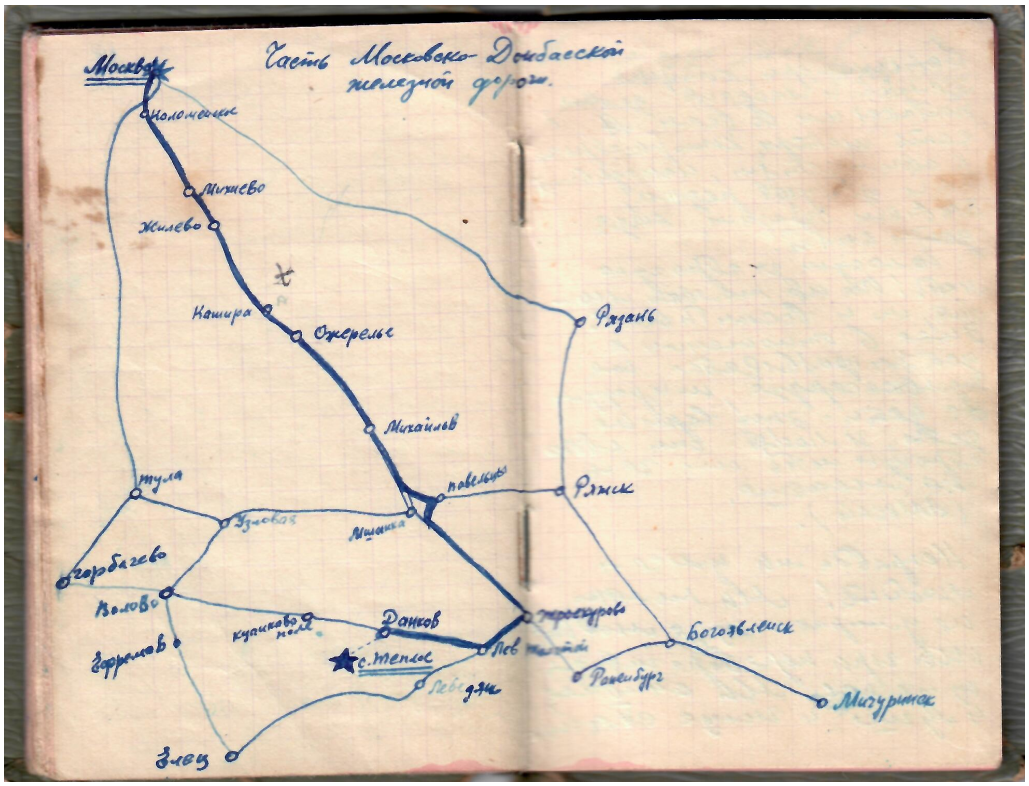

Схема Московско – Донбасской ж. дороги из записной книжки Марии

Станция была забита военными эшелонами, сновали беженцы вперемешку с военными. Это был крупный железнодорожный узел в то время. Мария вышла на дорогу, которая начиналась прямо за

станцией. Голосовала она не долго. Из остановившейся полуторки выглянуло весёлое молодое лицо водителя.

– Куда тебе, чумазая? – спросил он.

– В Данков, а дальше в Тёплое – ответила Мария.

Она действительно была чумазая, то ли загорелая, скорее грязная, прокопчённая дорожной пылью, длинная и худая.

– В Тёплое не обещаю, а до Данкова доставим в лучшем виде. Залезай в кузов – скомандовал водитель – там пусто, едем за грузом на комбинат.

– Не болтай – буркнул, сидевший рядом угрюмый мужик и обнимавший объёмистый портфель.

Мария быстро перемахнула через борт и устроилась в углу на каком-то ящике. Дорога вся в ухабах да ямах и Марию бросало из стороны в сторону. Она двумя руками схватилась за борт машины, который весь скрипел и ходил ходуном, как живой. Ящик не раз из-под неё выскальзывал, и ей нужно было его ловить. Да ещё колесо, которое лежало в кузове, все норовило придавить Марию. От него приходилось изворачиваться или отталкивать, упираясь в него ногами. Её узел уже давно оказался у другого борта, и она следила, как бы он не выпрыгнул на дорогу на очередной особенно большой кочке. Машина остановилась, не доезжая города на развилке дорог.

– Нам направо, Вам налево – высунулся из окна весёлый водитель – эта дорога прямо в твою деревню и приведёт.

– Я знаю – ответила Мария, с радостью покидая кузов автомашины – Спасибо Вам!

– Не за что. Будь счастлива, чумазая! – махнул рукой парень, и машина скрылась в клубах дорожной пыли.

Мария оглянулась. На дороге никого не было видно. Она достала маленькое круглое зеркальце, которое хранила ещё с Мытищ и посмотрела на себя.

– Ишь, чумазая! Сам-то, наверное, не лучше – буркнула она. На неё смотрели большие печальные глаза на действительно чумазом исхудавшем лице. Мария ждала долго, пока на дороге не показалась телега, запряжённая куцей лошадёнкой.

– Тпррр! Зараза! – остановил телегу дед, сидевший на соломе в потёртом ватнике и ушанке, несмотря на летнюю жару – Куды собралась, молодая?

– В Тёплое, дедушка, домой. Не захватите? – как можно ласковей спросила Мария.

– Домо-о-й – пропел дед – Чьих же будешь? Не признаю что-то?

– Чуракова я, Мария!

– Чурако-о-о-ва – опять затянул дед – Максима, что ль?

– Да, да Максима Андреевича, младшая – радостно закивала Мария.

– Ну, садись, что ли. Максим, мужик основательный – одобрительно сказал дед – Но-о-о! Родимая! – и телега медленно двинулась по дороге.

Так Мария приехала в родную деревню. Шло лето 1942 года.

Родительское тепло быстро отогрело Марию, молодость брала своё. Максим Андреевич основательно потрудился, и хижина приобрела некое подобие дома. Он побелил глиняные стены, предварительно законопатив и замазав щели. Перекрыл крышу свежей соломой, настелил деревянный пол и даже смастерил кое-какую мебель. Мария всё лето проводила, помогая родителям. В своём доме всегда найдётся работа, и лишняя пара рук пригодится. Во дворе бегали куры и пара гусей. Максим Андреевич отдал последние сбережения, чтобы купить хоть какую-нибудь живность. Он не мог существовать в доме без своего хозяйства. Видно, это сидело у него в крови, и нельзя было вытравить никакой коллективизацией. Он один раз только сходил, посмотрел на свой родной дом. Там жили другие люди, какие-то приезжие из города. Пришёл он расстроенный, и больше старался не заходить даже на свою бывшую улицу. Вечерами Мария проводила с Михаилом Егарминым. Ему исполнилось 18 лет, и он со дня на день ожидал повестку из военкомата. Неизвестно как сложилась бы судьба этих молодых людей, если бы в то же лето Михаила не забрали в армию.

Осенью 1942 года Мария пошла в 8-й класс. Десятилетка была только в соседнем селе, и ходить приходилось пешком около пяти километров. Мария училась с удовольствием и как всегда хорошо. Она твёрдо решила после войны поступать в институт. Ей хотелось в медицинский и смущало только отсутствие иностранного языка в школе, потому что не могли найти учительницу.

Григорий Чураков. 1941 г.

Весной 1943 года пришла похоронка на Григория. Он погиб в феврале под Харьковом, а похоронка пришла только весной. Он так почти и не видел свою дочь. Его забрали в первый месяц войны. Родители так и не узнали, где могила сына.

В 1945 году Мария закончила десять классов и поехала в Москву поступать в институт. Она пыталась осуществить свою мечту и подала заявление и

документы в медицинский институт. Но её опасения оказались верными, для поступления необходимо было сдавать иностранный язык. Марии пришлось подавать заявление в Московский финансовый институт.

Студенческие годы были самые счастливые для Марии. Оживала страна после войны и в первую очередь Москва. Счастливые люди, которым казалось, что самое страшное теперь позади. Подъём ощущался во всем. Мария училась легко. Она жила в общежитии института. Вместе с подружками, такими же, как она, приезжими, впитывала столичную жизнь как губка. А эта жизнь так отличалась от той, деревенской. Мария решила для себя, что она никогда не вернётся снова в деревню. Она много читала, ходила в театры, кино и на выставки. Она училась всему – разговаривать, одеваться, вести себя на людях. А ученица она оказалась хорошая. В 1945 году с фронта вернулась сестра Нина. Она осталась жить в Мытищах в квартире родителей, которые оставались пока в Тёплом.

Нина и Мария Чураковы 1945 г

Как-то раз приехали её проведать братья Михаил и Николай. Они гуляли по Москве, ели мороженное, а потом сделали на память фотографию.

Мария с братьями Михаилом (слева) и Николаем (справа) 1945 г.

Вернулся с фронта и Михаил Егармин. Он выпросил у родителей адрес и написал ей письмо. В письме лежала фотография. «Другу по сердцу Марии от Миши. 7.11.47 г.». Мария была рада такой надписи, но романтическая детская любовь прошла. У неё появилось много знакомых по институту молодых людей. Они вместе проводили свободные вечера, танцевали, влюблялись. Возвращаться в прошлое не хотелось. Впереди было будущее, которое рисовалось прекрасным.

Студенческая стипендия не велика и Мария экономила на всем, чтобы хоть как-то не отставать от других. Иногда приходила помощь от родителей, в основном виде посылок с продуктами. На каникулах она навещала родителей, которые так и продолжали жить в переделанной хижине в селе Тёплом.

В общежитии

В 1949 году Мария окончила институт и по распределению вместе с пятью подругами была направлена на работу в центральный банк города Брянска. Марии так не хотелось уезжать из Москвы. Она не знала про этот Брянск ничего, но в то время все молодые специалисты обязаны были отработать там, куда их посылала родина. Девчонок поселили в общежитии, наскоро оборудованном на чердаке здания банка, который находился в центре города. Брянск — это не Москва, но всё же и не село Тёплое, и Мария не отчаивалась. Она начала работу основательно, с решимостью и аккуратностью, как и всё, что она делала. На них смотрели с завистью, как же, выпускницы московского института, москвички! Хотя девушки были совершенно из разных мест: Горького, Барнаула, Харькова. Мария с гордостью несла звание москвички, старалась быть первой во всём. Зарплата (87 рублей) - это уже не стипендия и ей хватало одной, чтобы достойно одеваться, организовать уют на чердаке банка и даже покупать иногда вкусные продукты.

Окончание института 1949 г.

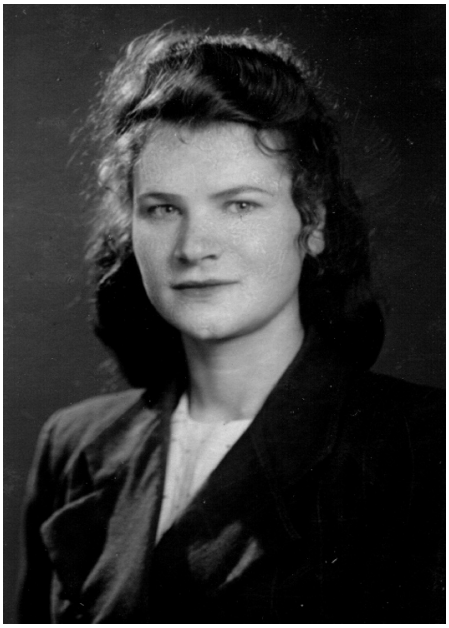
Вся жизнь проходила в банке. Утром умывались, причёсывались в туалете, спустившись по крутой лестнице этажом ниже. Шкафы заменяли вбитые в

Центральный банк. Брянск. 1950 г.

стены гвозди, накрытые старыми простынями. Рядом с железными кроватями стояли самодельные тумбочки. Плотник Иваныч смастерил их из остатков досок, валявшихся во дворе банка.

Девушки смогли внести уют и в эту спартанскую обстановку. Появились салфеточки, шторочки, оборочки. На тумбочках стояли банки с цветами. На стропилах привесили радио, которое в 6 часов утра гимном Советского Союза поднимало всех на работу. К 8 часам все в белых блузках, чистенькие и нарядные спускались на свои рабочие места.

Мария Максимовна Чуракова 1950 г.

В банке часто устраивали вечера с танцами. В здании имелся хороший актовый зал с паркетным полом и колонами. Здание старой постройки не пострадало во время войны. Вечера в банке считались престижными, и молодёжь стремилась попасть на них. На таком вечере и произошло знакомство Марии с молодым чубатым инкассатором. Она и раньше замечала его в коридорах банка и даже ловила на себе его взгляды. Владимир оказался весёлым, разговорчивым и хозяйственным. Учился он в финансовом техникуме и строил собственный дом. Сначала встречались все вместе, ходили гулять в парк, в кино, на танцы.

Потом стали вырисовываться симпатии. Владимир отдавал особое предпочтение её подруге Алле и ей. Но у Аллы были совсем другие интересы. Её заинтересовал сын управляющего банком, и она прикладывала все усилия, чтобы упрочить это знакомство. Постепенно девчонки, с которыми Мария приехала в Брянск, начали разъезжаться:

кто уехал обратно в Москву, кто на родину, кто замуж вышел. Опустело общежитие под крышей городского банка. Всё больше времени Владимир и Мария оставались вдвоём.

В 1950 году Владимир Бокаринов сделал предложение Марии Чураковой. Она не долго думала. Надо было организовывать свою семью, свой дом.

В. Бокаринов и М. Чуракова с подругами на прогулке в парке Брянск. 1950 г.

В Л А Д И М И Р

Как попал в 1905-1907 годах в Брянск Бокаринов Михаил Ипатьевич – 1883 года рождения, уроженец Тульской губернии, никто из соседей по улице точно не знал. Говорили всякое: то ли бежал он от помещика, которого огрел оглоблей, то ли из-за большого долга скрывался, то ли неразделённая любовь тому причина.

Михаил устроился работать в парикмахерской железнодорожного вокзала «Брянска-1». Несмотря на молодость, дело своё, брадобрейское, знал неплохо и ловко орудовал ножницами и бритвой. Да и народ к нему ходил нетребовательный. Какие тут изыски на вокзале? Так время скоротать до поезда, либо мальчонку какого подстричь. Шёл в основном народ простой, работящий. Подешевле на вокзале-то будет, чем в городе.

Вокзал города Брянска в начале 20 века

Уже в те годы станция «Брянск-1» была большим железнодорожным узлом, через который шли поезда на запад, на Украину и Белоруссию. Он, как большой магнит притягивал людей. Здесь постоянно и днём и ночью кипела жизнь, перемещались людские массы, происходили разные события. Кто-то уезжал, а кого-то встречали. Подъезжали телеги, конки и кареты. Носильщики в белых грязных фартуках, крича: «Поберегись!», тащили чемоданы, баулы, коробки. Среди толпы шныряли малолетние воришки, норовившие что-нибудь стащить у зазевавшегося мужика или городского мещанина. Стайки цыганок перехватывали, кого побогаче, предлагая погадать. По виду городские мастеровые, резались в карты, оглашая вокзал азартными криками. Водка, которую можно было купить в пристанционном

буфете, употреблялась, как всегда на Руси, где собирается больше трех человек. Среди разномастной толпы гордо выхаживал городовой, заложив правую руку за борт шинели и выискивая очередную жертву, с которой можно было бы содрать подороже. В воздухе раздавались гудки маневровых паровозов, свистки стрелочников, шипение выпускаемого пара, ржание лошадей, крики людей, чириканье воробьёв и звон колокола на перроне извещавшего о приезде очередного поезда. На вокзале был свой дух, присущий только вокзалам, дух перемен. Перемены вселяли в людей надежды, надежды порождали лирическо-романтический настрой.

С утра Михаил открывал окно и пока не было посетителей наслаждался жизнью вокзала, впитывая её в себя. Ему нравилась постоянная круговерть, и звуки, и запахи. Вокзал жил, а это значит, ему будет работа, будет еда, будет дом. Он стриг и брил, красил и напомаживал. Надо было всем улыбаться и кланяться, выставляя вперёд согнутую в локте руку с перекинутой белой салфеткой. Хозяин, худой длинный чахоточный Афанасий Петрович Золотов, вечно был чем-то недоволен и ворчал себе под нос, проходя мимо. К вечеру Михаил становился усталый и злой. Ему надоедало кланяться и улыбаться, и он готов был взашей вытолкать зашедшего последним патлатого деда, но Афанасий Петрович был рядом. Вечером он выходил из парикмахерской, и его уже не радовала суета вокзала. Михаил часто находил временных друзей, с которыми прилично напивался. Одному зарплаты парикмахера да с чаевыми хватало на жизнь, да и на водку оставалось.

В 1910 Михаил женился. Он выбрал в жены Аграфену Фроловну Кулдыкину. Её семья жила в Брянске сразу за железнодорожным вокзалом или как в народе говорили за линиями. В семье было много детей: Яков, Фёдор, Анна, Мария, Татьяна. Отец Аграфены, Фрол Кулдыкин мужик был видный, хоть и не богатый. Статный знающий себе цену, он пользовался уважением в округе. Даже постарев, став дедом, он не потерял свою статность, и мнение о себе не изменил.

Аграфена была молода, здорова и очень хотела замуж. На посёлке все удивлялись, как это Фрол согласился отдать дочь за этого брадобрея, без роду и племени. После женитьбы Михаил купил небольшой старый дом в посёлке на окраине Брянска-1 (какие-то деньги все-таки были у Михаила, да и Фрол Кулдыкин помог). В этом доме и родились их первые дети. Аграфена рожала почти каждый год. Первенец, сын Володя умер сразу после рождения. А всего у них было семь детей. Михаил – 1911 года рождения, Виктор – 1913, Елена – 1919, Антонина – 1921, Владимир – 1926 (мать назвала Володю в честь первого

умершего сына, потому что он родился маленьким, слабым, и Аграфена думала, что он тоже умрёт), Вера и Надежда - 1928 сестры-близнецы.

Революция почти ничего не изменила в жизни Бокариновых. Михаил по-прежнему ходил на работу в парикмахерскую на вокзале. Аграфена хлопотала по хозяйству, еле сводя концы с концами. Михаил не особенно помогал ей, он не любил и не умел работать. На вокзале частенько напивался с дружками. Возвращаясь домой, он зверел окончательно и гонял по огороду жену и детей, ругаясь трёхэтажным матом, пока окончательно устав, не валился, где придётся, и не засыпал. С утра он снова был тихим и задумчивым. Деньги у Михаила Ипатьевича почему-то водились. На посёлке ходили слухи, что он служил тайным агентом в жандармерии.

В 1926 года Михаил Ипатьевич начал рубить лес и строить дом пятистенку и сарай. Впрочем, строили другие, нанятые из деревни мужики. В доме постоянно толкались люди. Кто-то что-то делал, кто-то что-то привозил, кто-то спал в углу на стружках, кто-то во дворе готовил еду. Особенно много людей перебывало в доме в годы голода.

Детские годы Володи проходили, как и у всех детей Брянской окраины в тридцатые годы двадцатого века. Посёлок занимал выгодное место. С одной стороны он находился совсем недалеко от железнодорожного вокзала, где кипела городская жизнь во всех её проявлениях, с другой стороны он стоял на краю леса. Местные мальчишки знали его, как свои пять пальцев. С малых лет они воспитывались улицей и трудом. Володя ещё мальчишкой со своими сверстниками ходил за грибами, ягодами, орехами и другими дарами леса. Позже он занимался заготовкой дров, перетаскивая связки в дом. В 11 лет Владимир уже косил наравне с взрослыми. Его брали в ряд. Когда идёт ряд косарей, никому нельзя выбиваться из этого ряда, несмотря на возраст. Когда брали в ряд, значит, признавали силу и ловкость.

Отец по-прежнему частенько приходил с работы пьяный и принимался гонять мать и буянить. Однако он был уже не молод. Дети ловили его, наваливаясь всей гурьбой, несмотря на мат и кулаки отца, скручивали его, связывали и укладывали на кровать до утра. Отец рвался, ругался и скрипел зубами, пока не затихал в бессилии.

В 1933 году старшие братья Михаил и Виктор уехали учиться в Московский авиационный техникум. После отъезда братьев Владимир остался в доме за старшего мужчину. Мать уходила работать в столовую, чистить картошку и иногда приносила что-нибудь домой. По дому всю работу выполняли дети. Владимир и Антонина работали в огороде, ухаживали за поросятами. Младшие девочки пасли корову.

Владимир ещё успевал помогать тёткам, которые жили недалеко. Ближе к вечеру все дети собирались домой, сидели на печи и ждали возвращение матери с работы. На печке было тепло и уютно. Они рассказывали всякие страшные истории про ведьм и леших.

Летом всё время проводили на улице. Игры были просты. Карты, осечка (в некоторых местах эта игра называлась в гранку). Зимой старались сидеть дома, потому что не было тёплой одежды.

В 1940 году Михаил Ипатьевич ушёл работать на завод им. Урицкого. За последние годы он сильно сдал. Был худой, слабый, много курил и постоянно кашлял. Перед самой войной он ушёл на пенсию. Умер Михаил Ипатьевич в 1945 году, за год до этого похоронив Аграфену Фроловну.

Владимиру Бокаринову было 15 лет, когда началась война. На окраинах Брянска-1 редко появлялись военные. Вся эвакуация была сосредоточена на станции, где грузились вагоны и формировались эшелоны. Станция была закрыта для гражданского населения. Временами её бомбили. От раскатов взрывов звенели стёкла в домах и скулили собаки.

– Вов, пошли на станцию, там вагон с продуктами разбомбило – звал лучший друг Алёшка Воробьёв, выглядывавший из-за забора. Из-под видавшей виды кепки, надвинутой на глаза, выбивался белобрысый чуб, брюки подпоясаны старым, наверное, ещё отцовским ремнём, в руках брезентовая котомка.

– Пошли. Наши уже побежали, а то опоздаем.

Володя глянул на сестёр, возившихся в огороде. Вера и Надя уже заметили Алёшку и смотрели на него с подозрением. Не зря тот прибежал так рано.

– Вовка, если уйдёшь, всё матери расскажу – не выдержала первой Вера.

– Нам ещё огород полоть и воду натаскать надо – дополнила сестру Надежда.

– А ну вас! – уже на бегу крикнул он – я принесу что-нибудь, я быстро!

Друзья бежали напрямки к станции. Вчера ночью был налёт, и слух о том, что бомба попала в товарный вагон, стоявший под погрузку на дальних путях, быстро распространился по посёлку. Недалеко были склады, называемые в народе «минскими». Именно из этих складов грузили эшелоны, уходившие в тыл.

Повреждённый вагон лежал на боку, и вокруг были разбросаны ящики с консервами, какие-то мешки и кульки. На путях работали рабочие из депо. Недалеко стояла дрезина, подвозившая инструменты,

шпалы и другие необходимые материалы. Возле вагона стояло оцепление, впрочем, не очень внушительное.

– Чего припёрлись? Вишь и без вас хватает – дружелюбно встретил Владимира и Алексея Колян с соседней улицы – С утра стоят – добавил он, указывая взглядом на военных.

– Все равно не успеют – сказал хмурый парень и сплюнул сквозь зубы.

Группа ребят человек десять сидела на пригорке недалеко от вагона и смотрела на то, как восстанавливают повреждённые рельсы. Спускаться никто не рискнул. Война! И как расправляются с мародёрами знали, но только присутствие хоть и не многочисленного конвоя сдерживало их.

– Чего не успеют? – самый младший лет десяти Васька Уткин устроился на пустой ржавой бочке, невесть как здесь взявшейся. Бочка на половину была закопана в землю и не раз служила ребятам для разных целей.

– Немцы скоро в Брянске будут, вот и не успеют – хмурый снова сплюнул – Ничего не успеют. Надо ночью приходить. До ночи, может, охрану уберут. А может, и нет!

Последние два дня было как-то особенно тихо. Бомбить станцию перестали. Составы проходили почти не останавливаясь. На третий день в Брянск пришли немцы.

Напротив дома Бокариновых расположилась немецкая полевая кухня, вокруг которой кипела жизнь. Подъезжали машины, из которых немецкие солдаты разгружали ящики, подвозили лес на подводах, дымились трубы полевых печей. Первые дни к немцам присматривались, стараясь зря не покидать дома. Со временем на улицах стало появляться всё больше людей. Немцы не злобствовали, дома не грабили, не насиловали и не убивали. Володя со своим лучшим другом Алексеем Воробьёвым тоже начали подрабатывать на кухне. Им давали очистки от картофеля, хлеба, иногда подкармливали. Немцы звали их Алекс и Вофа. Отличали от других парней посёлка и сами звали, когда нужна была помощь и была работа.

Рядом с кухней часто стояли машины, и парни, рискуя собственной жизнью, лазали в них и воровали консервы. Они открывали ящики отвёрткой, забирали несколько банок и обратно закрывали ящик. Это была кухня какой-то тыловой части, которая занималась строительством мостов, дорог и другими инженерными работами.

1 сентября 1943 года эта часть стала сворачиваться. Дела на фронте развивались совсем не так, как хотелось командованию и от немецкой лояльности не осталось и следа. В городе начались массовые облавы на молодёжь и детей. Их собирали для отправки в

Германию. Сначала схватили Веру и Надю, но во всеобщей суете им удалось убежать и вернуться домой. Володю и Алексея тоже схватили. Они сначала и не думали убегать. К немцам они уже привыкли и не особенно их боялись. Научились даже говорить по-немецки некоторые слова и отдельные фразы. Они боялись, что если убегут, их будут искать и найдут Веру и Надю. Поэтому друзья строили планы убежать по дороге. Прошёл слух, что всех погрузят в вагоны и отправят в Жуковку (город в Брянской области). Однако планам не суждено было сбыться. Когда поезд приехал в Жуковку, немцы выставили много постов вдоль всех вагонов, и убежать практически было невозможно. Желание бежать крепло по мере удаления поезда от дома. Тем более, что состав шёл пока по Брянщине и, хотя они здесь никогда не были, все же узнавали название некоторых станций, известных по рассказам взрослых. Они пока знали, где дом. Но их везли всё дальше и дальше почти без остановок. Советские войска наступали, и немцы торопились. Так доехали до Могилёва. Немцы должны были делать какой-то мост или переправу. Под Могилёвом стояли месяца два. Всех молодых ребят использовали, как рабочую силу. Их переодели в немецкую рабочую форму. Работа была не очень изнурительная, кормили сносно. Жили в большом общем бараке. Спали прямо на сене, вповалку. По деревне передвигались довольно свободно. Ходили даже на танцы, которые устраивали в деревенском клубе местная власть. В деревнях гнали самогон, и меняли его у немцев на что придётся. Один раз немцы заставили выпить самогон Владимира. Ощущение было отвратительное и его чуть не стошнило.

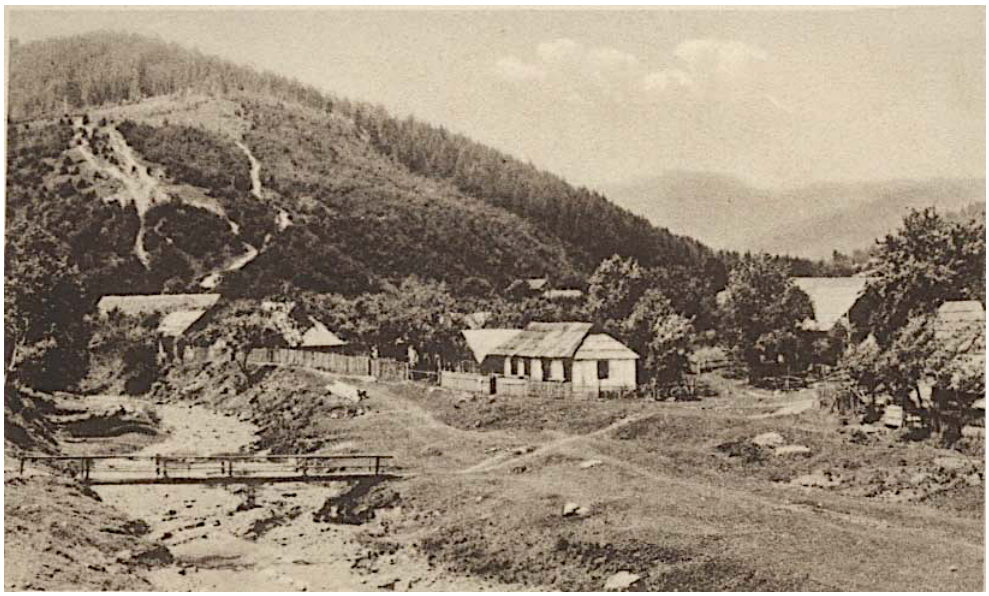
Володя Бокаринов. 1943 г.

Володю и Алексея больше использовали на кухне. Уже привыкли к ним, к тому же у Владимира разболелось колено, и ему было трудно ходить. Настроение было самое что ни на есть плохое. Информации никакой, что делать никто не знал, где дом, тоже непонятно.

В начале октября поехали дальше. Владимир и Алексей стояли у приоткрытой двери и, несмотря на холодные струи осеннего воздуха, смотрели на мелькавшие пейзажи. Дома в деревнях полуразрушенные и обгорелые. Люди жили в землянках или просто в ямах, накрытых сверху, чем придётся.

– Эх, расскажи, как я умру – пел Владимир протяжную, грустную песню и вспоминал дом, сестёр, мать.

Однажды всех погрузили в вагоны и долго держали за закрытыми дверями. Поехали только ночью. Ехали все время лесами. Проехали станцию Лида. Путь лежал в Карпаты. В вагоне было несколько ребят с одной улицы: Михаил Столяров, Сергей и другие. Никто не знал, куда их везут. Ехали долго, почти без остановок до станции Ямна, Станиславской области (в советское время Ивано-Франковская). Там был разбит большой лагерь.

Карпаты возле села Ямна

Немцы строили туннель, и было решено использовать дополнительную рабочую силу. Основную тяжёлую «земляную» работу делали пленные. Их держали под усиленной охраной в отдельном бараке. Приехавшую молодёжь использовали, в основном, как подсобных рабочих. Владимир и Алексей опять работали на кухне. Их уже знали и в некотором роде доверяли. Потянулись однообразные осенние дни. Работа по кухне была привычна и необременительна. Здесь у ребят окончательно созрело решение на побег. Выбрав удобный момент, они поделились своими замыслами с Михаилом, но тот наотрез отказался участвовать в этой затее. Ребята начали потихоньку готовиться к побегу. Недалеко от барака, в котором они жили, под корягой вырыли яму и замаскировали её хворостом. В этот тайник они складывали всё, что удавалось стащить: хлеб, шоколад, консервы.

30 апреля 1944 года немцы решили устроить праздник. Они зарезали свинью и готовились посидеть вечерком с бутылочкой пива. Было много работы, все крутились на кухне, и Владимиру с Алексеем удавалось по очереди незаметно исчезать. У повара Михеля Рабеля,

коренастого, косолапого, который жил в одной комнате вместе с Кнелем - гнилым ухом, удалось даже стащить пистолет, который просто висел в кобуре на спинке кровати.

Решили, что для побега это лучшее время. Немцы уже начали своё застолье, со стороны кухни раздавались зычные выкрики и смех. И они побежали, всё время оглядываясь, сначала по неглубокой ложбинке, потом по огородам, расположенным на окраине села. За огородами под горой они увидели дорогу, по которой немцы вели колону военнопленных. Ребята упали за кустами и затаились. Сердце стучало так, что казалось, было слышно за километр. Где-то невдалеке шумела вода в горной речке. Рискнули встать только тогда, когда колонна скрылась за поворотом. Бегом бросились к заветному тайнику и чуть не столкнулись с немецким офицером. Офицер был незнакомый, чужой. Владимир и Алексей еле сдерживались, стоя за деревьями, чтобы ни выхватить пистолет и не начать стрелять. Офицер спокойно прошёл мимо, видно не заметив их. Ещё раз избежав нежелательной встречи, беглецы направились к своему тайнику. Они уложили в рюкзак припасённые продукты и пошли вдоль реки вверх по течению. Первый страх прошёл, и они уже с большим пониманием происходящего быстро шли по намеченному пути, стараясь оставаться не замеченными.

Немцы обнаружили их отсутствие через час. Долго бегали вокруг кухни и искали, где есть Алекс и Вофа. Погони, как таковой организовано не было. Начинало темнеть, и до утра не было смысла устраивать тревогу из-за двух пацанов.

Ребята шли то по реке, спотыкаясь о большие валуны, то по берегу, царапаясь о кусты, растущие над самой водой. Быстро стемнело, как обычно бывает в горах. Было сыро и холодно. Они устали и шли уже не так энергично. Наконец совсем выбившись из сил, они решили, что ушли достаточно далеко и можно немного отдохнуть и перекусить. Стали искать место поукромнее, что в полной темноте сделать было не так уж просто. Нашли небольшую ложбинку, окружённую кустами и деревьями. Постарались развести костёр. Собрали ветки, которые были сырыми и не могли разгореться. Бумаги не оказалось, и они стали разжигать деньгами. Костер так и не разгорелся. Кое-как поели и уснули прямо на земле.

Утром проснулись от холода. Место, где они спали, было усыпано снегом. На деревьях и кустарниках висели шапки липкого тяжёлого снега. Горы преобразились за одну ночь, стали светлее и мягче. Кругом была тишина, и казалось, ничего не предвещает опасность.

Владимир и Алексей умылись снегом, быстро утолили голод остатками вчерашнего ужина, и отправились в путь.

Куда идти, они не знали и поэтому, определив направление на восток, старались с него не сбиваться. Они переходили с горы на гору как по волнам, то вверх, то вниз. Причем, как довольно быстро убедились, спускаться оказалось совсем не проще, чем подниматься.

Им везло. Все время попадались бывшие стоянки немцев и некоторые, совсем недавние. К счастью, они никого не встретили.

Между двух возвышений в долине, где стремительно проносилась по каменному руслу небольшая горная речушка, они увидели хутор. Он всего-то состоял из нескольких домов. Долго думали, но потом рискнули и постучались в крайний дом. В доме были одни женщины. Они говорили на каком-то вроде и своём, но непонятном языке. Когда они начинали говорить медленно, Володя улавливал отдельные знакомые слова. Женщины ни о чём не спрашивали. Они отвели ребят в какой-то закуток и принесли еду.

Горные реки Карпат

Пошли дальше. Где-то, казалось, очень далеко, слышался неясный гул. И среди этого гула отчётливо раздавались звуки выстрелов пушки. Эта пушка стреляла четко и размеренно. Ребята приняли её за ориентир, и пошли на эти звуки. Каким-то чутьём они угадывали, что линия фронта недалеко. Это придавало сил и чувство насторожённости.

Выйдя из леса на очередной склон горы, они сверху увидели большое село, лежащее на их пути. Село растянулось вдоль речки, и в конце разветвлялась на две больших улицы. Одна поворачивала по

руслу реки и уходила вправо, а другая, поменьше, поворачивал влево, и упиралась в склон горы. Недолго совещаясь, решили проскочить деревню быстро, по наглому, именно через левую улицу. Обходить её по горам было бы слишком долго. Старались спускаться как можно не заметней, хотя сделать это было не так просто. Листва на деревьях уже не была такой густой, как летом, да и снег прибавил забот. За кустами перед улицей остановились, ещё раз оценивая обстановку. За домами истерично орала баба, поскуливала собака. В конце другой улице ползла телега.

Друзья рванулись через кусты, огороды, перемахнули изгородь из жердей и уже почти выскочили на улицу, когда заметили идущую впереди группу военных. В последнюю секунду они резко повернули к ближайшей избе и скрылись за зарослями орешника, растущего на краю начинающихся огородов. Это был отряд мадьяр, которых много воевало на западной Украине на стороне немцев. Выглянув из-за кустарника, увидели ещё одного солдата с двумя большими термосами, догонявшего скрывшийся за поворотом отряд. Всё было на удивление спокойно. По-прежнему голосила баба и поскуливала собака. Отряд исчез из поля зрения. Мадьяры, скорее всего, тоже обнаружили их, но не придали значения двум солдатам. На Володе и Алексее была немецкая военная форма, конечно, не такая как в армии, но очень похожая на форму денщиков и других служивших в обслуживающем составе.

Немного переведя дух, друзья продолжили свой путь. Снова огородами по ложбине вдоль горы, всё время останавливаясь и прислушиваясь, шли на звуки казавшейся уже родной пушки. Через несколько часов, переходя очередную поляну, наткнулись на провода, наспех присыпанные листьями. Владимир предложил идти по этим проводам. Они так и сделали. И уже не очень опасаясь быть замеченными, как можно быстрей двинулись на восток. Автоматная очередь раздалась неожиданно, как гром среди ясного неба. Пули просвистели над головами, срезав несколько веток деревьев. Ребята мгновенно упали, обхватив голову руками.

Солдат Красной армии

– А, ну вставай, мать вашу! Чего разлеглись. Хонде хох, фрицы!

Ребята не поверили своим ушам. Они услышали родную русскую речь. Подняли головы. Перед ними стоял, свесив автомат на перевес, усатый

солдат. С такими настоящими пышными русскими усами. Солдат отвёл Владимира и Алексея к командиру.

Командир роты связи Иван Иванович Иванов был человеком озабоченным. Ему некогда было возиться с двумя пацанами-перебежчиками да и устав он знал твёрдо. Доложил по инстанции и с первым же попутным транспортом отправил их, куда надо. Занимался такими делами на фронте СМЕРШ. Он располагался в большом селе, куда ребят доставили под конвоем. Их привели в избу, располагавшуюся в центре села. В большой комнате, пол которой был устлан соломой, прямо на полу сидело человек тридцать людей разного возраста. Через некоторое время стали по одному вызывать на допрос. Дошла очередь и до Владимира.

В комнате за столом сидело три человека, все командиры. Вопросы задавали самые разные. Просили описать улицу, на которой он жил. В каком углу их дома в Брянске стояло ведро с водой. Потом приказали снять ботинки и показать ноги. Владимир всё не мог взять в толк, зачем такие вопросы, зачем разуваться. Отпустили, ничего не сказав, и приказали ждать, а не задавать вопросы. Потянулись долгие дни ожидания. Владимир и Алексей считались арестованными, пока не будет выяснена их вина перед родиной. Сотрудники СМЕРШ отправили запрос в уже освобождённый Брянск и ждали ответа, который и решит участь ребят. За это время их два раза перебрасывали с места на место. Сначала их погрузили в крытые грузовики, рядом с бортом сели два вооружённых солдата и отправили в город Надворную. Там их держали уже в настоящей тюрьме, в камерах по шесть человек. Володе опять повезло и удалось попасть вместе с Алексеем в одну камеру. Днём выводили всех на работу, пилить дрова, копать землю, строить какой-то забор. Особенно тоскливо было вечерами. Света не было. Зажигать светильники не разрешали. Потом на поезде их отправили в город Коломыю. Здесь был целый лагерь для перебежчиков. Жили в бараках. Длинные деревянные нары тянулись вдоль всего барака. Спали прямо в одежде на соломе. Было холодно и сыро. В ожидании прошло три или четыре недели.

Однажды утром Владимира и Алексея вызвали к начальнику лагеря. Небритый майор объявил им, что получены документы из военного комиссариата города Брянска, что эти документы действительно подтверждают то, что их забрали вместе с другой молодёжью города и отправили Германию, но они обязаны кровью искупить вину перед родиной и поэтому их Черновицким районным военкоматом (РВК) призывают в рабоче-крестьянскую красную армию (РККА) и зачисляют в 1-й стрелковый батальон 239 армейского запасного стрелкового полка (азсп). Таким образом в апреле 1944 года Владимир и Алексей оказались в рядах Красной армии.

Перечень мобилизованных
в годы Второй Мировой войны
Черновицким РВК,
Украинская ССР, Черновицкая обл.,
г. Черновицы

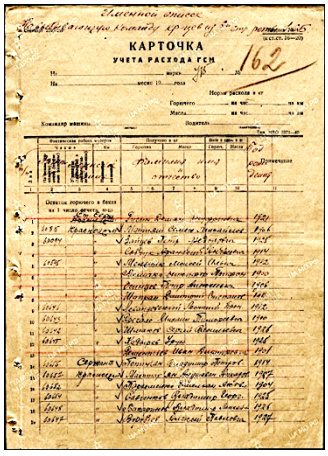
(по данным сайтов "ОБД-Мемориал" и "Подвиг народа")

Фамилия Имя Отчество	Дата рождения	Дата призыва
Бакаринов Владимир Михайлович	__.__.1926	__.04.1944

Выписка из перечня мобилизованных Черновицким РВК

В запасном полку, куда их определили как совсем молодых и неопытных, было много таких, как они ничего не знающих и не умеющих. Ещё какое-то время ушло на формирование маршевой команды для направления в 271-ю стрелковую дивизию. Их отмыли, подстригли.

Санитарный паспорт на созданную маршевую команду

На фронт попали сразу без всякой подготовки и длительных сборов. 10 мая 1944 года всех построили в шеренгу и погнали строем. Шли долго через весь город, пока не вышли в большую долину между двух небольших гор, представляющую целое поле, заросшее не убранной травой. Лишь на горизонте виднелись силуэты Карпат. Через некоторое время подъехала полуторка, до верху набитая одеждой. Каждый подходил, и ему из кузова выдавали обмундирование. Володе досталась хорошая чистая, почти новая белая нательная рубаха. В толпе царило оживление. Многие меняли полученные гимнастёрки, брюки и сапоги, подыскивая себе по размеру. Некоторые тут же меняли нательные рубахи на мамалыгу. Сколачивались группы по интересам. Володя и Алексей держались всё время вместе. К ним присоединились

ещё несколько ребят помоложе. Сопровождающие военные почти не вмешивались во весь этот процесс.

Прошло не так уж и много времени, как начали подъезжать легковые и грузовые машины. По толпе прокатилась весть, что это «покупатели» из разных полков и батальонов. Всех новобранцев построили в шеренгу, и «покупатели» ходили вдоль строя, отбирая себе солдат. Владимиру и Алексею на этот раз не повезло и их записали в разные части. Владимир сразу, как узнал свой полк (615 стрелковый полк 167 стрелковой дивизии 1-й гвардейской армии 4-го Украинского фронта), пристроился на ступеньке машины, которая привозила им обмундирование, и написал домой коротенькую записку, свернул её треугольником и передал водителю полуторки, попросив отослать через полевую почту. Старый худой солдат что-то проворчал себе под нос, но письмо взял. Алексей не стал писать. Он сказал, что напишет потом, когда их привезут на место. Но их повезли прямо на передовую.

Владимир был небольшого роста и худой. Гимнастёрка с чужого плеча болталась на нём, как на пугале. И как он ни старался геройски держать полученную винтовку, шутки сыпались на него со всех сторон. Старшина, увидев среди пополнения Владимира, хмыкнул в пышные усы:

– Обстрелянные? Нет! Ну, давай будем обстреливать!

Ему вручили автомат, ещё раз проинструктировав, как и что нажимать. Большую круглую мину отнесли метров на 25 от окопа и приказали по ней стрелять.

– Да, короткими, короткими – кричал старшина в ухо – куда ты в белый свет, мать твою! Прижимай приклад к плечу сильнее.

Наконец одна из пуль угодила в мину, и та с грохотом взорвалась. Владимир от неожиданности упал на дно окопа, а когда попытался снова высунуть голову, был скинут на дно теперь уже старшиной. Немцы после взрыва мины открыли огонь со своей стороны. Получилась первая перестрелка, в которой Владимир участвовал.

Так в окопе прошёл весь день. Поспать ночью не удалось. Пришлось снова стрелять. И довольно долго. Пока не заболело плечо. В ушах всё гудело. Впереди была сплошная темнота, из которой время от времени возникали огоньки выстрелов. Владимир стрелял и не понимал, куда и в кого он стреляет. Рядом с тупым постоянством перезаряжал винтовку пожилой немногословный солдат Емельян. Он действовал, как заведённый робот. Выстрелит, откатится назад на стенку окопа, перекрестится мелким крестом, перезарядит винтовку, приложится на бруствер, выстрел и снова откатится назад. Под утро перестрелка прекратилась, и Владимир смог немного подремать, свернувшись в шинели на дне окопа.

Днём старшина приказал отправляться на охоту, если не хотят здесь подохнуть с голоду. В команду из пяти человек попал и Владимир. Им необходимо было найти что-нибудь съестное. В основном ловили коз и охотились на лосей в нейтральной зоне. Они прошли довольно далеко, но их никто не останавливал. Было тихо и спокойно после ночной перестрелки. Лишь общим гулом отдавала далёкая канонада, да одиночные выстрелы вдруг раздавались то там, то там.

– Соседи охотятся! – констатировал старший сержант Ерёмин, командир их небольшой группы.

Владимир впервые увидел убитых, которые валялись среди кустарников, и на них никто не обращал внимания. Какой-то санитар лежал уже, наверное, давно. От него противно пахло, а по лицу ползали черви. Владимир еле сдержался, проходя мимо трупа.

Расположились на отдых на небольшой полянке, под развесистой ракитой. Уже начали дремать на теплом, весеннем солнце, когда услышали говор и хруст веток под шагами. Оказалось, такие же «охотники» с соседнего батальона. Здесь Володя случайно узнал о смерти своего верного товарища. Алексея Воробьёва убило в первую же ночь. Шальная пуля попала в амбразуру укрытия, где в это время находился Алексей, и угодила ему прямо в лоб. У Володи захватило дыхание, на глазах навернулись слезы.

– А письмо он успел написать? – спросил он у солдата, который рассказывал, не дожидаясь ответа, отошёл в сторону и упал на уже прогретую солнцем землю. Вверху медленно проплывали белые облака, летала паутина и быстрокрылые стрижи. Володя вспоминал, как они бежали по Карпатам, как мечтали приехать домой, все в орденах и медалях. Эх, Алексей, Алексей!

Недели через две назначили наступление. К нему практически не готовились или Владимир этого просто не замечал. Как всегда, сидели в окопе, иногда постреливая, иногда совершали вылазки за мясом.

На рассвете зазвучали зычные команды командиров, и все начали карабкаться наверх окопов. Нестройная цепочка солдат легко растворялась в блеклом рассвете. Владимир со всеми вместе лез наверх, со всеми куда-то бежал, свесив наперевес автомат, кричал во весь открытый от страха рот и стрелял, стрелял. Он так и не понял, где же немцы, на которых они наступали. Полдня шли вперёд, переходя холмы и перелески. Наконец последовала команда остановиться, окопаться. Начали копать укрытия. Земля была твёрдая, сплошная глина и камни. Копать практически было невозможно. Для командира поставили палатку под небольшим овражком. Остальные располагались, кто как мог. Благо ночи были уже не очень холодные.

Немцы напали внезапно со всех сторон. Среди наших солдат началась паника. Бежали все, кто как мог, зачастую полураздетые. Стреляли на бегу, просто наугад. Владимир бежал со всеми, главное, стараясь не отстать. Он выбрал широкую спину старшины и любыми силами, зацепившись за неё взглядом, старался не отстать, не потеряться. Он не оглядывался, не стрелял, а только бежал вперёд за этой спиной, стиснув зубы, и не выпуская из рук автомат.

Это был один из прорывов, операция местного значения. Таких операций было много в Карпатах, где легко нарушалась линия фронта. Сёла переходили от одного противника к другому. Зачастую через них просто проходили, не задерживаясь, то отряды немцев, то мадьяр, то советской армии, то местных партизан, вообще неизвестно за кого воюющих. Из окружения выходили тремя колоннами, которые следовали параллельными курсами с небольшим отставанием. Владимира определили в разведку. Почему он и сам не мог себе объяснить. Один раз Владимиру и солдату Пшеничному дали задание определить положение второй колонны, которая двигалась впереди и сбоку. Владимир шёл впереди, Пшеничный сзади. Он не оборачивался, поэтому даже не заметил, когда Пшеничный пропал. Вторую колонну Володя нашёл довольно быстро и передал командиру сведения о своей колонне. Его оставили для возможной дальнейшей связи. Все три колоны встретились на верху горы. Немцы остались внизу. Наши начали готовиться к атаке. Первым делом всем дали отдохнуть. Солдаты лежали прямо в высокой траве, среди фруктовых деревьев. Владимир нашёл себе место возле остатков старой стены. Стена была выложена из обычных камней, а не кирпичей. Она вся заросла мхом и травой. Трава росла прямо из стены. Под ней было тихо и уютно. Владимир заснул и ему снился родной дом, мать и сёстры.

Ближе к вечеру начали атаку.

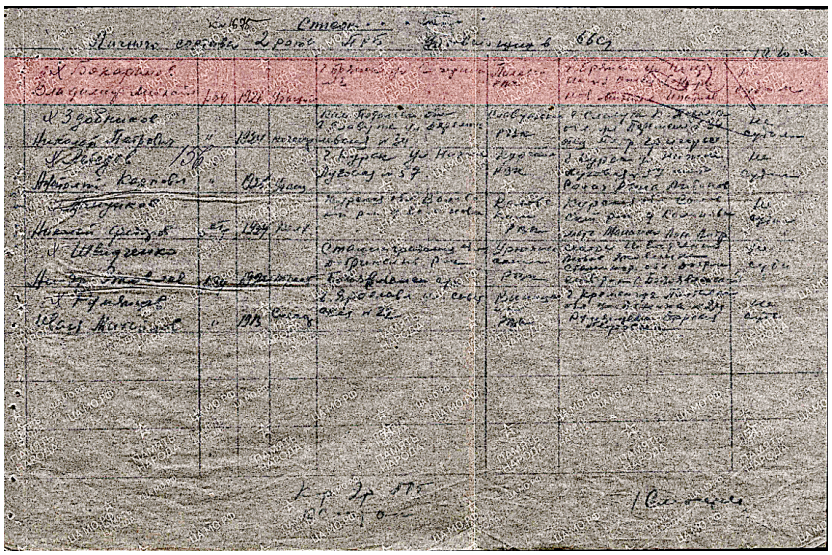
– За родину! За Сталина! – крикнул лейтенант, и человек пятнадцать рванулись за ним вперёд.

Немцы открыли огонь. Под гору бежалось легко. Владимир старался не отставать. Пуля ударила под самую ногу. Он упал за камень, большой круглый валун. Нога покалывала в районе подошвы. Он немного полежал, пока нога не успокоилась. Она как - то занемела.

Нужно было бежать дальше. Впереди виднелась стена, наверное, продолжение той, у которой он совсем недавно отдыхал на вершине. Володя приподнялся и превозмогая боль в ноге, рванулся вперёд. Не добежав до стены совсем немного, он почувствовал удар в плечо. Пилотка отлетела в сторону. Владимир сгоряча со всего хода перемахнул стену и упал под ней. Плечо горело и по руке растекалось что-то липкое и тёплое. Солдат, лежащий рядом, почему-то все время звал сестру. Наконец подбежали санитары. Они перевязали

Владимира и оттащили его в небольшую ложбинку, куда стаскивали всех раненых. Немцы не выдержали нашу неожиданную атаку с двух сторон и разбежались, открыв проход для выхода из окружения.

12 октября 1944 года Владимира вместе с другими ранеными отправили в медсанчасть. Рану резали и чистили прямо по живому. Было очень больно, и он терпел, зажав зубами ремень. Потом его отправили в госпиталь в г. Мукачево.

Перечень убывающих из воинской части в 66 сан. батальон

В госпитале Владимир пролежал около месяца. Его подлечили. Рана зажила и, хотя пуля осталась в теле, она не беспокоила. Кормили в госпитале хорошо и несмотря на строгую дисциплину Владимир не скучал. Через месяц его отправили в действующую часть, определив во взвод автоматчиков 3-й стрелковой роты 615 стрелкового полка 167 стрелковой дивизии 1-й гвардейской армии 4-го Украинского фронта.

Город Мукачево во время войны

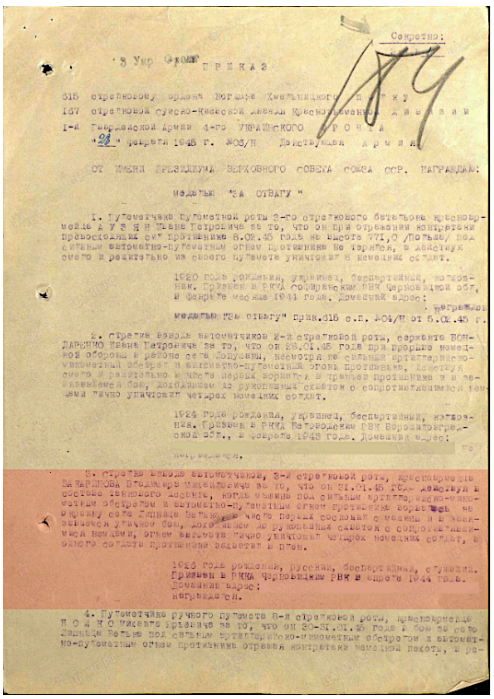
Полк двигался по дорогам Польши в сторону Чехословацкой границы. Виднелись впереди до-

ма какой-то деревни, где по сведениям разведки была организована оборона противника. Поступил приказ на организацию танковой атаки, и стрелковая рота, в которой находился, Владимир была направлена на броню. Так назывался десант пехотинцев, располагавшийся на танках, самоходных установках, чтобы как можно быстрее и безопаснее попасть в зону обороны противника.

За эту атаку Владимир получил свою первую медаль – солдатскую медаль За отвагу.

В приказе по 615 стрелковому полка было сказано:

Стрелка взвода автоматчиков, 3-й стрелковой роты, красноармейца Бакаринова Владимира Михайловича (В этом и других документах часто путали фамилию и писали Бакаринов вместо Бокаринов) за то что он 31.01.45 года действуя в составе танкового десанта, когда машина под сильным артиллерийско-минометным обстрелом и автоматно-пулемётным огнём ворвался на окраину села Липница Велке (Lipnica Wielka) в числе первых соскочил с машины и в завязавшемся уличном бою, доходившим до рукопашных схваток с сопротивлявшимися немцами, огнём автомата лично уничтожил четырёх немецких солдат, а одного солдата противника захватил в плен, наградить медалью за отвагу.

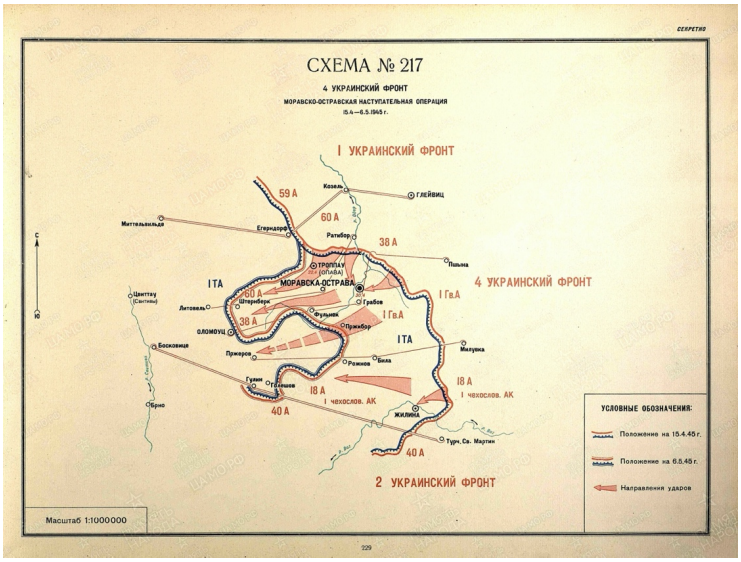

Приказ по 615 стрелковому полку

Медаль За отвагу

Снова были переходы по горам, перестрелки с противником, ночные вылазки. Местечко Моравская Острова в восточной Чехии стало последним местом пребывания Володи на этой войне.

Моравско-Остравская наступательная операция

Они стояли фронтом, готовясь к очередному броску. Положение было выгодное. Их батальон находился в небольшом сосновом лесу, на возвышенности, с которой хорошо просматривался окопавшийся противник. Время от времени немцы стреляли по нашим позициям. Впрочем, на эти выстрелы особенно никто не обращал внимания. Бронебойный снаряд попал в большую сосну, разорвался и увесистый осколок угодил Владимиру в спину. Шёл март 1945 года. До конца войны оставалось совсем не много.

С 24 марта 1945 года по 16 июля 1946 года начались скитания Владимира по госпиталям и больницам. Сначала его отправили в Днепропетровск. Там сделали первую операцию. Но рана не заживала, всё время гноилась и сочилась. В ноябре 1945 года его переправили в Харьков. Госпиталь располагался в Сабуровой даче, бывшем сумасшедшем доме. Сумасшедшие ещё оставались в госпитале. Лечил его и ещё раз оперировал хирург, который впоследствии стал одним из основоположников нейрохирургии в клинике Бурденко. Раненые у него были, как подопытные кролики. Операция опять оказалась не очень успешной. Свищ оставался. В мае 1946 года Владимира вызвали к начальнику госпиталя. Там заседала комиссия. Ему предложили:

Здание госпиталя в Харькове. 1946 г.

делать ещё одну операцию или уезжать домой и долечиваться там. Владимир думал не долго. Он решился на ещё одну операцию.

Операцию делал еврей, здоровенный рыжий мужик. Когда Владимир вошёл в операционную, он стоял посредине. Огромные волосатые руки, закатанные по локоть рукава халата, все в крови. Вокруг толпились студенты или какие-то его ученики, которым он что-то с увлечением рассказывал. На Володю всё это подействовало не лучшим образом, и он согласился делать операцию только под общим наркозом. В то время в госпиталях появился американский наркоз, который вводили в вену. Среди раненых ходили легенды, как хорошо оперироваться под наркозом. Операция длилась три часа. Владимир запомнил, как он уже в приходящем сознании услышал голос доктора:

– Маску, срочно маску!

Он снова отключился. Потом долго лежал в палате, отходя от наркоза, и распевал: «… Эх, расскажи, расскажи бродяга…».

Через некоторое время пришла медсестра делать укол морфия. Рядом с Владимиром лежал раненый, который всё время стонал и ныл. Володя говорит:

– Сделайте укол лучше ему, мне и так хорошо.

Через неделю его повезли на перевязку. Дыра в спине оказалась просто огромная. Врач начал снимать бинты и говорит:

– Ты кричи погромче, что есть мочи.

– А чего кричать-то, если не больно – говорит Володя и в этот же момент получил такой удар боли, что слезы брызнули из глаз и он так заорал, как не кричал никогда в жизни.

Врач вытаскивал бинты из ещё живой раны.

Несмотря на сложности послевоенной жизни, молодой организм и время сыграли свою роль. Рана постепенно заживала, и уже никогда больше свищ не появлялся снова.

На улице стояла жара. Кормили в госпитале очень плохо и приходилось буквально выживать. Иногда в палаты приходили шефы и приносили жареную картошку, дыни, помидоры и огурцы. Раненные

устраивали себе праздник. Невесть откуда появлялась бутылка самогона, которая шла по кругу. Сёстры закрывали на всё это глаза. Правда, такие праздники в госпитале были достаточно редки.

В мае 1946 года у Владимира был, пожалуй, самый критический момент. Ходить он не мог. Передвигался на костылях и то еле-еле. Он учился ходить практически заново. С мая его состояние начинает улучшаться. Он понемногу восстанавливал былые силы.

В госпитале существовали свои неписаные законы и правила. Раненые вели себя достаточно вольно. Могли и костылём в санитарок заехать или недоваренную кашу в коридор выкинуть. Без разрешения ходили в город. Бесплатно питались в буфетах. Зачастую запросто проламывали костылями стену и забирали продукты. Повально в госпитале играли в карты. Сначала игра шла на папиросы. Потом появились деньги. Играли целыми сутками выигрывая и проигрывая целые «состояния».

Как-то ещё до войны в Брянске Владимир с пацанами попали на берег лесного озера. Там мужики играли в карты, как потом оказалось бывшие «зеки». Володя паренёк был смышлёный. Посидел с ними несколько часов, присмотрелся, как они мухлюют. Потом один из них показал ему несколько приёмчиков. В госпитале все эти навыки здорово пригодились. Он обыграл весь госпиталь. Коробка из-под американской посылки стояла под кроватью, полная денег. Ходил на рынок, где покупал продукты и одеколон. Он давал пользоваться одеколоном и другим. За это его уважали, защищали и помогали. Когда сидеть и ходить было тяжело, играл в карты лёжа. Так было даже легче обманывать. Один раз выиграл у майора – артиллериста очень хорошие часы, которые потом у него чуть не украли.

Госпиталь № 3352 в Харькове. 9 мая 1946 г.

4-я палата хирургического отделения Э.Г. № 3352

На базаре одно время он увлёкся играть в «цепочку». Потом, когда за один раз проиграл 800 рублей, перестал этим заниматься. И вообще перестал ходить на базар.

После госпиталя Владимира отправили в санаторий в Одессу на восстановление. В санатории дисциплина была построже, чем в госпитале, но, тем не менее, и там по-прежнему играли в карты, пили водку. Всё лечение заключалось в процедурах с грязями, массажах и воздушных закаливаниях. Все деньги разошлись быстро и незаметно.

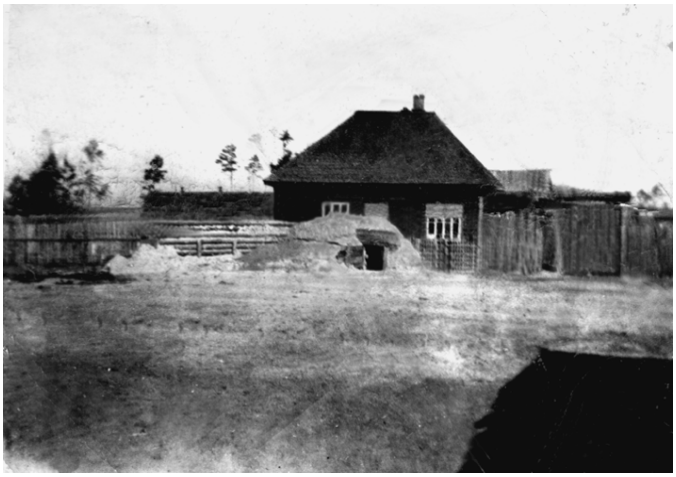
В. Бокаринов после госпиталя в Харькове. Август 1946 г.

В. Бокаринов в санатории в Одессе. Август 1946 г.

В сентябре 1946 года Владимира выписали из санатория, и он поехал домой. По дороге заехал в Киев к сестре Антонине. Погостил несколько дней и поехал в Брянск.

Родной город встретил Владимира дождём. Его никто не встречал и, перекинув за спину котомку, он отправился домой. Он не узнал родную улицу. Вместо домов стояли обуглившиеся останки. Семья Бокариновых ютилась в полуземлянке-полусарае. Его встретили сестры Лёля, Вера и Надя. Родители умерли. Мать весной 1944 года, отец осенью 1945 года. Руководила всем старшая сестра Лёля (так звали её все родные), которая два года назад вернулась в Брянск. Дом сгорел в сентябре 1943 году, при наступлении наших войск. Вся Чечеринка в это время скрывалась в окрестных лесах. Когда вернулись, от улицы осталось одно пожарище. То ли немцы подожгли, отступая, то ли от какого-то разрыва, но загорелось. А тушить было некому. Так люди остались без жилья. Возле дома Бокариновых немцы вырыли блиндаж, перекрыв его толстыми брёвнами. Именно на этом блиндаже из остатков сгоревшего дома и построили временное жилье.

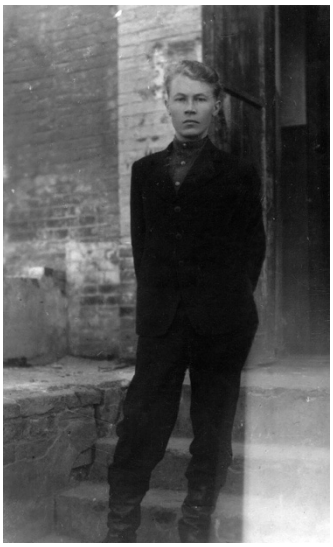

Землянка на месте бывшего дома Бокариновых

Отдохнув несколько дней, Владимир отправился в военкомат. Необходимо было зарегистрировать своё возвращение. Пожилой капитан, замученный бумагами, предложил ему остаться поработать в военкомате. Парень молодой, грамотный, военный. Владимир согласился. Он отработал два месяца, регистрируя возвращавшихся с фронта солдат. Потом какое-то начальство решило поинтересоваться биографией нового молодого сотрудника. Владимира уволили. Ведь он был в плену, а теперь его допустили к спискам военнослужащих. Непорядок.

В марте 1947 году Владимир устроился на завод по ремонту танков (в советское время назывался в.ч. 75/100) на должность «завкартбюро» (заведующий бюро по продовольственным карточкам).

Его обязанностью было выдавать продовольственные карточки рабочим завода. Однажды обнаружилась недостача карточек. Этот эпизод, впрочем, закончился хорошо, хотя дело попахивало судом. В 1947 году карточки отменили и в декабре Владимира уволили за ненадобностью. Один из друзей предложил ему устроиться инкассатором в центральный банк. Владимир переживал, что не пройдёт медицинскую комиссию и поэтому свою инвалидность он скрывал. В то время этим было не принято гордиться. Ему пригодился большой опыт госпиталей, и он как-то сумел обмануть врачей. Его зачислили в штат инкассаторов. Они числились, как младшие советники финансовой службы и им полагалась форма. Ребята не хотели её брать, потому что за неё надо было платить, однако их заставили. В форме, с пистолетом в кобуре и белым чубом, выбивавшемся из-под фирменной фуражки, Владимир выглядел весьма привлекательно.

В. Бокаринов. 1947 г.

В 1947 году совместно с сестрой Лёлей он начали строить дом из двух половин (одна для Лёли, друга для Владимира), совсем недалеко, всего через две улицы от старого отцовского дома. Владимир доставал строительные материалы, где мог, иногда расплачиваясь за них продуктовыми карточками. Работа хоть и медленно, но продвигалась вперёд. Особенно скоро получалось у Лёли. Её муж, работавший бухгалтером на заводе по ремонту танков, быстро организовывал материалы и бригады шабашников. К концу 1949 года они уже въехали в новый дом. Через год свою половину достроил и Владимир. В этом доме и прошла вся его жизнь. Сюда он привёл молодую жену, здесь родились их дети Галя и Юра, сюда приезжали в гости внуки и правнуки.

В 1948 году Владимир поступил на заочное отделение финансово-экономического техникума в г. Смоленске. Он понимал, что без образования трудно рассчитывать на хорошую зарплату и положение в обществе. Сразу же после окончания техникума в 1950 году он поступает на заочное отделение финансово-экономического института в этом же городе.

Слух о том, что в банк приехали работать молодые специалистки из Москвы, распространился быстро. Уже через пару дней Николай, товарищ Владимира по инкассаторскому делу, показал ему в столовой на пятерых девушек, что-то оживлённо обсуждавших за столом. Потом он по одиночке встречал их мельком в коридорах банка.

Однажды они с Николаем ждали деньги, которые надо было вести на завод, расположенный на окраине города. Кассиры запаздывали, рабочий день заканчивался, и они злые слонялись по коридору. Из кабинетов начали выходить сотрудники и все направлялись к лестнице, ведущей на первый этаж. Вдруг Владимир увидел, как несколько девушек, в которых он узнал москвичек, направились в другой конец коридора и исчезли за поворотом. Его это заинтересовало, и он направился за ними. За поворотом находилась небольшая ниша, где была устроена лестница, ведущая на чердак здания. По этой лестнице уже карабкались первые девушки.

В.М. Бокаринов 1950 г.

– Эй, вы куда? – с напускной строгостью спросил Владимир.

– Домой – засмеявшись, ответила стоявшая последней красивая высокая девушка с длинной косой, обмотанной вокруг головы.

– Заходите в гости на чаёк – поддержала её подруга в белой блузке и густыми русыми локонами, спускавшимися на плечи.

– Нужен он очень, такой чубатый – буркнула уже стоявшая на лестнице девушка, и подруги залились весёлым хохотом.

Владимир, не нашедший что ответить, быстро пошёл обратно.

– Так у них там общежитие – сказал Николай, когда Владимир рассказал ему о встрече на лестнице – Они там, на чердаке уже неделю живут. Удобно, вставать рано не надо. Спустился и на работе. Красота!

Теперь Владимир, встречая девушек в коридорах, кивал им как старым знакомым. Особенно он выделял двоих: высокую красивую Аллу с косой и симпатичную Марию, которая сразу запала ему в душу. Знакомство произошло на танцевальном вечере в банке. Владимир неплохо танцевал. Его обучили сестрички в госпиталях, и он смело приглашал девушек, уверенно вёл их в вальсе и крепко сжимал в объятиях молодые притягивающие тела. Владимир и его друзья всё чаще стали встречаться с москвичками. Вместе ходили гулять в парк, устраивали отдых на природе на берегу Десны, всей компанией ходили в кино и на танцы. Но постепенно стали проявляться взаимные симпатии.

Владимиру всё больше хотелось остаться наедине с Марией. Ему с ней было интересно. Она много знала. Она рассказывала ему о книгах, про которые он даже не слышал, о театре, в котором он даже не бывал, о Москве, о метро и Красной площади и как один раз она ходила на футбол на стадион Динамо. Она помогала ему в учёбе, когда он не понимал каких-то вещей, и говорила, что он обязательно должен учиться дальше. Владимир учился у неё как правильно говорить и держать себя в обществе. Она была всегда аккуратно одета, её блузки были чисты и выглажены, и от неё пахло фиалками. Владимир уже не мыслил своего существования без Марии, и 21 октября 1950 г. они приехали в инкассаторской будке в городской ЗАГС. Владимир привёз молодую жену в новый, ещё пахнувший стружкой и краской дом. Мебели не было. Привезли несколько матрасов из банка, какие-то старые стулья и нехитрую девичью утварь. 7 ноября сыграли свадьбу. Так родилась новая семья.

В. Бокаринов с М. Чураковой в парке. Брянск. 1950 г.

Владимир Бокаринов и Мария Чуракова. 1950.